

ВАН ТЕРЪЯН

Съветски
издател

©

БИБЛИОТЕКА ПОЭТА ОСНОВАНА М. ГОРЬКИМ

Редакционная коллегия

*Ф. Я. Прийма (главный редактор),
И. В. Абашидзе, Н. П. Бажан, В. Г. Базанов,
А. Н. Болдырев, П. У. Бровка, А. С. Бушмин,
Н. М. Грибачев, А. В. Западов, К. Ш. Кулиев,
Э. Б. Межслайтис, С. С. Наровчатов, В. О. Перцов,
С. А. Рустам, А. А. Сурков*

*Большая серия
Второе издание*

С О В Е Т С К И Й П И С А Т Е Л Ъ

ВАН ТЕРЬЯН

СТИХОТВОРЕНИЯ

Вступительная статья С. Н. Сариняна

Составление и примечания

С. Н. Сариняна и Н. Терьян

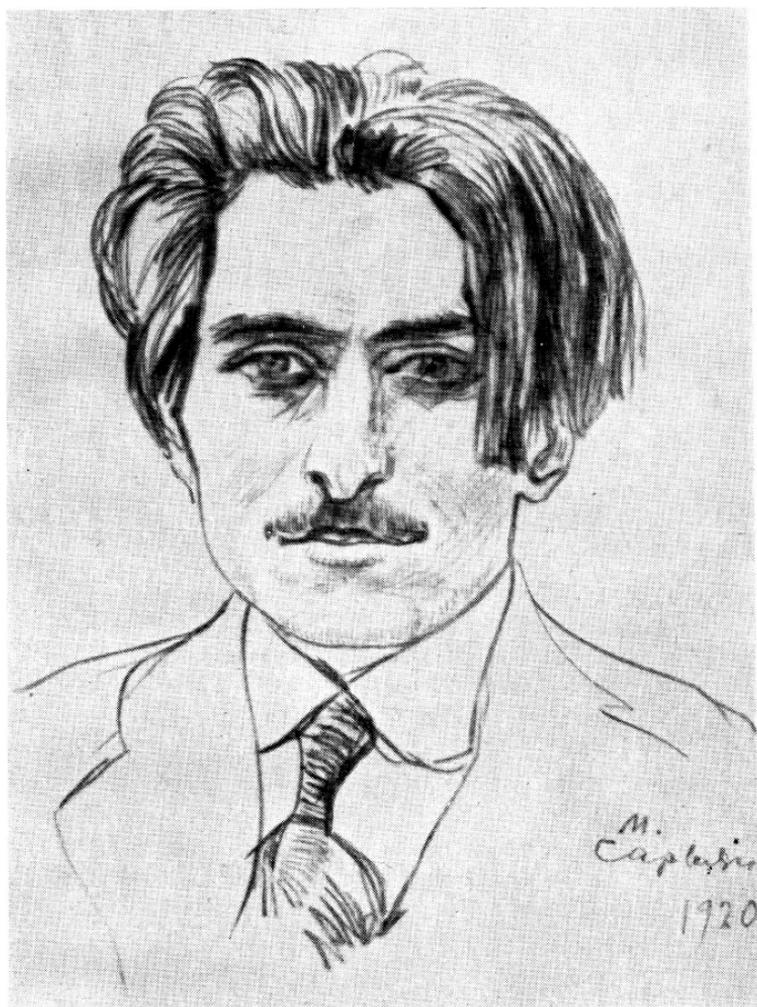
Редакция стихотворных переводов

Е. М. Николаевской

ЛЕНИНГРАДСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ · 1980

Ваан Терьян (1885—1920) — один из крупнейших представителей новой армянской литературы. Активный участник борьбы за становление Советской власти в Армении, он в творчестве своем дал непревзойденные образцы поэзии, в которой эпохальное и личностное, гражданское и интимное выступают в неразрывном единстве. Проникновенная и тонкая лирика поэта, идущая от лучших традиций армянского художественного слова, впитала в себя также и современные формы русской и западноевропейской поэзии.

Настоящее издание является наиболее полным из вышедших на русском языке собраний стихотворений Терьяна. В книге реализован принцип научной систематизации произведений и представлены лучшие, наиболее характерные образцы его творчества в переводах В. Брюсова, А. Ахматовой, Вс. Рождественского, Н. Чуковского, Т. Спендиаровой и других русских поэтов. Многие переводы публикуются впервые.

ВААН ТЕРЬЯН

1

Ваан Терьян родился в 1885 году в селе Гандза Джавахкской губернии. Прекрасная и таинственная природа Джавахка, прочные традиции быта и нравов оказали влияние на внутренний мир будущего поэта. «О, лирические вечера Гандзы, — писал Аветик Исаакян, — вы вознесли душу Ваана в поэтические и сверхчувственные стихи, вы обессмертились благодаря чарам его таланта, стали песней и сказкой, чистой усладой и высоким искусством. . .»¹

Отец патриархальной семьи, приходский священник Сукиас, был исключительной личностью, с оригинальным мышлением и сильной волей, практическим знанием жизни и необычайной любознательностью. В пятьдесят лет он научился русскому языку, чтобы читать в подлиннике русских писателей, в частности «титана мысли и морали» Льва Толстого, а уже после шестидесяти пытался обучиться французскому, «чтобы прочесть в газетах знаменитое дело Дрейфуса». Редкий этот человек знал наизусть всю древнюю армянскую словесность, с особым рвением изучал английский рационализм, примиряя его с философскими системами Платона и Аристотеля, читал Джона Дрепера, Ренана, Бокля, Спенсера, Дарвина, разделял идеи Бэкона о роли науки, обращался как к религиозным учениям, так и к материализму и социализму, отрицая, утверждая, добавляя ко всему собственные решения. Глубокий философский мир отца оказал сильное воздействие на мальчика.

¹ А в. И с а а к я н, Собр. соч., т. 5, Ереван, 1959, с. 151—152 (на арм. яз.). Далее высказывания Исаакяна цитируются по этому изданию без ссылок.

Обучившись грамоте у отца, Терьян получает первоначальное образование в государственных школах Гандзы, а затем Ахалкалаки. В 1897 году продолжает учение в тифлисской государственной гимназии. Новая среда налагает свою печать на становление духовного мира юного Терьяна. Простые, понятные, привычно близкие устои патриархального села впервые сталкиваются со сложными, неизвестными нравами большого города, которые рождают в нем болезненное чувство отчуждения, нарушая духовную цельность молодого человека. В гимназические годы он часто становится очевидцем бурных споров в товарищеских собраниях брата Арама, где молодежь, увлеченная народническими идеями, пыталась осмыслить «наисложнейшие общественные и экономические явления». ¹ Уже в тот период он обнаруживает в себе потребность самовыражения, делая заметки о впечатлениях, размышлениях, поэтических ощущениях.

Не окончив гимназии, Терьян в 1899 году отправляется в Москву и поступает в третий класс Лазаревского института восточных языков. Семь лет в институте (1899—1906) имели исключительное значение в формировании личности Терьяна. Молодежь, приехавшая из различных провинций далекой родины, потрясенная трагической судьбой нации, подтверждала свою преданность торжественными клятвами «жертвовать жизнью во имя нашей несчастной страны» и внимательно следила за развращающимися в России начала века революционными событиями. Взгляды молодежи, проникнутой национально-демократическими уонастроениями, сливаются с более широкими направлениями социально-освободительного движения, приводя к серьезным сдвигам в развитии национального самосознания и общественной мысли. Уже в институте Терьян сближается с группой марксистски настроенных интеллигентов (Ал. Мясникян, Ц. Ханзадян, П. Макинцян, О. Оганджян и другие), и эта близость вырастает впоследствии в сотрудничество литературных и идейных единомышленников.

В институтские годы Терьян расширяет круг своих литературно-художественных интересов. С особым увлечением читает русских и европейских авторов новейшего периода — Верхарна, Верлена, Бальмонта, Сологуба, Брюсова, Иванова, Блока, чьи открытия побуждают его облечь в новую форму свои поэтические ощущения.

Окончив Лазаревский институт, Терьян в 1906 году поступает на историко-филологический факультет Московского университета. Ис-

¹ «Ваан Терьян в воспоминаниях современников», Ереван, 1964 (на арм. яз.). Далее воспоминания современников о Терьяне даются по этому изданию без ссылок.

ключительный интерес к филологическим дисциплинам приводит его по окончании Московского университета (1913) на отделение восточных языков Петербургского университета, где он специализируется в области кавказоведения у известного кавказоведа Н. Я. Марра.

2

В одном из писем 1915 года Терьян замечает: «Каждая строка Туманяна для меня интересна и значительна, хотя как поэт я чувствую себя абсолютно чужим по отношению к нему, то есть его пафос — не мой пафос, я его поклонник и люблю его, но его мир — не мой мир». ¹ А еще ранее, когда были завершены «Грезы сумерек», он признал «своим самым любимым поэтом» Исаакяна, отметив «несравненность образной красоты» его песен, своеобразие «формы и стиля» и «стихийную непосредственность чувства». Терьян совершенно четко определяет свое место в процессе развития армянской поэзии. Исаакян, который усмотрел в первых литературных опытах Терьяна поэтические подражания ему и Туманяну, некоторое время спустя, прочитав рукописный вариант «Грез сумерек», был просто поражен: «За два года свершилось чудо, — пишет он, — Ваан нашел себя и тайну искусства. С появлением Ваана открылась новая страница в нашей лирике — символизм, родивший новых поэтов, которые с большим или меньшим даром начали подражать ему и повторять этот непревзойденный талант». «Очень красивые и совершенно новые для нашей лирики вещи» — так оценил появление нового поэта Ованес Туманян.

Сборник «Грезы сумерек» вышел в свет в 1908 году. Его появление сразу же принесло автору славу и имело исключительное влияние на литературную атмосферу: «Поклонникам не было числа, — вспоминает писатель Степан Зорян, — на мгновение были забыты наши знаменитые поэты: всюду — на вечерах, в семьях, в товарищеских кругах декламировались сонеты и элегии Терьяна. Начался какой-то терьяновский период, терьяновская эпоха. Воздух был наполнен Терьяном, предметом разговоров везде были его стихотворения, а сердечным подарком друзей и влюбленных друг другу — „Грезы сумерек“». Это была неповторимая запись поэтических отзвуков человеческой души, отмеченная безмерной глубиной чувства и философской насыщенностью мысли.

Расставшись с родиной в юношеском возрасте, Терьян болезненно ощущал свою оторванность от нее. «Но приятно сидеть так и думать

¹ В. Терьян, Собр. соч., Ереван, 1963, т. 3, с. 406 (на арм. яз.). Далее высказывания Терьяна цитируются по этому изданию без ссылки.

о дальних сторонах, — пишет он в одном из писем. — И прежде всего я обращаюсь к дому, к нашему селу, к нашей речке, к холму напротив нашего дома, где играл с товарищами в то время. Много происходило тогда, столько было чудес, и было что-то невиданное и чарующее в нашем селе, на берегу речки, у холмика. . .»

Нежность ласкающих рук, навсегда утраченную любовь близких — вот что покинул поэт в родном краю: «Мне так хочется этой ласковой тишины, уюта и далекости ото всего, и приветливости, и ласки! Вы поймете меня, если вспомните, что у меня нет уже матери, и я уже давно не знаю ее ласк. Впрочем, не знаю, понятно ли тем, у кого есть мать, чувство покинутости, которое так знакомо мне. . .»¹

Это ощущение «оторванности» и определяло тогда поэтическое видение Терьяна:

Оторван я от родимой земли,
Мне отчий дом стал теперь чужим,
С негасимую жаждой ишу я вдали
То, что тайным стало путем моим.

(«Оторван я от родимой земли. . .», 1903)

Бытие вещей в его поэтическом воображении часто обретало черты миража, «который есть и нет», «и близок, и далек», и сверхчувственное напряжение его духа, казалось, находило разгадку какого-то странного ощущения — «мечта ли это о несбыточном или тоска о невозвратно далеком».

То предаваясь разочарованию и тоске одиночества, то возвращаясь к светлым воспоминаниям детства, поэт вызывал к жизни неясные, призрачные образы:

Скользящей стопой, словно нежным крылом шелестя темноты,
Прошла чья-то тень, облелеяв во мгле трав белеющий цвет;
Вечерней порой, — легковеющий вздох, что ласкает кусты, —
Виденье прошло, женский призрак мелькнул, белым флером одет.

В пустынный простор бесконечных полей прошептала она,
Не слово ль любви прошептала она задремавшим полям?

¹ В. Терьян, Неизданные письма, Ереван, 1970, с. 125. Письма Терьяна цитируются далее по этому изданию без ссылки.

Остался в цветах этот шепот навек, словно отзвуки сна,
И, шепот лоя, этот шепот святой, я склоняюсь к цветам!

(«Грусть», 1908)

В иллюзиях возникает видение утраченного счастья — «бледная девочка», мелькающая среди призрачных теней, будит дремлющие поля любовным шепотом, который отзывается в душе поэта тоскующим зовом полузабытой любви:

И если горький рок в чужом краю
На муки душу обречет твою,
Знай, станет мне еще, еще больней
От безутешных ран души твоей.

(«Эстонская песня», 1906)

Но образы прошлого вызывают боль, ожидания оказываются тщетными, сердце поэта, уставшее «от беспомощной надежды», переживает драму прощания:

Ты уходишь, — не знаю куда.
Но еще никогда
Я не слышал рыданий твоих.

Мы не будем с тобою вдвоем...
Только в сердце моем
Скорбный голос еще не затих.

(«Прощание», 1904)

В одинокую душу, обреченную на бесконечные скитания, стучится мучительный и безответный вопрос: «Кто же вверг меня в эту мглу?» Страдающий поэт снова и снова пытается создать «безоблачный рай» мира воспоминаний:

Есть сладкая в навек ушедшем грусть...
В воспоминаньях — радость так чиста,
В них вечный свет, восторг сжимает грудь, —
Прекрасней жизни светлая мечта.

(«В краю воспоминаний», 1907—1908)

В грезах рисуется долина счастья, где были «нежный свет», немиряющая жизнь и душа обретала спокойствие в волшебной сказке природы:

Ты помнишь — был лес и родник под холмом,
Как в сказке, как в светлом и радостном сне,
И вечер нам нежно шептал в тишине.
Ты помнишь — в далеком, далеком былём. . .

(«Сентиментальная песня», 1905)

Этот утраченный покой и вечное единение судьба заменила лишь
вечной разлукой:

И светят сказкою молчаливой,
Как божии свечи, звезде звезда,
Мерцают мечтательно и тоскливо,
В разлуке навек и вместе всегда.

Так вяжет судьба на любовь и муки,
На жизнь в плену мечты и тоски.
Навеки вдвоем и всегда в разлуке,
Как звезды, и чужды мы и близки. . .

(«*Fatum*», 1906)

Душа поэта объята «каким-то безрадостным беспокойством», предчувствие гонит его от «пошлого света», и поскольку мучительно страдание «больной души», а заря мечтаний навечно погасла — «Для моей души нет рассвета, Дождь, осень. . .». И уже желанными кажутся сумерки «пещеры забвения», где все сливается в мире «голубой тьмы», кажется необъятным и таинственным, жизнь превращается в какую-то «бесконечную сладкую дремоту», прошлое кажется бессмысленным — «я уже ничего не вспоминаю», — теряются ориентиры во времени — «для меня нет сегодня и вчера», — и воспоминания обрываются в бесцельном ожидании — «ничего не помню, ничего не помню. . .». Наступает душевный спад, появляются ноты безнадежности («Стою я мрачен на краю бездны. . .», «Я спустился с вершин. . .», «Пропасти, разрывающие сердца. . .», «Мои небесные грезы ушли, ушли. . .»).

Лишь надежда на возврат позабытой любви пробуждает в тоскующем сердце трепетный призыв:

Нежной мечтою мне в душу войди,
Сядь к изголовью и грустно пой.
Кудри рассыпь у меня на груди, —
Сердце изгнанника успокой!

(«*Больной*», 1907)

Любовь в поэзии Тьерьяна обретает символический смысл. Поэт, отчужденный от жизни и брошенный в темные пропасти отчаяния, ищет мосты, ведущие к «мирным берегам». Материальный мир груб и безобразен, и поэт пытается обновить его, объединяя разрозненные явления божественной чистотой любви:

Всё забыл — тебя лишь помню.
Лед и смерть в груди.
И молюсь тебе я ныне, —
Чудо мне пошли,
Стань передо мной в пустыне,
Спаси, исцели!

(«Грустно умер синеокий. . .», 1905—1907)

Образ «чудо-девы» символизирует любовь, созданную в романтическом воображении. Она является в иллюзиях и удаляется «немо и спокойно», как мгновение на жизненном пути. Женщина становится для Тьерьяна символом человеческих идеалов, воплощением всего постоянного и вечного. Неземное очарование женственности заставляет забыть страдания, очищает чувства. Пусть гнетет душу боль расставания, пусть блекнут цветы в холодные и бессолнечные дни, но есть любовь, есть «чудо-дева», которая является как «нежданное счастье» и зажигает огни в сумеречной душе поэта, объемля «в одном мгновении забвения» сказку о вечности жизни:

Мирный вечер мой залит сейчас
Света мягкого грустною лаской.
Ты навек с моим сердцем слилась,
Моя первая греза и сказка.

(«Мирный вечер мой залит сейчас. . .», 1912)

Философия «Грез сумерек» вырастает из сплетения сложных состояний души: расставания — отчуждения — одиночества — тоски. Цепь монологов открывает надреальный мир мучений, несбыточных надежд и вселенской боли:

Над этой страной нависло страданье,
И есть ледяное отчаянье в ней. . .

(«Сурово взирают угрюмые скалы. . .», 1903)

Эта вселенская боль пронизывает душу поэта страданием, унижением и болезненной тревогой. Печальная душа поэта стремится к бесконечно прекрасной светлой долине:

Есть в мире светлая страна,
Там песня дней иным полна.
Душа моя утомлена —
О той стране грустит она.

(«Есть в мире светлая страна...»)

3

Отчужденность, одиночество, покинутость, безнадежная тоска представляют лишь внешнюю поверхность глубокого духовного кризиса поэта. По существу эти упаднические настроения порождены социальной реальностью и имеют глубокий историко-философский смысл.

Становление мировоззрения Тьерьяна связано с тем сложным процессом духовной перестройки и идейных поисков, который пришлось пережить армянской демократической интеллигенции в период после первой русской революции, со всеми присущими ему противоречиями и колебаниями. 1905 год, ознаменовавший конец целой эпохи, наложил глубокий отпечаток на внутренний мир Тьерьяна как мыслителя и художника. Примечательно, что Тьерьян, проводя исторические параллели, часто упоминал этот год как начало перелома, отделяющего настоящее от прошлого.

Намекая на исторический поворот, который совершился в результате «прилива 1905 года и следующими за ним годами разрушительного отлива», Тьерьян пишет: «Если вы понаблюдаете за нашей жизнью последних лет, вы не можете не заметить, что в ней произошел и частично происходит глубокий переворот. Я не хочу сейчас сравнивать нашу настоящую жизнь с жизнью, отделенной от нас двумя десятками лет. Сравните нашу нынешнюю жизнь с жизнью дореволюционной, с жизнью начала настоящего века, и вы увидите, как далеки они друг от друга, как отрицают друг друга».

Так явился перед Тьерьяном образ революции. Став лицом к лицу со свершившимся фактом, он глубоко пережил драму разъединения прошлого и настоящего, обратив свой взгляд к неопределенному и неизвестному будущему. Весьма существенно сделанное им в одном из писем 1907 года признание: «Прошлое для меня умерло. Я приветствую будущее, но не знаю, каким оно будет...» «Меня пугают перспективы и дали грядущего», — говорит он по другому поводу, определенно выражая свою психологическую ориентацию в сложных и противоречивых обстоятельствах. Свершившаяся революция и перспективы будущего обостряют интерес Тьерьяна к социальным наукам. «Читаю книги касательно общественных вопросов, — пишет Тьерьян

в 1907 году, — и изучение социальных наук, и наблюдения над армянской действительностью (с довольно близкого расстояния) привели меня к социализму, однако, конечно, не к такому социализму, представителями которого являются дашнаки и наши «социалисты». По всей вероятности, я стану социал-демократом». Этот идейный переход Терьян считал «началом новой эпохи» в своей жизни.

Исторические обстоятельства диктовали необходимость пересмотра устоявшихся взглядов и поиска новой истины, к чему Терьян приступил вполне осознанно. Он уже догадывается, что сложность решения общественных вопросов требует глубокого знания явлений, их причинных связей. «Я и ты и многие другие вместе с нами принимали чувством необходимость социального перелома. Но эти чувства (и именно потому, что это были чувства), касаясь таких сложных проблем, как общественные, выказали свою беспомощность», — писал Терьян в одном из писем.

Романтический порыв Терьян считал недостаточным для решения революционных и общественных вопросов, он решительно отвергал «революционную фразу» анархистов. Но и «филистерская покорность» «самодовольного мещанства» была ему чужда. «Во всем должна быть красота, а красота обязательно отрицательно относится к мещанству. . . Я усвоил не мещанскую покорность, а красоту разумную, причем долженствующую быть разумной». Социализм Терьян рассматривал как общество, призванное уничтожить «порожденную капиталистическим индивидуализмом» противоположность между личностью и обществом и создать «духовное, физическое (экономическое) и моральное братство».

Такое понимание социализма, растворенное в самых общих представлениях социального гуманизма, еще не нашло своего философского обоснования. Однако это мировоззренческое брожение оставляло определенные следы на поэтическом вдохновении Терьяна. Поэта занимают социальные проблемы, направляющие его поэтические симпатии к гражданским мотивам, хотя при этом он чувствует какие-то внутренние колебания. «Сейчас уже пишу большей частью гражданские стихотворения, хотя и часто предаю их огню, потому что. . . не так уж люблю», — пишет Терьян в 1907 году, вероятно, ощущая в себе определенный отход от традиционного, принятого в литературе XIX века понятия гражданственности.

Братья, братья,
Что могу
Сделать я для вас?
У надломленной души будущего нет.

В безответной немоте
Всякий день и час
Ваша боль и ваша скорбь
Ей единый свет.

(«Братья, братья. . .»)

У поэта есть залог его искренней преданности — «окровавленное сердце», взывающее к голосу справедливости; своими «пламенными мыслями» он с теми, кто прозябает в жалких деревенских избах, кто ищет счастья на «суматошных рынках» и страдает в «темных рудниках», но песни его, подобно осужденному на смерть, беспомощны и бессильны. И он стремится рассеять грусть своей больной души и заново вслушаться в «разочарованный вопль» страждущих:

Но вот сегодня вновь услышал я
Крик узников, летящий из темницы,
И дрогнула опять душа моя,
Подстреленную заметалась птицей. . .
Опять, опять они зовут меня.
Нет, я не пленник грустной непогоды. . .
Ужели песней, полною огня,
Я не отвечу жаждущим свободы?!

(«О муза горькая моя. . .»)

В стихотворении «Сироты жизни» Терьян откликается на боль страждущего человечества, сочувствуя «печальной и безутешной немоте» гонимых: «Придите в мои объятия, обласкаю я вас, одинокие души». Проклятьем зла исполнен мир, и всюду слышен только «страдания плач», за преданность платят злобой, за мечту о солнце — заточением в сырые подвалы, и поэт стремится разжечь «огонь возмездия» в сердцах тех, кто «обездолен и безумен».

В суете мрачного и давящего города слышен шум «равномерных ударов» «стальных демонов», и скрежетание твердого железа напоминает какую-то «жестокую песню», какой-то «адский шепот». От неумолимого гнета «умирают песня и любовь», но «пробуждается чудовищный гнев» и «колокола пришествия» возвещают час «грядущего возмездия». Там, в темных подвалах холодных зданий и дворцов, назревает «грозный циклон», в «хаосе оголтелых пиршеств» и кошмарных оргий «красный призрак» точит меч возмездия. Музы пробуждаются от «гудения вихря», и поэт, отгоняя от себя «немо плачущие» осенние мелодии, приветствует «первый звук борьбы»:

Прочь, осень, с тоской беззвучного плача!
Привет мой тебе, разгневанный гром!
Привет мой борьбе, звенящей мечом,
Могучей как свет, как слово горячей!

Отдайся, душа, волнению боя,
Ты, песня моя, бесстрашно гори!
Чтоб кончилась ночь расцветом зари,
Грохочет гроза великой борьбою.

(«Октябрю», 1907)

Стихотворение «На рассвете» представляет драматическую картину, в которой красота пробуждающейся природы и веселой утренней зари омрачается мукой осужденного на виселицу. Терьян поэтизирует страдание, в котором испытываются сила воли и возвышенность цели и которое преодолевается беззаветной верой в идею и мечтой о светлом будущем. «Песня любви, греза, наслаждение и волнение» — эти чувства, взлелеянные в уединении, кажутся уже бессмысленными и тщетными.

Справедливость, закон и право стоят перед грозным судом, и рождающееся в муках время требует иной песни, иной нравственной веры. Терьян создает образ узника, связывает незабвенные дни революции с бурями грядущих лет и венчает вечной славой апостольство мучеников («Волки воют», «Плачь, плачь, моя муза. . .», «В ссылке», «Да, блаженны те. . .»):

Да, блаженны те, кто в тюрьме глухой,
Средь жестоких мук и безмолвных стен,
Людам в дар принес жар душевный свой
И кто злым врагом был захвачен в плен.
Да, блаженны те, в ком любовь живет,
Кто остался горд, кто бесстрашен был,
Презирая смерть и страданий гнет,
Кто в грядущее мысль всегда стремил!
Да, блаженны те, слава им вовек. . .

(«Да, блаженны те, кто в тюрьме глухой. . .», 1906—1908)

Терьян намерен был поместить свои гражданские стихотворения в циклы «Терновый венец» и «Песни города», которые так и остались незаконченными. Он попытался пересмотреть традиционный художественный строй гражданских мотивов и сумел найти необычные образные модели.

Как пишет А. Ованнисян, заложенный в нем «чувствительный компас социальных инстинктов», позволяющий держаться стойко в жизни, «полной испытаний и соблазнов», наделил его чувством гражданского долга.¹ Однако неопределенность мировоззрения оказала влияние на его гражданскую поэзию. Какой-то рубеж остался непреодоленным. Терьян не имел своей аудитории, своего слушателя. Его слово не имело конкретной классовой направленности — он обращался к «сиротам жизни» вообще, к «люмпенам», к прозябающей в подпольях и на рынках «обездоленной толпе», и от их имени поднимал голос борьбы, справедливости, совести и правды, что суживало сферу его гражданских мотивов, придавая им созерцательный характер.

4

При публикации в 1912 году первого тома своих произведений Терьян сгруппировал стихотворения предшествующего периода в целостные циклы и расположил их последовательно по принципу внутренней «тесной связи». Таким образом, помимо «Грез сумерек» получили завершённую форму новые циклы — «Ночь и воспоминания», «Золотая сказка», «Возвращение».

В цикле «Ночь и воспоминания» вновь звучит мотив грезы и разочарованного одиночества. Душа поэта снова объята неопределёнными настроениями осенней грусти, в тихом уединении тусклой ночи мерцает «какая-то бездонная тоска» давно ушедших воспоминаний.

В меланхолических мелодиях минорных настроений слышится боль тонкой и чувствительной души, которая ищет света, но не находит, жаждет любить, но не может:

Ночь темна, память зла, думаю нету числа,
Позабывшийся сон — как увядший цветок.
Миновал безвозвратно былой мой восторг,
И тоска безотрадная в сердце пришла.

(«Ночь темна. . .», 1912)

Общность с циклом «Грезы сумерек» очевидна: те же психологические состояния, частые повторы строк, образов, поэтических символов — ночи и воспоминаний. С первого взгляда кажется, что терьяновское подразделение циклов условно, тем более что циклы эти не

¹ А. Ованнисян, *Воспоминания и характеристики*, Ереван, 1969, с. 206 (на арм. яз.).

разграничены ни тематически, ни по времени написания (стихотворения циклов «Ночь и воспоминания», «Золотая сказка», «Возвращение» писались параллельно).

У Терьяна, художника тонкого и сложного, — свой язык символов, скрывающий под предметными изображениями своеобразный философский подтекст. С этой точки зрения разделение мотивов любви, грусти или тоски в его поэтической системе допустимо лишь теоретически. Сам он глубоко осознавал это, принимая за отправную точку при разграничении циклов не разделение мотивов, а эстетическую общность. Мотивы циклов «Ночь и воспоминания», «Золотая сказка», «Возвращение» могут быть исследованы лишь в синтетическом структурном единстве, где существенным само по себе становится обнаружение за кажущейся общностью своеобразной эстетической концепции каждого цикла. Верно, что во всех циклах Терьяна проходят понятия-символы осени, сумерек, грусти, ночи, воспоминаний, девушки-мечты, золотой сказки. Однако, наряду с художественной однозначностью, в каждом из циклов они приобретают своеобразную функцию. В одних циклах эти понятия-символы выступают как эмоционально-психологические величины, в других вырастают до философских обобщений. В «Грезах сумерек» драма личности начинается с психологической ситуации отчуждения. В «Ночи и воспоминаниях» таким началом выступает невозвратимое. Эти начала обнаруживают в эмоциональном мире личности тонкие оттенки и переливы настроений. И если в «Грезах сумерек» символы — ночь, воспоминание, грусть — связаны с ощущением разрыва, отчуждения, то в «Ночи и воспоминаниях» те же символы выступают как условия душевного бытия. «Ночь муки — и нет конца», «Ночь распространила свои темные крылья», «уже ночь, уже тьма, непреходящий мрак», «в бесконечной ночи своей, в неутолимом одиночестве» — в этом зловещем вечном кошмаре ветер насвистывает мелодию разочарования:

И плачет и воет ветер опять.
Поет безнадежно и жалобно он.
В беззвездной ночи тоски не унять.
В холодной ночи и ропот и стон...

... А невыразимая песня полна
Безвыходной боли в горе своем,
В ночи мое сердце ранит она
Над бедным, потухшим моим очагом.

(«Ночь»)

Непреходящая и безымянная боль терзает сердце поэта, какое-то беспричинное и «беззвучное» горе — «есть неутолимая грусть во всем. . .».

На обломках разбитой души смешались друг с другом настоящее, прошлое и будущее, позабылась стезя возврата, и в одиночестве ночи слышны стоны безбрежного страдания — то это «большая песня странника-певца», возникшая как давнее воспоминание, то звуки «пронзенного осенней грустью» рояля, «который играет за стеной и в душе моей», то доносящиеся издали рыдания скрипки, которые сеют «страдание и грусть»:

Так с душою моею срослась,
Так окрасила ночи и дни,
Словно вместе со мной родилась.
Плач и скорбь мне достались одни.

(«Осенняя ночь», 1912)

Цикл «Ночь и воспоминания» открывается стихотворением «На распутье». Это — прелюдия, дающая ключ к замыслу всего цикла. Поэт снова стоит «у перекрестка темных дорог», в грозном лесу, размышляя о загадках прошлого и неведомых путях будущего. Угасают последние тусклые огни, прошлое погружается в непроглядную тьму, и поэт стремится сердцем в светлые дали. Но в лесных голосах — ни одного отзвука надежды, и «в лабиринте безвестных дорог» судьба наталкивается на «темную загадку» «неопределенных путей». В одиночестве бессонных ночей пробуждаются воспоминания, встают безмолвные намеки и очертания «навечно ушедших грез» о бескрайних полях, золотистых нивах, незапятнанной грусти тихих вечеров.

Образ девичий — чудо, мечту,
Что меня поманила едва,
Да и канула вдруг в пустоту. . .

(«Воспоминание», 1912)

«Иная когда-то бывала пора», когда нежная царица в далекой стране звала поэта и, «послушный чуду этого зова», он покидал «тусклый, печальный свой край», «охваченный радостью жизни другой»:

Теперь позабыл я дорогу туда,
Но знаю — в чертоге далеком своем
Она меня ждет, как в былые года,

Зовет всё меня, но в тоске о былом
Теперь позабыл я дорогу туда...

(«Забятая дорога», 1910)

В «Грезах сумерек» еще слышен был голос тоски по светлomu «миру воспоминаний», а в «Ночи и воспоминаниях» — лишь «забытые дороги», в «иллюзорном мире безвозвратных дней», в «предательских воспоминаниях» прошлое — лишь «сказка проклятой жизни», а мечты «коварны, злы и безобразны».

Я так одинок, лишенный надежд, я сердцем ослаб.
И вот я в былом целительный свет найти возомнил.
Но тускл был огонь, которому я молился, как раб...
О, прошлого свет, и ты изменил, и ты изменил.

(«Измена воспоминаний», 1912)

Утеряны те устои, которые в романтическом прошлом казались вечными, разорен и отчий дом («Тебя уже нет, ты преданье и сон, Ты стал сновиденьем, родимый мой дом!»), любовь поблекла от презрительного отказа («Нет, не меня — другого ты ждешь, другого ждешь — не моей любви»), а запоздалые призывы уже напрасны, поскольку в угасшей душе «нет стези возврата. Безвозвратность одна...». В склепах грустных дум одиночества звучит мольба об успокоении («Сердце мое, уймись!»), безмолвная жажда новых встреч («Не оставляй меня одиноким в этой безмерной горечи», «Забит мир сказок, забыт. Но сказку мне расскажи»). В «мрачной тишине» ужасов ночи иллюзия меркнет. Поэт прощается со своими воспоминаниями, хороня тщетные надежды в грустных даялах:

Словно туч гряда, как в реке вода, так текут года;
И в душе — зола, пепел вешних грез, пепел нежных слов.
Всё, чем жил, — забыл. Догорел огонь полнозвучных слов.
Всё невинное, всё желанное будет спать всегда.

(«Словно туч гряда...», 1912)

В цикле «Ночь и воспоминания» Терьян поместил стихотворение «Моим песням», которое представляет своеобразное эстетическое толкование «философии грусти»:

Среди равнодушных людей,
И холода, и пустоты

Кто встретит вас лаской своей,
Напевы мои и мечты? ..

...К кому же вы проситесь в грудь,
Рожденные горем моим,
И есть ли еще кто-нибудь,
Кто вашей тревогой томим?

В письмах Тьерьяна встречаются признания, перекликающиеся с его поэтическими декларациями. «И тоска. . . — пишет он в одном из писем 1907 года. — Как только наступают поздние сумерки, деревня затихает, опускается действительно могильная тишина. . . Вот в это именно время становится невыносимо тяжело, и душу обволакивает шемящая, давящая до боли в груди тоска. . . И кажется, ночь не имеет конца. Ты проникаешься безумной жаждой какого-то света, звука, хотя бы лая. Начинаешь разговаривать сам с собой и боишься собственного голоса. Тоска. . . Замогильная тишина. . . Бесконечная ночь. Мне кажется, что я прожил века. . .»

Тьерьян отчетливо видел, к каким опустошениям в общественных умонастроениях приводила тоска «неустойчивых», «бесцельных» дней, распространяя разочарованность, равнодушие и апатию — «эту ужасную болезнь века». Однако, объективно верно оценивая действительность, он не смог уловить ту связь, которая незримо протягивалась между его субъективными настроениями и объективными обстоятельствами действительности. И в этом смысле реальные причины своей душевной драмы остались для него неразгаданными. «Однако оно (настроение. — С. С.) — не очень хорошее, и на это много причин. . . Скажу только, что эти причины коренятся в тех внутренних противоречиях и сомнениях, которые за последние годы разъедают мою душу. Вопросы, которые занимают мою мысль, редко находят ответы, а без ответов, хотя бы и неправильных, я не могу спокойно жить. . .» Здесь уже поэт приближается к разгадке причины. То, что занимающие поэта «вопросы. . . редко находят ответ», указывает на неустойчивость и неопределенность «самого времени». «Да, я никогда так глубоко не чувствовал весь ужас нашей жизни в настоящих условиях, никогда так не страдал за невинно павших «героев» и за судьбу простого человека, как теперь».

Тьерьян глубоко переживал страдания и внутреннюю борьбу самоценной личности: «Как радостно билось сердце, как трепетало в ожидании светлого дня. Теперь я не жду ничего, я не жду и этих дней.

Напротив, как будто я люблю серые будни. Уже мне грустно, бесконечно грустно! Думы! Печальные думы!»

Противопоставив высокие ценности внутреннего мира чуждой и бездуховной действительности, он творчески осмысливал тончайшие движения души. «Я бежал уединения и одиночества, которые так люблю в минуты грусти. Это была страшная тоска. Вы понимаете, что такое Тоска? Беспричинная, безысходная, глубокая, тяжелая Тоска! Вы понимаете? Она причиняет почти физическую боль. Всюду она, вы понимаете, она всюду: во мне, вокруг меня, надо мной, всюду». Но в этой странной тяжести тоски есть также светлый луч душевных грез, освещающий уединение души призраком «возвышенной красоты». Эта «грустная радость» уже не боится уединения и одиночества, а скорее ищет их: «Эта радостная грусть или грустная радость сейчас совершенно овладела моей душой. Хороши такие минуты. Это мудрые минуты. В эти минуты человек не чувствует себя оторванным от мира, заброшенным и одиноким, напротив, он сливается с мировой гармонией».

5

«Если бы избыть ее, эту безотчетную, эту странную грусть. . . эту тоску». Освободиться от «физической боли» грусти значит освободиться от скуки иррациональной действительности. Жизнь — «вечное вращение», встречи условны и поверхностны, никто не находит своего двойника, и тоска отягчается «смертельной усталостью». Прекрасно только далекое, несбыточное: «Мне кажется, что я умираю. Хотелось бы, чтобы, когда я умру и будет вокруг меня молчание смерти, над могилой моей вдруг, но незаметно, тихо заиграла бы музыка, чтобы девушка в белом, полная радостной мирной грусти, играла бы мелодию о несбыточном, о далеком, навсегда далеком. Чтобы кругом цвели ласковые, ясные незабудки — как мелодия о светлой печали и тихой радости». В этих признаниях поэта уже намечается переход от «Ночи и воспоминаний» к «Золотой сказке», от ужаса перед «физической болью» грусти к другому миру, где душа «сливается с вселенской гармонией», где тени бытия и небытия слагают сказку вечного обновления.

Жизнь превращается в мираж, монотонный дождь в тоске тихих вечеров пробуждает воспоминания о прошлом, подобно «грустной-грустной песне», и то, что казалось грехом и ужасом, предстает как «сладкий трепет». «Душу щемит какая-то печаль, беспричинная и глубокая. Вечер тянется долгий, и ночь безмолвная, молчаливая, тяжелая. Прислушаешься к песне дождя, неумолчному, скучному раз-

говору капель и к бесконечному безмолвию ночи, и кажется, что давно это так, очень давно и что так и должно быть, иначе и быть не может. И любишь какой-то большой любовью все это — есть в этом особая красота какая-то, какое-то странное очарование, точно плач твоей собственной души, точно рассказ о тебе самом, о твоей ненужной и грустной жизни. . .»

Цикл «Золотая сказка» открывается эпитафией из Тютчева — «И новый мир увидел я!». Рукопись первоначально имела также другой эпитафийный текст, взятый из Лермонтова, — «В уме своем я создал мир иной И образов иных существованье». Романтическое открытие идеального мира было вполне созвучно символистским поискам надреальных ценностей. «Грезы сумерек» — «Ночь и воспоминания» — «Золотая сказка» — в такой последовательности есть определенная логическая связь. Отчуждение — Безвозвратность — Откровение — таковое внутреннее движение терьяновской системы. В «тусклом мире» реальной действительности поэт из ценностей души воссоздает «лучезарную страну», где жизнь является чудом и легендой:

Я жил во мгле, мне даль была темна,
Но свет ворвался, душу осеняя,
И стала сказочной вокруг страна,
Когда — не знаю, где и как — не знаю. . .

(«Мой тусклый мир и черноту ночей. . .»)

Стихотворение «Отрывок», которое фактически звучит прологом ко всему циклу «Золотая сказка», по сути есть предвидение этого сказочного мира. Отвергнув сковывающие душу «суетные и тщетные желания» и забыв «пустые повседневные заботы», поэт одиноко бродит в «тусклом мире», в «безвестных странах, на дорогах темных», «среди угасавших медленно цветов. . . осенних дней. . . под тоскливо плачущим дождливым небом». И когда «мрак бездонной ночи» простирает свои крылья над миром, погружая в забвение дневные заботы, в раздумьях о прошлом пробуждается воспоминание о былых ценностях:

И светлым, и святым был сон любви
Средь этой темной, беспросветной жизни. . .
Безумные мечты былого счастья,
Бессонные страдальческие ночи
Казались сердцу чуждыми навеки. . .

(«Отрывок», 1911)

Грубый и непривлекательный мир, где все тускло, бессмысленно и тоскливо, не имеет больше никакого очарования для поэта. Является «вечная свобода — Смерть» («Смерть, приди!» — мои больные губы прошептали, И этот шепот не казался горьким»), и открывается счастливый мир, в котором исчезают прошлое и будущее, и мечты погружаются в «сон золотистый нелживой радости»:

И вскрикнул я с любовью и отрадой,
И я воспрянул, жизнь благословляя,
Камням и родникам я бросил сердце,
И душу слил я с песнопеньем звезд,
И жизнь, что радость полную познала,
Я смело отдал
Вечности,
Вечности. . .

Поэт уже в созданном им мире. На призрачных берегах «золотой сказки» нет никаких душевных оков. Общая атмосфера настроений ясная и краски яркие, улыбающиеся. Объединяются прерванные нити истории, и поэт заново обретает некогда утраченные ценности.

При сравнении циклов «Золотая сказка» и «Ночь и воспоминания» нетрудно заметить, что все предметы и явления, из которых выстраивается мир «Ночей и воспоминаний», выступают и в «Золотой сказке». Повторяются названия и темы стихотворений, но душевные состояния автора придают вещам и образам противоположный смысл, проводя во внутреннем противопоставлении границу между реальным и надреальным. Стихотворение «Встреча» из «Ночи и воспоминаний» — обманчивая иллюзия любви и «горькое рыданье» по утерянным надеждам; «Встреча» же в «Золотой сказке» пронизана нежной сердечной лаской:

Друг другу раскрыли мы наши больные сердца,
И слез безутешных, горячих не скрыли при этом.
Печаль наша чистой была и пронизанной светом. . .
А мир — был ли, не был? . . . Его не понять до конца. . .

(«Встреча», 1912)

В «Ночи и воспоминаниях» ночь холодна и неласкова, думы и воспоминания «мрачные и горестные», между тем как в «Золотой сказке» в пленительном сумраке звезды недостижимого неба погружаются в темные воды, а таинственная тишина отзывается чарующей песней о непреходящих воспоминаниях:

Эту нежную песню услышал ли ты,
Что, журча, разлилась по притихшим лугам,
Что сплела неразрывно и сны, и мечты,
Отдавая всё сердце траве и камням?

Ту волшебную песню тебе ль не узнать,
Этой светлой печали встречая лучи,
Когда хочется землю и камни обнять
И рыдать от великого счастья в ночи?

(«Перед ночью», 1910)

В обманутых грезах «Ночи и воспоминаний» закрыты пути к отчему дому — «Дотла ты разрушен, родимый мой дом», а в солнечных далях «Золотой сказки» «пленительная улыбка» отчизны высвечивает тропу надежды — «Ты моя вера, моя родина, ты мое спасенье».

Природа в «Ночи и воспоминаниях» оплакивает увядание большой души и грусть невозвратных воспоминаний, в «Золотой сказке» все безмятежно — утро пробуждается с восходом солнца, весеннее благоухание витает над полями, и солнечный луч над отдаленными вершинами возвещает зарю воскресения:

Ручей серебристый, певучий
Призывно поет и журчит. . .
Безропотно ива плакучая
Над светлой водою стоит.

Ночь, песни и травы душистые,
Спокойствие, сказки, мечты,
И облачко девственно чистое,
И трепет звезды с высоты. . .

(«Безропотность», 1911)

Сказки «волшебной долины» рассказывают о вечности любви, мечты «голубых вечеров» убаюкивают страдания, предавая их забвению, песня сливается с жизнью, и в счастливых воспоминаниях неясное мерцание любовной тоски освещает «тропу священной встречи». Вечные мгновения любви соединяют прошлое, настоящее и будущее с безначальным и бесконечным вращением жизни, и поэт с глубочайшим смирением принимает своенравие преходящего мира.

В стихотворении «Утро» поэт благословляет жизнь светлой верой в любовь и милосердие, с радостной и легкой душой прини-

кает к земле и воде («сердцем породнюсь с землей и водой») и «ласковой песней безропотного смирения» принимает смерть, поскольку «все сказка одна, греза бесконечная и сладкий сон».

В стихотворении «Карусель» вечное круговращение жизни слагает легенду о ее тщетности. Кружится карусель, и словно в «розовом сне» давние дни веселья и радости — «слова любви, и поцелуй, и обещанья»:

Нам мерещился, солнцем согрет,
Край желанный в далекой дали.
Улыбнулись, блеснули — и нет,
Нет их, грез, — отошли, отцвели.

Стоны, жалобы, злая печаль. . .
Ты ли плачешь, иль мир зарыдал?
Сон затмился, обманчива даль,
Наш восторг — равнодушием стал.

Ты кружись, ты кружись, карусель, —
В песне прошлого горечь и хмель.

(«Карусель»)

Повторяется песня далекого невозвратимого времени, повторяется «старинного вальса волна», и та же аллея в парке — «поцелуй, и ночь, и луна — давний, скучный рассказ о былом. . .»:

Пляс неистовый, кружит нас бред. . .
В тайну песни той вникнем, друзья:
Ни конца, ни начала в ней нет,
Ты — вчера, нынче — он, завтра — я.

В цикле «Золотая сказка» Терьян создал свой субъективный мир, герой которого — двойник поэта, а его жизнь — искусство. Этот двойник, который бродит в «толпе веселой среди речей пустых», но всегда далекий от нее, живет в своем «уединенном чудесном уголке», который не здесь, «не в этом брэнном мире», и в сени этого уединения он из ценностей души творит сказку жизни. Жизнь в этой сказке подобна легенде, у нее свои мифы и чудеса. Мифологические интонации стиля Терьяна имеют фольклорные корни. Через надреальные, аллегорические образы армянских сказок в поэзии Терьяна традиционное мышление переплеталось с эстетическими формулами новейшей поэзии.

Художественные миры поэтических циклов, вбирая в эмоционально-логическую систему сложные колебания внутреннего мира Терьяна, присущую его натуре противоречивость и переменчивость настроений, вырисовывают мучительный процесс душевных мытарств личности от тьмы к свету, от кошмара и страданий к свободе. «Если вас интересуют мои «дни и труды», — пишет Терьян в одном из писем, — знайте, что все идет по-прежнему или почти по-прежнему. Работаю, собираюсь делать то, другое — унываю, падаю духом, вновь поднимаюсь, снова начинаю что-нибудь, и все так». Эти кажущиеся эмпирическими характеристики местами перерастают в философский самоанализ, объясняющий тот парадокс внутренних колебаний, сквозь который проходит незримая ось душевного равновесия: «Не знаю, что со мной, — чувствую глубокую апатию по отношению ко всему», — пишет Терьян в письме к Цолаку Ханзадяну. А по другому поводу рассеивает его уныние: «Ведь я и ты неисправимые оптимисты. И чудесно». «Дождь. Слякоть. Ночь. Одиночество. Далекость. Какая страшная далекость! Если бы убить это одиночество», — пишет поэт, но в другой раз тому же адресату утверждает иное: «Безразличие непонятно мне, потому что я жив». Терьян умеет анализировать «болезнь века» трезвым разумом: «Я хочу только сказать, что, очевидно, воли в вас мало, как и в большинстве людей — интеллигентов нашего времени. Нужно победить в себе апатию и слабость, потому что уж чересчур измельчали люди, пали духом. Не так было года два-три тому назад. Не так было! Теперь то и дело встречаешь мужчин и женщин, которые слабость свою оправдывают тем, что у них-де „такой характер“».

Субъективное ощущение характера связывается незримыми нитями с первопричиной «болезни века», с тем душевным состоянием, которое называется «апатией». Насколько причинная обусловленность общественной атмосферы была чужда поэтической стихии, настолько она понятна Терьяну-мыслителю: «Как часто слышим теперь его! Везде и всюду. У всех на устах, в глазах, в походке, во всем, во всем это слово — апатия!.. Все эти люди, которые в 20—25 лет, а то и раньше впадают в апатию, имеют только и только желания. Им даны только «благие порывы», а свершить им ничего не дано, потому что они не хотят пути, они желают видеть лишь достижения. А по мне это пошло...»

Поэзия Терьяна — страстное стремление к освобождению от грез и возврата к действительности. С этой точки зрения мотив «возвращения» в структуре творчества Терьяна не может быть выделен:

как нский рубеж, тем более как мировоззренческий перелом, обусловленный конкретной исторической ситуацией. Как имманентная реальность настроения, этот мотив вездесущ, а потому расположение «Возвращения» после циклов «Ночь и воспоминания», «Золотая сказка» имеет смысл логический, но не исторический.

Гнетет былое
Холодной мглою,
Радость скончалась,
Счастье умчалось
Невозвратимо,
Невозвратимо...

(«В толпе несчетной...», 1908)

Поэта, пребывающего в этом душевном состоянии, постоянно тревожит один мучительный вопрос: «Ужели нет возврата?» Он и его двойник стоят друг против друга, разделяя прошлое и настоящее, и впоследствии это противоречие находит свое разрешение:

Мы упрямо стоим и глядим друг на друга, —
Я и прошлого тень. Мы угрюмо стоим...
Мы друг другу навстречу идем без испуга,
И враждебно в глаза мы друг другу глядим.

В новый мир я вступил, всё отринул, что было,
Улыбается прошлое, окаменев,
А душа моя крылья широко раскрыла
И кричит: «Я воскресла, тебя одолев!»

(«Возрождение»)

В построении поэтического мира Тьерьяна есть что-то от дантовской системы. «Глухая темница одиночества» — своеобразный ад, где душа человека томится отчуждением, а затем очищается в чистилище «ночей и воспоминаний» и находит обитель в «золотой сказке» вселенской гармонии. Поэтическая аллегория очерчивает путь страданий, ведущий к спасению души, — от невозвратимости к возвращению. Однако «Золотая сказка» — своевольная легенда, искусство, и в этом смысле еще не возвращение, поскольку настоящее возвращение к вещественным реальностям жизни требует более четких представлений о мире.

Я вышел из темницы одиночества,
Увереннее стал я и сильней.

Гул радости звенел, как новых дней,
Грядущих дней счастливое пророчество.

Все эти ночи длинные, бессонные
Развеяли сомнений горький чад,
И в сердце песни новые звучат:
«Я с вами, с вами, братья угнетенные».

(«Я вышел из темницы одиночества. . .», 1910,

Терьян обращается здесь к исторической памяти и вспоминает не только величие прошедших дней революции, когда в воздухе звенел «гул радости» победного боя, но и свой поэтический голос, певший некогда о страданиях обездоленных и прославлявший павших в освободительной борьбе героев. Нащупываются связи между личностью и обществом — поэт больше не чувствует себя отчужденным и одиноким «в густой толпе», грезы осени, сумерек и сказочных берегов уступают место пестрой картине жизни, бурлящей на узких улицах мрачных городов. В заколдованной цепи жизни сливаются друг с другом «радость и стон», «на бесчисленных лабиринтах безумных улиц» — «резкий стук колес», «звонкий крик людей», а «железа лязг» и «грохот стали» звучат как призыв к борьбе:

И в этом шуме яростном, земном
Предчувствие пронзает грудь мою,
Душа горит пророческим огнем:
Прекрасное я в грозном узнаю.
Измученный борьбою и тоской,
Я душу наболевшую открыл,
Чтоб землю полюбить, но не такой,
А той, что встанет, полной новых сил!
Грядущего предвестник, песнь моя,
Всю силу страсти отдал я тебе,
Тебя, как знамя, поднимаю я,
И пусть умру я, как герой, — в борьбе!

(«Во власти всё одних и тех же дум. . .», 1910)

Итак, «отчуждение» — «безвозвратность» — «золотая сказка» — «возвращение» выявляют динамику человеческой души с ее сложными метаморфозами в стремительном потоке социальных преобразований.

Стилистический строй поэзии Тьерьяна основан на глубоко личностных восприятиях и поэтических сочетаниях жизненных реалий. «Отец мой, — вспоминает брат поэта, — помимо того, что устраивал для нас игры и сам играл с нами, был искусным и выразительным рассказчиком детских сказок, басен и разных происшествий. И сам он любил «умные» сказки. Главное, он и рассказывал, и в то же время говорил, что все это — обман. Сколь-сколь-сколь раз, уединившись, мы раздумывали и гадали — интересно, вправду ли это, — пойти бы, поискать, найти бы этого деда Ухая, обучиться бы всему этому и вернуться бы к нам в село... И надо было видеть в эти минуты лицо Ваана...» Не этот ли трепет детской души формировал в поэзии Тьерьяна образ сказки как поэтический символ: «И забытые, и незабвенные сказки, Светлые звуки, дрожащие в мире», «Родник, подобно сладкой сказке, Улыбается нам своей светлой песней», «Золотая сказка! Кто рассказал тебя моей зачарованной душе?»... И, наконец, не от горестного ли ощущения этих слов: «все это — обман», завершающих сказку, сформировалось в поэзии Тьерьяна определение «обман» как воплощение невозвратной грезы о том, «что есть и нет». «Закрой свои глаза, обними меня сладко, с обманчивой жизнью смешай обманчивую мечту», «И украсила ты сладкой ложью Моей грустной жизни злые туманы», «Где искать мне счастья обман», «Все показалось сказкой и обманом», «И стало обманом, кажется сном», «Жизнь — сон, мир — обман».

Не здесь ли таится и разгадка того стихийного начала впечатлительности, которое присуще поэтическому подсознанию Тьерьяна: «Первое впечатление для меня имеет если не решающее, то, по крайней мере, огромное значение, — говорил он, намечая свособразный философский прием эмоционального познания мира. — Я слишком часто отдаюсь своим чувствам, и нередко чувства господствуют над холодным разумом, рассудком. Это не только потому, что я чувствительный человек, а очень может быть потому, что я не нахожу достаточных оснований для того, чтобы более доверять и подчиняться рассудку, а не чувству». Целенаправленная деятельность разума, по Тьерьяну, не только не абсолютна, но и подчинена законам жизни: «Ведь жизнь-то сама есть цель. И каждый поступок человека должен быть целью, потому что он есть выражение жизни, он есть жизнь. Вот почему я не хочу искать логики и довольствуюсь сознанием факта». Тьерьян ощущает «желание раскрыться во всей наготе живого человека». Это требование «обнаженности души» определяет ту глубину проникновения в мир чувств,

которая была присуща всей его поэзии. Терьян придает исключительное значение искренности, вкладывая в это понятие не только нравственный, но и эстетический смысл. «То, что вы называете искренностью, я считаю едва ли не самым лучшим свойством человека», — формулирует Терьян, приписывая этому свойству ту силу веры, которая упорядочивает «людские отношения и связи».

В восприятии Терьяна движение чувства — это то состояние, в котором словесно-логические выражения заменяются музыкой. «Если может дать счастье только то, что связано с нашими чувствами, следовательно, премудрость искусства, и в первую очередь музыки, сама по себе очевидна», «Слушая музыку, я чувствую то, чего никогда не в силах никакими словами выразить. . . И вот в эти минуты душа рвется наружу, хочется выявить ту песню, ту музыкальность, которая звучит в душе, и нет для этого слов. Вот в эти моменты я чувствую, что я понимаю музыку, душу музыки. . . Ведь сама душа есть музыка, все равно, мертвая ли душа или живая». Как метко замечает Исаакян, Терьян «словно вдохнул в армянские слова музыку».

Сказкой забытой и незабвенной,
Струною мира, дрогнувшей чисто,
Средь тихо меркнувших звезд вселенной
— Жизнь моя сказкой была лучистой. . .

Лучи, которые миг сверкали
В сумерках, тканых рукою нежной,
— Жизнь моя — свет, убежавший в дали,
Свет, потерявшийся в тьме безбрежной.

И в нем не вспыхнет даже случайно
Ни настоящее, ни бывшее.
— Жизнь моя в храме, навеки тайном,
Лампадой светится пред тобою. . .

(«Сказкой забытой и незабвенной. . .», 1905)

Стихотворение это — образец гармонии, где все элементы целого нашли свою совершенную форму. Слова, выражающие предметный мир, здесь словно отделяются от своих физических свойств и материальной уплотненности, становясь прозрачными, легкими и уподобляясь звуковой музыкальной стихии.

По одному поводу Терьян замечает, что М. Горький признает в нем поэта, «склонного к мистике и символизму». Терьян был близок с Горьким, они долгое время работали вместе над «Сборником

армянской литературы», обменивались мнениями о современных литературных направлениях, и Горький точно определил направление, к которому долгое время тяготел молодой поэт.

Тот переворот, который свершили во французской поэзии Бодлер, Верлен, Рембо и другие символисты, ознаменовав новый этап развития мировой поэзии, нашел свое отражение в армянской поэзии нового времени. Для нее было характерно то же явление, что и для русской литературы.

Блок в статье «О современном состоянии русского символизма» дает толкование процессу формирования «новой поэзии»: «Дерзкое и неопытное сердце шепчет: «Ты свободен в волшебных мирах»; а лезвие таинственного меча уже приставлено к груди; символист уже изначала *теург*, то есть обладатель тайного знания, за которым стоит тайное действие; но на эту тайну... он смотрит как на свою, он видит в ней клад, над которым расцветает цветок папоротника в июньскую полночь, и хочет сорвать в голубую полночь — „голубой цветок“». ¹ Лучезарная даль иллюзорного мира проникает в сердце теурга и слышатся ему тихие звуки, шепоты, чарующие призывы, которые обещают какой-то сказочный мир. Здесь заканчивается теза и начинается «чудо одинокого преображения». Так совершается чудо, мир откровения предоставляет поэту абсолютную свободу, и он творит свои мифы и призраки, которые странствуют в «лиловых даях». Волшебный мир становится ареной личных действий поэта, который «свою собственную жизнь делает искусством». И отсюда начинается душевная драма: «Я стою перед созданием своего искусства и не знаю, что делать. Иначе говоря, что мне делать с этими мирами, что мне делать и с собственной жизнью, которая отныне стала искусством, ибо со мной рядом *живет* мое создание — не живое, не мертвое, синий призрак...» ² Выдвинутые вопросы выверяют ценности «волшебного мира», символизм ставит под сомнение им же созданную автономию искусства требованиями «возвращения к жизни», «общественного служения», которые ставила перед поэтом русская революция. «Как сорвалось что-то в нас, так сорвалось оно и в России. Как перед народной душой встал ею же созданный синий призрак, так встал он и перед нами. И сама Россия в лучах этой новой (вовсе не Некрасовской, но лишь традицией связанной с Некрасовым) гражданственности оказалась нашей собственной душой». ³ В Армении рождение «новой поэзии» совпало с периодом, когда на литературной арене еще были

¹ А. Блок, Собр. соч. в 8 тт., т. 5, М.—Л., 1962, с. 427.

² Там же, с. 430—431.

³ Там же, с. 431.

поэты «второго поколения» — Ованес Ованнисян, Александр Цатурян, Левон Манвелян, Ованес Туманян, Аветик Исаакян. Наследуя традиции национальной поэзии, Терьян видоизменил строй и семантику армянского стихотворения усвоением стилевых особенностей французского символизма и в еще большей степени русской «новой поэзии». В очерке, посвященном истории армянской поэзии, характеризуя поэтический стиль Терьяна, В. Я. Брюсов пишет: «Ученик символистов, Тэриан сделал попытку усвоить армянской поэзии все, что было достигнуто европейской поэзией (особенно — русской и французской) за самые последние десятилетия. Так Тэриан коснулся тем, которые раньше оставались вне кругозора армянских поэтов, искал новых ритмов в армянском стихе, с исключительной строгостью отнесся к рифме...»¹

Главная особенность символизма в том, что он утвердил в поэзии приоритет субъективного фактора. Известно, что романтики пересмотрели характерную для искусства классицизма подчиненность иррациональной стихии чувства разуму и, наследуя субъективизм сентиментализма (или предромантизма), открыли внешний предметный мир как реальную основу чувств. В этом было новаторство романтической лирики. «А вот Бодлер, Верлен, Рембо, отчасти Малларме, — замечает Д. Обломиевский в книге о французском символизме, — стали рассматривать субъективный фактор не в качестве элемента содержания лирики, как это мыслили А. Шенье, романтики, поэты-парнасцы, а в качестве элемента внутренней формы. Они стали изображать внешний мир через душу и тело лирического героя, сквозь его ощущения. Они придали изображению действительности как бы дополнительное измерение, основанное на отношении субъекта к объекту. Образы получают у них (прежде всего у Бодлера) двухплановую структуру, причем явления эмпирического мира, сферы ощущений и вещей становятся первым планом образа, символом чего-то стоящего за ним, т. е. символом внутреннего мира, души человека».²

Эта особенность символизма ярко выразилась в поэзии Терьяна.

Поля мертвы, мрачен лес,
Тосклива близость конца...
Сквозь дождь, сквозь сумрак небес
Стон, леденящий сердца...

(«Осень», 1906—1907)

¹ «Поэзия Армении с древнейших времен до наших дней», М., 1916, с. 86—87.

² Д. Обломиевский, Французский символизм, М., 1973, с. 294.

Весьма определена здесь двуплановая структура образа: «Поля мертвы, мрачен лес» — этот образ предметного мира выступает как символ внутреннего состояния души — «Тосклива близость конца». Далее следует еще один символ предметного мира — «Сквозь дождь, сквозь сумрак небес», сгущающий душевное переживание субъекта — «Стои, ледящий сердца». Выдвинутые на первый план явления эмпирического мира повсюду подчинены душевным ощущениям субъекта, что выступает как внутренняя форма, содержание образа. Внутренний и внешний планы в структуре образа часто меняют свою последовательность, однако соотношенность между объектом и ощущениями субъекта остается неизменной.

Ужели вновь блуждают сновиденья
И сладко голоса любви звучат?
И гаснет осень грустной, бледной тенью,
И родники, сбегая с гор, журчат. . .

(«Ужели вновь блуждают сновиденья. . .», 1905)

Вся природа созвучна настроению поэта: «Холодный дождь в тумане рыдает — Грусть поет в моей душе».

Терьян качественно преобразил семантический строй и образную структуру армянской поэзии. В истории поэзии это художественное новшество символизма выделяет ряд существенных свойств. Делая символ средством познания «иррациональной, таинственной сущности современной души», символизм прежде всего порывает с поэтической логикой классицизма и романтизма. «Создается поэтика намеков, аналогий, внушений, не только пропущенных, но рационально невозможных звеньев движения поэтической мысли».¹

Трансформация поэтического мышления сопровождалась словесным новообразованием или новым осмыслением традиционных слов, необычным синтаксисом, перестройкой ритма и звукового строя. Терьян видоизменил словарный состав армянской поэзии, обогатив поэтический словарь неологизмами. Он открыл в вещах и явлениях новый смысл и необычные свойства восприятия их. Он дополнил традиционные определения ассоциативными, обнаружив вместо физически осязаемых свойств чувственно-психологическую действенность слова — «безутешное страдание», «бессильная боль», «рыдание уныния», «со светлой грацией», «голубой туман», «серебряными потоками», «светлые звуки», «тонкосплетенные очертания».

Однако особый новаторский характер этих определений можно

¹ Л. Гинзбург, О лирике, Л., 1974, с. 247—248.

воспринять лишь при семантическом анализе терьяновского стиха. Даже в тех случаях, когда словесные единицы абсолютно традиционны, в расположении и связях они получают новый смысл.

День смолк уже, и умер шум давно,
И в сумерках безвестные персты,
Смешав бывшее с нынешним в одно,
Дождь золотой льют в сердце с высоты.

(«В краю воспоминаний», 1907—1908)

Здесь вряд ли можно найти хоть одно слово, не бывшее в употреблении в классической поэзии, но их сочетание и создает новое качество.

Терьян был новатором в области поэтических форм и метрики. «Он привнес новшества в армянскую метрику, — свидетельствует Исаакян. — В наше почти силлабическое стихосложение он внес удачные образы тонического стихосложения. Он применил новые стихотворные формы в армянской лирике — газеллу, триолет».

8

Судьбы будущей армянской литературы постоянно волновали Терьяна. В письмах и статьях он остро ставил вопрос о дальнейших путях ее развития. В этом смысле представляет особый интерес трактат «Грядущий день армянской литературы» (1914). Терьяновская постановка вопроса отражает реакцию нового литературного направления на эстетический позитивизм XIX века и в некоторых существенных чертах повторяет историко-литературные воззрения русских символистов, которые противопоставляли себя «плоскому буржуазному натурализму в литературе». С позиций чистой художественности они отрицали общественную и фактографическую насыщенность литературы, желая сохранить для искусства в чистоте сферы, присущие исключительно ему. В этом смысле они рассматривали всю прошлую историю литературы лишь как «прелюдию к символизму», к истинной литературе.

Терьян выдвигал необходимость исторического взгляда на процесс развития литературы. В основе требования обновления общественной мысли и литературы, выдвинутого Терьяном в трактате «Грядущий день армянской литературы», слышен был отрезвляющий голос великого исторического переворота — «прилива 1905 года и следующими за ним годами разрушительного отлива». Кем мы были вчера и кто мы сегодня — вопросы эти сталкивались с тяжелыми

последствиями ломки века, ставя грядущую судьбу нации перед выбором — либо идти в ногу со временем, либо быть поглощенной в жестокое соревновании. «И впрямь мы стоим перед огромным, быть может, роковым грядущим, — говорит Терьян, вынося армянской действительности суровый приговор. — Конеч ли это культуре одной исторической эпохи или целой культуре? . . .»

Ретроспективным взглядом анализируя эволюцию армянской идеологической жизни XIX века, Терьян останавливается на том историческом моменте, где происходит решительный разрыв между прошлым и настоящим. Господствующей идеей армянской литературы, ее движущей силой, говорит Терьян, была «идея существования нации, национальной независимости», песня родины звучала от Егише и Хоренаци до наших дней, веками окрашивая «мысль и воображение» интеллигенции, побуждая к героическому мученичеству, к невообразимому напряжению душевной и материальной энергии. Этот «болезненный характер» всей жизни вполне оправдывает направление армянской литературы. Но верно и то, что армянская действительность не осознает того разъединения, которое приносит XX век в процесс мировой истории. Так время возвело новые задачи и на пути развития армянской литературной и общественной мысли — старое и новое, перекрещиваясь повсюду, не могут размежеваться. «Следовательно, наша литература и общественная мысль совершили некий оборот, и сегодня мы переживаем время кризиса — время, когда старое еще не ушло, но и новое не совсем прочно и твердо стоит на ногах. Целое культурное течение завершило дни своей жизни, но новое не заняло еще его места — еще зыбко, еще непрочное».

Понятия «старое» и «новое» для Терьяна не логические абстракции. Он определенно различает не только конкретно-историческое содержание каждого из них, но и социальные силы, стоящие за ними. В течение последних лет, как замечает Терьян, в «армянской действительности родилась новая интеллигенция», чье мировоззрение испытало европейское влияние. И с позиций этой интеллигенции Терьян переоценивает ценности прошлого. Школа и церковь, национальная интеллигенция и клерикалы — вот те силы, которые, цепляясь за устаревшие кумиры, вносили в атмосферу армянской общественной мысли и литературы начетничество, ограниченность, поверхностный, «самодовлеющий семинаризм». История выдвигает новые идеалы будущего, между тем как «наша так называемая национальная интеллигенция живет замкнутой и изолированной жизнью, пережевывает какие-то средневековые идеи или банальное и наивное свободомыслие европейских клерикалов». В области ли-

тературы она узаконила своеобразный «национально-утилитаристский метод», который находит удовлетворение в «эстетической и литературной невзыскательности».

Терьян вполне осознанно объединяет литературно-критическую методологию национальной интеллигенции с ее политической программой. Именно идеология XIX века родила социальные и политические устремления националистических партий. Отрицая идеологию этих партий, Терьян противопоставляет ей уже формирующуюся национально-политическую и культурную программу «новой интеллигенции, близкой в основных своих чертах к передовой русской интеллигенции».

В основном именно этому идеологическому аспекту надо приписывать и терьяновскую страстную, иногда доходящую до крайностей, критику литературы XIX века. Терьяновская постановка вопроса прямо сводится к политической ориентации: «В настоящее время лишь отрицанием господствующего у нас национализма мы сможем продвинуться в культурной области. Европу мы принимаем с открытыми глазами и сердцем, мы отрицаем тот национализм, который в лучшем случае (хотя это и невозможно) может для нас создать такую родину, как Персия. Мы не хотим такой родины. Наша родина — Россия, и в ее лоне мы желаем продвигать и сохранять нашу культуру. Если мы сумеем усвоить все культурное наследство современной Европы, значит сумеем жить, если нет — мы умрем как нация».

Общество меняет свою физиономию — «капитал приходит в нашу страну и преобразует весь ее облик», неизбежно преображая также «мысли, настроения, чувства», приводя в движение весь внутренний потенциал народа. Нарушается идиллия замкнутой жизни, нации вовлекаются в мировое движение жизни, и происходит «братское сближение культур», в котором национальная самобытность проверяется лишь на фоне общечеловеческом. Следовательно, для того чтобы быть культурной нацией, «мы должны усвоить современную культуру Европы, и только тогда мы сумеем создать национальную культуру».

Программа развития национальной культуры, которую Терьян выдвинул в трактате «Грядущий день армянской литературы», имела в своей основе своеобразную историко-философскую концепцию, нашедшую истолкование в статье «Духовная Армения» (1914). «„Собирание армянства“, или «организация армянства» в идейном смысле, — пишет Терьян, — вот что я понимаю под «духовной Арменией». Это та культура, тот культурно организованный народ, в чей приход мы хотим верить». Такая вера в будущее не кажется

безосновательным предсказанием — научная мысль угадывает в бурях мировой жизни коренные перевороты, которые «должны изменить не только географические границы, создать новую расстановку во взаимоотношениях наций, но и вызвать новый переворот, роковое изменение в идейном мире». Это означает, что историческое право наций в будущем содружестве человечества будет определяться не политическим или экономическим богатством, а своеобразием и богатством духовных ценностей. Этой верой Тьрян пробуждает народ:

Для всех народов день уже сияет новый,
А над отчизной ночь по-прежнему темна,
Над родиной моей всё тот же мрак суровый...
Живые силы! Вам пора восстать от сна!

(«Для всех народов...», 1917)

«Материальная родина» разрушена, но разрушена также «духовная родина». Первое — трагично, второе — пагубно, поскольку «материальные потери всегда можно вернуть, а духовные — невозвратимы». Отсюда уже логически вытекает окончательный вывод о том, что «в конце концов для армянской демократии, как для любой демократии, вопрос Армении (нации) — вопрос культуры (т. е. духовный вопрос)».

Глубоко озабоченный судьбой народа, поэт стремится найти ту силу, которая может объединить политически раздробленную родину в целостное понятие. Если нет «материальной родины», пусть хоть будет «духовная родина». Иметь духовную самостоятельность — значит, существовать как нация — такова тьрянская постановка вопроса, которая придает его замыслам культурно-литературного обновления политический смысл.

Тьрян с большим вниманием следил за внутренними сдвигами в армянской литературной жизни. Критикуя посредственность и любое антихудожественное явление, он оценивал талант с точки зрения общественных критериев. Вопрос художественности, по его убеждению, — не дело индивидуального вкуса, а «принцип», «общественная точка зрения», проявление «национального достоинства».

Тьрян придавал исключительное значение мировой известности армянской литературы. В этом смысле он высоко оценивал издание таких книг, как «Поэзия Армении», составленная В. Брюсовым, и «Сборник армянской литературы», редактированный М. Горьким, которые свидетельствуют, «что мы способны внедрять европейские идеи, что мы способны выработать национальные идеалы и жить раздумьями и стремлениями современного человека».

В иррациональном мире, где были непрочны и нереальны человеческие ценности, Терьян нашел то, что вечно и незаменимо, — образ родины. Этот образ являлся ему в грезах разлуки, и в мрачных видениях «Ночей и воспоминаний», и в «Золотой сказке» страны откровения. Будучи очевидцем крушения романтической Армении, он слил образ родного берега с непреходящей тоской своих воспоминаний, пока не нашел его идейный символ — «Страну Наири». Видение родины он слил с заветными чувствами души, пережил мгновения надежды и отчаяния, остановился в растерянности перед несвершенным обетом:

Точит сердце мое непрерывно
 Старой песни печальный мотив.
 Грусть, меня целиком захватив,
 Точит сердце мое непрерывно.
 Будто клятву, душевный порыв
 Я забыл и рыдаю надрывно. . .
 Точит сердце мое непрерывно
 Старой песни печальный мотив.

(«Точит сердце мое непрерывно. . .», 1915—1919)

В романтических видениях воспоминаний встают незаменимые святыни родного края, встревоженная душа поэта уносится в желанную тихую обитель: «Унесите в мои горы, унесите домой». Там, на склоне «лиловых гор», сбываются духовные обеты, и жизнь, мудрая, как сказка, и стихийная, подобно природе, предстает как идиллия:

А там пастухи на свободных горах
 Огонь развели и друг друга зовут.
 Я узник, я пленник, покинутый тут. . .
 А там пастухи на свободных горах. . .

Скитальцу, мне мирный неведом приют,
 Во власти я чьей-то, я в чьих-то руках. . .
 А там пастухи на свободных горах
 Огонь развели и друг друга зовут. . .

(«А там пастухи на свободных горах. . .»)

Образ родины в поэзии Терьяна приобретает новый художественный смысл. В одном из писем к Александру Цатуряну Терьян характеризует его патриотическую поэзию как «примитивную» и «дышащую стариной», — «такое можно было написать в давние времена», — и полагает, что его, Терьяна, «стихотворения многим не понравятся». «Я не освобожусь, наверное, от них до конца, — пишет поэт в письме к Нвард Туманян. — Как освободиться от себя самого?.. Вы не представляете, как проходит моя жизнь... не проходит, а горит каким-то внутренним горьким пламенем, и я беспомощен и бессилён перед этим пламенем. И я иногда думаю, что это имеет свой глубокий и возвышенный смысл. Ведь так же, подобно моей душе, горит моя страна, «моя Наири», возможно, из-за этого горит моя душа, потому что в моей душе сгорает „прекрасная чудная душа Наири“».

Реальности — родина и субъект — здесь не сопоставимы, а однозначны. Вот почему выразить родину для Терьяна равнозначно тому, чтобы выразить себя:

Глубокая, как боль земли родной,
Печаль моя безмерна, беспредельна,
Сжигает душу, плачет надо мной
И дарит горечь песни колыбельной.

(«Глубокая, как боль земли родной. . .»)

Такое же элегическое раздумье, где горе отечества и тревога души поэта слиты воедино, представляет стихотворение «Да, блаженны те...». Желание «мирного отчего крова» и «старой колыбельной песни... сердобольной матери» преломляется сквозь «темные подозрения растревоженной души», пред которой в «холодных и чудовищных видениях» встает «кровавый путь» распятой на кресте родины:

Что осталось?
Ночи долгие без сна,
В сердце — пепел и усталость,
Я — как ты, моя печальная страна,

(«Что осталось. . .»)

В 1910-е годы Терьян целиком был поглощен размышлениями об отечестве. «В конце концов я прихожу к тому заключению, что боль нашей родины нас так изнашивает, парализует, угнетает, что мы становимся неспособными что-либо другое понять или сделать».

Мировая война, резня армян в Турции, ужас гибели — в этих обстоятельствах поэт нашел веками измученную свою родину и из ее тягот сплел поэтическую книгу «высокого страдания» — «Страну Наири». Лермонтовская строка «Люблю отчизну я, но странною любовью», избранная в качестве эпиграфа к циклу, подсказывает тенденцию противопоставления традиционному патриотизму. Те источники «странной любви», которые обнаруживает Лермонтов в заветных святынях русского пейзажа, своеобразно трансформируются в поэзии Терьяна, придавая патриотической лирике новое содержание:

Люблю не славу светлых дней,
Не наши древние сказанья, —
Люблю я мир души твоей
И песен тихие рыданья.

Люблю я бедный твой наряд,
Тоской молитвенною болен,
Огни неяркие из хат
И звоны с грустных колоколен.

(«Ты не горда, страна моя...», 1915)

Вполне очевидна терьяновская тенденция антиромантической дегеронизации родины. Отрицая мифы, символизирующие традиционный пейзаж исторической родины, он открывает новый миф — слитую из духовных святынь страну Наири с ее бедностью, покорностью воле судьбы, с красотой ее тихой жертвенности и стремящейся к небу молитвы: «Как не любить тебя, родная, бедная... Ты богородица, семь раз пронзенная!»

Будто из тысячелетней дали слышна «чудная мелодия» «тихой песни», «скорбной молитвы», «звона колоколов», и как чарующее видение встает лирическая родина — страна Наири, таинственная и непостижимая:

Из мглы восходит призрак, с явью споря, —
О Наири, печален образ твой!
Где есть страна, в чьем сердце столько ж горя,
И доблести, и доброты простой?

(«Из мглы восходит призрак...», 1915)

В дали воспоминаний реальное сливается с иллюзией — «Я словно вернулся домой, Забытое снова живет», и сказки детских лет вновь баюкают чарами грез:

Я слышу сквозь дрему рассказ,
Приник я к коленям твоим,
Я снова ребенок сейчас,
Я райским покоем храним;
Уж неба тускнеют края,
Туман над рекою встает,
Баюкает сказка твоя,
И нежная прялка поет.

(«Я словно вернулся домой...», 1915)

Экзотические воспоминания перемежаются с мрачными сомнениями — «останется ли жив наирянин», «будет ли звучать наирийское», — и призрак гибели преследует воображение поэта: «Ужель я должен спеть тебе колыбельную... И уложить тебя в могилу царственную?..»

Но трагическая безнадежность отступает перед «бесконечной верой», и поэт, как воспрянувший Свет-путник, бродит по развалинам родины, чтобы возвестить утро воскресения:

А я, наследник всех былых веков,
Сын гордый Наири, вперед иду...
Не страшен мне тяжелый гнет оков,
Чем ночь темней, тем я упрямей жду:
Восстань, страна родная, наконец!
Тяжел, но свят судьбы твоей венец.

(«Спускается безжалостная ночь...», 1917)

Создавая свой поэтический символ родины, Терьян объясняет, что «„Наири“ надо понимать не в историческом смысле, а в идейном». Это различие исторического и идейного определенно совпадает с концепцией «духовной Армении». Идейная «Наири», по сути — поэтический символ «духовной Армении», а «духовная Армения» — историко-философская концепция «Страны Наири».

Весьма характерно, что Терьян поместил в цикле «Страна Наири» стихотворение «Вячеславу Иванову». Этот поэт нового времени, который, проникнув в сферы духовной жизни народов античности и средневековья, искал свой идеал в мире легендарных и мистических символов прошлого и пытался создать выраженное на субстанционально-народной основе «какое-то искусство будущего, где выступит все человечество», вероятно, воодушевлял Терьяна на поиски тайны воскресения своего народа, своей Армении — «лучшего сада»:

Смотри — он предан разорению,
Лишен и песен и цветов,
Алкает он твоих стихов,
Вещающих о Воскресении.

(«Вячеславу Иванову»)

Терьян сам воспел это «воскресение». В воображаемой дали рассеивается облачный туман, небо становится чистым, и в видении встает страна Наири — в весеннем цвету, со светлой улыбкой любви и песней:

Мне наирянка улыбнулась тонкостанная,
Печальных глаз был прям и огнен верный взор,
И чист был пламень, как заря, из ночи данная,
Горел и жил открытый облик девы гор.

И там, где северно и сумрачно от холода,
Наирский день блеснул в душе, как солнце ал,
И в сердце роза, сердце огненно и молодо,
Оно горит и мне велит, чтоб не молчал.

Не петь нельзя мне непорочную и чистую,
Огонь поет, огонь-краса, я весь в огне.
Так солнце тучу разрезает дымно-мглистую.
Наирский край, высокий край весь виден мне.

(«Наирянка», 1915)

Цикл «Страна Наири» — одна из неповторимых страниц армянской поэзии. Создав поэтический образ родины, Терьян поднял патриотическую лирику на качественно новый художественный уровень.

10

В раздумьях «Грядущего дня армянской литературы» и «Духовной Армении» угадываются уже формирующиеся в поэтических ощущениях Терьяна новые тенденции. В одном из писем 1913 года поэт замечает, что занимается древней армянской литературой и восточными языками и видит, «какими были мы, как жили, как умели говорить, как умели прекрасно творить». Из этих высоких образцов армянской средневековой поэзии Терьян взял не только поэтические формы, но и впитал новые потоки жизнеощущения. Его

поэзия прониклась благородной простотой и непосредственностью излияния чувств армянских шараканов и айренов (жанры средневековой армянской лирики). Внешний мир для Терьяна уже реальность, он рассыпает сокровища сердца своего перед миром, сплетая «золотую цепь» поэтических образов:

Сад расцветает вновь.
Сердцем весну приму,
Сердцем чую любовь,
Любовь — не знаю к кому.
Пылом роз осиян,
Жжет трепет душу мою,
Брожу я, любовью пьян,
Брожу и пою, пою. . .

(«Сад расцветает вновь. . .»)

Новы здесь и образы и чувства — легкие, радостные. Кажется, будто какой-то бродячий певец живет любовью и ищет любви. Природа чарует, душа освобождается от оков, чувства становятся кроткими, нежными и задушевыми. Жизнь продолжается, мир обновлен новой радостью и новой болью, и сердце поэта, опьяненное тысячами грез, сплетает песню слез и радости:

Осень, дни холодеют уже,
Ночь уходит в туман за рекою.
Сколько нежности ныне в душе,
Сколько в ней тишины и покоя!

(«Осень, дни холодеют уже. . .»)

Грусть, сон и забвение в «Золотой цепи» имеют уже иные интонации. Бездна мечты и тщетные желания «Грез сумерек» уступают реальному течению жизни, где есть наслаждение, опьянение и сжигающая улыбка.

Из своих тайных дум, заветных излияний, обрывков впечатлений, непосредственных чувств Терьян сплетает золотую цепь поэтических посвящений. И здесь он открывает для себя изящную звучность триолета — этой забытой поэтической формы, выступающей у армянского поэта в сочетании с безыскусственностью и прозрачной атмосферой народных песенок:

Легки и бесшумны твои шаги,
И страшно пламя любви твоей!

Не надо пощады мне, душу жги!
Легки и бесшумны твои шаги.
Лик твой сверкает во тьме ночей,
Страсть в глубине твоих очей.
Легки и бесшумны твои шаги,
И страшно пламя любви твоей!

(«Легки и бесшумны твои шаги. . .», 1915)

Далее появляется ашугский размер, газелла, которые обогащают мозаику поэтического мира Терьяна. Впоследствии традиционная восточная форма обнаруживает новый художественный смысл в «Газелле», посвященной памяти Степана Шаумяна, где Терьян увековечивает память героя-революционера, пронизывая эту песню непреходящей тоской человеческой и товарищеской любви:

Сердце твое — жертвенный свет — храни горящим!
Сердце твое — пламя побед — храни горящим!

Сердце горит, его огонь храни горящим!
Радость — твой щит, сердца завет — храни горящим!..

Факел во мраке черных ночей — храни горящим!
Алых знамен пламенный цвет — храни горящим!

Вблизи, вдали родной земли — храни горящим!
Сердца обет, розы привет — храни горящим!

Взойдешь на костер — пламя его храни горящим!
Сердце-солнце без счета лет храни горящим!

(«Газелла ликования», 1919)

Цикл «Золотая цепь» выявляет характерную для Терьяна многоплановость поэтического мышления, переход от «однострунности» к стилистической полифонии и синхронности стилей — качеству, вообще присущему поэтической натуре Терьяна.¹ Это обстоятельство вызвало, в частности, параллелизм циклов «Грезы сумерек», «Ночь и воспоминания», «Золотая сказка», «Возвращение». Но если для каждого из этих циклов было характерно внутреннее единство и некая однотонность, то в «Золотой цепи» эта соразмерность усту-

¹ Подобный переход замечает Л. Гинзбург, рассматривая внутреннюю структуру поэтических циклов Блока. — Л. Гинзбург, О лирике, с. 270—273.

пает место многочисленным потокам настроений. В стихотворениях-письмах Терьян поэтизирует бытие человеческой души, то переживая трагическое ощущение подавленного злом мира, то даруя щедрые излияния любви и наслаждений, то отражая в чудесных лирических этюдах отзвуки романтических порывов души:

Солнце спускается в море,
Чтобы пропасть без следа.
Ветер несется с предгорий,
В небе сверкнула звезда.

Вечер спускается черный,
А на востоке, вдали,
Облако грезит о чем-то,
Всё в золотистой пыли.

Грусть моя облаком реет,
Грезит, стремится в полет,
Вспомнив тебя — пламенеет,
Слезы горячие льет.

(«Солнце спускается в море. . .»)

В единой теме-мотиве Терьян обнаруживает не только новые вариации ощущений, но и новые модели поэтического слова. С этой точки зрения интересна, например, интерпретация любовных мотивов в цикле «Кошачий рай». Этот цикл является совершенно своеобразным и по стилиевой структуре, и по философскому осмыслению.

Кто может Вас не полюбить,
Безоговорочно и сразу?
О, как, сударыня, не быть
Послушным Вашему приказу?

(«Кто может Вас не полюбить. . .», 1917)

В этом открывающем цикл стихотворении есть какая-то парнасская торжественность, салонная поза, протянутое между поэтом и героиней расстояние, которое, однако, имеет романтическое начало, но никак не ироническое. И это определенно видно во втором стихотворении, где любовная история предстает в прекрасном воспоминании одной встречи в прошлом:

Легкой поступью, тихая,
Снова ко мне
Вы явились, как память
О сладостном дне.
Вы сказали, чтоб я Вас
Ласкал и любил. . .

(«Легкой поступью, тихая. . .», 1917)

Героиня любовного романа — женщина, любившая, но потерявшая свою любовь, для которой умеренность и сдержанность поведения не условность, а внутренний дар благородной добротельности.

Тихо светится тайная грусть
В Ваших тонких и нежных руках,
И в улыбке наирских уст,
Когда Вы говорите «Терьян».
А уста Ваши так чисты,
Легок шаг, плавен рук полет,
Всё далекое, все мечты,
Всё наирское в Вас поет. . .

(«Тихо светится тайная грусть. . .», 1917)

Необычная история любви возникает в безмолвном разговоре взглядов, в тайниках души, чувства не находят точки пересечения, и все кажется неясным и непостижимым. Объект любви остается для поэта загадкой, романтическая чистота чувства ищет в «тихом взгляде» чистых и невинных глаз святой сестринской ласки.

Любовь и страсть — всё так невинно в Вас,
Скромна улыбка Ваша и ясна.
Покоит, нежит в сумеречный час
Ваш милый голос, Ваша тишина.

(«Как тонки Ваши пальцы, милый друг. . .»)

Драматический смысл «Кошачьего рая» заключен в стремлении к слиянию чувств, не имеющих возможности слиться окончательно. Навечно связанные и одновременно чужие, герои цикла любят друг в друге свою любовь: он — поэтическую, она — трагическую.

В мирозерцании Терьяна проблема отделения социал-демократизма от марксизма долгое время оставалась нерешенной. «Я — не марксист, — пишет он в 1915 году, — и не могу им быть, но могу быть, и, возможно, уже есть (душой) — социал-демократ, то есть принимаю их основные социальные и политические идеи (программу), но не принимаю их философию (и материализм). Конечно, они считают это невозможным (чтобы человек был социал-демократом, но не марксистом), но это мне все равно...»

Социальное и философское мировоззрение Терьяна еще окрашивалось общегуманистическими настроениями. «Терьян, — пишет А. Каринян, — будучи прежде всего поэтом и художником, подходил зачастую к освещению общественно-политических течений с позиций гуманиста-утописта. Даже после осуждения своих старых иллюзий он долгое время не отказывался от надежды найти общую почву для примирения разношерстных течений демократической общности».

Но Терьян не остановился на полпути. Начало перелома было заложено в 1916 году, когда он стал изучать работы Ленина и нашел идейную опору во взглядах армянских марксистов ленинского крыла, в частности Степана Шаумяна. Он преодолел «гуманистическо-утопистские иллюзии демократической общности», поняв связь идей социализма с марксизмом. В 1917 году Терьян вступает в ряды большевистской партии и приветствует Октябрьскую революцию как революционер-марксист, осуществляя свое идейное кредо и как государственный общественный деятель, и как поэт и публицист. В эти годы он переводит работы В. И. Ленина «Государство и революция», «Карл Маркс», пишет «Письмо армянским крестьянам и рабочим», «Что говорит Ленин крестьянам», в которых доказывает, что «спасение трудового народа в могуществе рабочих и крестьянских Советов России», и показывает необходимость «перехода к формам общинного хозяйства в деле социального освобождения».

В русской революции Терьян видел начало новой эры в истории человечества. Лозунг «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!», по его убеждению, разрешает вековую мечту освобождения человека и наций, и поэт призывает армянских трудящихся «присоединить свой голос к всемирному голосу рабочих и трудящихся — мировому интернационалу».

В 1918 году Терьян становится членом Всероссийского центрального исполнительного комитета и переходит на общественную

работу в Комиссариате Наций. В 1920 году он по поручению партии направляется в Среднюю Азию, однако тяжелая болезнь приковывает его к постели в Оренбурге, где он и умирает 7 января.

Во второй половине 1910-х годов в творчестве Терьяна заметно сочетание все более разнообразных стилевых потоков. Произведения, вошедшие в «Золотую цепь», «Страну Наири», «Кошачий рай», «Песни свободы», отражают духовный опыт эпохи своего времени, в котором решающее значение имела Октябрьская революция. Исторический перелом стал для поэта символом духовного возрождения:

Знамя свободы,
Пою я тебя!
Снова воскресла
Душа-сирота,
Как буревестник,
Ликует, любя,
И торжествует,
Легка и чиста.

(«Знамя свободы. . .»)

В биографии души заново пересекаются прошлое и настоящее, разлука и возвращение, и Терьян слышит в набате революции звон новых стремлений, переживает радостное настроение «новорожденной жизни». Меняются краски поэтического мира — проясняется потускневшее небо души, рассеивается плотная мгла, освещаясь светлыми улыбками солнечных лучей, журчанием весеннего пробуждения:

Мое небо открыто
Настежь — море огней!
Мои взоры омыты
Счастьем вешних лучей.
Светят золотом воды
И звенят в тишине. . .
Льется синь с небосвода, —
Крылья, крылья бы мне! . .

(«Мое небо открыто. . .»)

Поэт уже чувствует себя гражданином истории. Происходит жестокая схватка между старым и новым миром, в которой страсти накалены в вековом гневе и смерть освящена возвышенностью цели. Поэт направляет свое слово демократии, вдохновляя ее призывными

гимнами борьбы («Восстань, демократия...», «Разрушайте безжалостно...», «Песня рабочих»).

Симпатия к революции, стремление к разрушению старого мира характеризуют умонастроение Терьяна в это время. Освобождение от внутреннего кризиса — от того, что «томило когда-то и душу и разум», — обостряло бунт поэта против той действительности, которая омрачала мир его «золотых сказок».

Однако было бы ошибочным подчинить поэзию Терьяна строго законченной системе, приспособлявая ее к равномерной линии, идущей «от сумерек к буревестнику», как это делают некоторые исследователи.

Внутренние законы поэтического мира каждого художника не могут строиться в буквальном соответствии с социальными моделями. И творчество Терьяна в последние годы его жизни не было однородным. Подчас в нем слышатся трагические мотивы, присущие ранним произведениям:

О, сколько сердцу моему осталось
Еще стонать от горя и обид!
И в песнь мою вливается усталость,
Печаль во мне и плачет, и дрожит... ,

Исполненная горечи и боли,
Душа смертельной грусти слышит зов.
О сердце безутешное, доколе
Тебе дрожать на грани двух миров?

(«О, сколько сердцу моему осталось...»)

Непреодолимая тоска вновь вызывает свои поэтические символы. Земное кажется некрасивым и греховным, и воображение устремляется к небесному миру, где все чисто и нетленно — «Я люблю те цветущие звезды неба...», прошлое кажется бессмысленным — «Дни пришли, и ушли эти дни, для меня ничего не осталось...», воспоминания приносят с собой лишь «яд и тоску» — «От моих пламенных мечтаний осталась лишь пыль», зло плетет свои сети, путь ведет к «какому-то черному миру», и «нет ни одного блуждающего призрака», который освободил бы от этого «магического кошмара». Судьба толкает «к потере», и будущее возвещает лишь «чудовищное паденье».

Причина подобных тоскливых настроений, несомненно, лежит в реальных обстоятельствах жизни поэта. Тяжелая болезнь вызывала мрачное предчувствие приближающейся смерти, крушения, ги-

СТИХОТВОРЕНИЯ

И если горький рок в чужом краю
На муки душу обречет твою,
Знай, станет мне еще, еще больней
От безутешных ран души твоей.

1906

3. ОСЕНЬ

Поля мертвы, мрачен лес,
Тосклива близость конца...
Сквозь дождь, сквозь сумрак небес
Стон, леденящий сердца...

Во мгле холодный рассвет,
Иль это проблеск в ночи?
Увы, пощады нам нет,
Не верь, о сердце, молчи!

Свинец беспомощных мук,
Последний гибельный путь.
И скорбно-длющийся звук
Рыданья, рвущего грудь!..

1906—1907

4. С ПОЛЕЙ ШИРАКА

Улыбаются звезды, светлы и нежны,
Целует ночные поля темнота.
Меня чаруют всё те же сны,
И в душе у меня всё та же мечта.

А небо так близко, и звездный свет,
Как свет твоих глаз, озарил вышину.
Тоске в моем сердце предела нет, —
Во всем я ищу лишь тебя одну.

1905

Умерло солнце за гранями гор,
 Синею мглою луга облеклись,
 Вечер унылый раскинул шатер,
 Сердце с тоскою зовет: «Явись!»

Тайна небес высока, далека,
 Волосы ив над водой расплелись,
 Речью серебряной ропщет река,
 Сердце с тоскою зовет: «Явись!»

Неба цветы зацвели надо мной,
 Нежно земные закрылись цветы,
 Сердце наполнилось темной тоской.
 Где же, далекая, милая, ты?

Сердце, твой стон до нее не дойдет!
 Ночь миновала, и звезды ушли.
 Сердце бездомное, птица высот,
 Зов твой напрасный угаснет вдали.

1908

Сказкой забытой и незабвенной,
 Струною мира, дрогнувшей чисто,
 Средь тихо меркнущих звезд вселенной
 — Жизнь моя сказкой была лучистой. . .

Лучи, которые миг сверкали
 В сумерках, тканых рукою нежной,
 — Жизнь моя — свет, убежавший в дали,
 Свет, потерявшийся в тьме безбрежной.

И в нем не вспыхнет даже случайно
 Ни настоящее, ни былое.
 — Жизнь моя в храме, навеки тайном,
 Лампадой светится пред тобою. . .

1905

Եւ Բոսնիայում եւ Կոսովոյ մ-խ-ի-թ-ի-ք-ը
Լոյս տարածելու, որ շուրջ եւս աշխարհում
Բնակչւ շատերն որ վրանում եւս ծայրում.
- Կեանքս, ես ել յի Լուսնային տարիքս եր...

Ժամագրայքներն որ շուրջսն եւ շարժ
Նիքոլայի պատճառով արհեստագ.
Կեանքս, որում աշխարհումս ի մեկ Լոյս
Որ յի վրանում որ աշխարհ որ տրոխն.

Զրանումս աշխարհումս պատճառ
Գրութ արիւ անու, սերն իսկ-արում.
- Կեանքս յի-եր ին անուովս ցածրում
Կրթութիս յիս անուովս ե իս յի-արում!...

7. FATUM ¹

Волшебная цепь лежит над горами,
Невидимая, словно боль души,
И чудится только лишь вечерами,
Как звезды сплетает она в тиши.

И светят сказкою молчаливой,
Как божии свечи, звезде звезда,
Мерцают мечтательно и тоскливо,
В разлуке навек и вместе всегда.

Так вяжет судьба на любовь и муки,
На жизнь в плену мечты и тоски.
Навеки вдвоем и всегда в разлуке,
Как звезды, и чужды мы и близки. . .

1906

8. ЭЛЕГИЯ

Гаснет день, и узор из теней сквозных
На поля упал, тишину храня.
Незлюбив и ясен, красив и тих
Этот мирный сон уходящего дня.

Над прозрачными водами в тишине
Наклонился камыш и как будто спит,
Небо, поле, река грезят в мирном сне,
Всё спокойно вокруг, и весь мир молчит.

Печаль моя, как мечта, светла,
На душе легко, молча я стою.
Не кляню я жизнь, что была так зла,
И не жалуюсь на судьбу мою.

1903

¹ Судьба, рок (лат.). — *Ред.*

9. ОСЕННЯЯ ПЕСНЯ

Продрогшие, ветром гонимые,
Тоской наполняя грудь,
Листья проносятся мимо,
Мой покрывают путь.

Гаснут лучи, увядают
Травы неумолимо,
И думы мои блуждают —
Продрогшие, ветром гонимые.

Огни мои угасают.
Туманы вокруг легли.
Небесные грезы тают —
Умчались они, ушли. . .

1906

10

Сердце мое о прошлом грустит,
о блаженстве былом. . .
Кто-то тихонько со мной говорит.
Кто-то недобрый на сердце моем.

Воспоминанье, горестно ты,
но сладка печаль!
Кто-то разрушил мои мечты. . .
Канул, смеясь, в холодную даль. . .

Но ненавидеть ее нет сил,
ее я люблю!
Жизнь мою сумрак прозрачный покрыл. . .
Сумрак ласкает душу мою. . .

Кто-то ушел, — и сердце в крови,
но не плачу я!
Благословенны муки любви,
Песня, и жизнь, и ты, о земля!

1905—1906

11. НЕЗНАКОМОЙ ДЕВУШКЕ

Вечер в сумраке плыл седом,
Мгла ходила из дома в дом.
Я в пути тебя встретил вдруг,
Незнакомый мой, близкий друг.

Песню звонкую пел родник,
Был понятен его язык.
Легких ног оставляя след,
Шла ты — вечера нежный свет.

Как нежданная радость, ты
Мне явилась в лучах мечты.
Вдаль увел тебя пыльный путь, —
Никогда тебя не вернуть.

1903

12. ОСЕННЯЯ МЕЛОДИЯ

Дожди, листопад... Виденья сквозят
В бесформенной мгле. Везде на земле —
Дожди, листопад...
Невесело мне. Тревоги томят
Мне сердце во сне.
«Постой, подожди! Ужели всегда
О горе былом, о дне прожитом
В слезах вспоминать?»
— «Гляди, ах, гляди! Те раны огнем
Жгут сердце опять...»

Всё осень и дождь. Весны не вернешь!
Ушедший от нас, забывший нас друг,
Весны не вернешь!
Шумящий вокруг, изведал ты круг,
Что жизнью зовешь.
Ты жизнью богат, ты в жизни стократ
Изведал надежд пленительный цвет.
Я солнцу не рад...
Рассвета, увы, душе моей нет!
Дожди, листопад...

1906

Хороните меня, лишь угаснет заря
 И печального солнца усталый закат
 Ослабеет, вершины огнем озаря,
 А моря и равнины во тьме замолчат.

Хороните меня до ночной темноты:
 В час, когда замирает дыхание дня,
 Потухают лучи, засыпают цветы, —
 В полумраке долин хороните меня!

Бросьте мне на могилу увядших цветов:
 Пусть со мной разделяют покойствие сна.
 Хороните без слез, хороните без слов. . .
 Тишина, тишина, без конца тишина!

1905

В толпе несчетной,
 В толпе холодной,
 Словно в пустыне,
 В немом унынье
 Мне одиноко,
 Мне одиноко. . .

В миру холодном
 И безысходном
 Тускнеет, тает
 И угасает
 Сон мой небесный
 И свет мой — песня.

Гнетет бывшее
 Холодной мглой,
 Радость скончалась,
 Счастье умчалось
 Невозвратно,
 Невозвратно. . .

1908

15. СТРАННИК

Онику

Город тесный и шумный покину опять,
В путь далекий пойду, одинокий навек.
Будут тихо за мною огни угасать,
И под ивою в поле найду я ночлег.

Позабуду о том, что есть шум городской,
Дней иных я почувствую светлый приход.
Лучезарная ночь, навевая покой,
Неземную отраду душе принесет.

Станет близким мне горе далеких людей.
В тишине я услышу рыданья ручья,
Землю я обниму, буду плакать над ней,
К ярким звездам лететь будет дума моя.

Будет хлебом делиться прохожий со мной,
Жадно к чистой воде я губами прильну
И под небом свободным с открытой душой
Здесь, в траве и цветах, безмятежно усну...

1907—1908

16. ТОСКА

Я в ниве золотистой задремал,
Измучившись в дороге бесконечной,
И вскрикнуло вдруг сердце — кто-то звал
Меня, казалось, грустно и сердечно.

От боли счастья вмиг проснулся я:
Даль темная глядела одичало,
Ночной прохладой плакали поля,
Как камень, одиночество молчало.

1905

17. ЛУНАТИК

Околдован серебряным светом луны,
Подчиняясь желанью, что манит вперед,
Как таинственный призрак безвестной страны,
Молчаливый и бледный лунатик идет.

Можно ль верить мерцающим лунным лучам?
Близок свет их, как ты, и, как ты, отдален.
Я луной околдован, лунатик я сам,
Ты ж — сиянье луны, мой обманчивый сон.

От гнетущей тоски избавления нет,
Мне тебя не найти — оттого и тоска.
Я луной околдован, ты — лунный мой свет,
Ты всегда мне близка и всегда далека.

1906

18. ПРОЩАНИЕ

Ты уходишь, — не знаю куда.
 Так под утро звезда
Исчезает, уйдя в облака.

Вот и я уйду, одинок.
 Так летит лепесток
С оголенного ветром цветка.

Ты уходишь, — не знаю куда.
 Но еще никогда
Я не слышал рыданий твоих.

Мы не будем с тобою вдвоем...
 Только в сердце моем
Скорбный голос еще не затих.

1904

19. ВЕЧЕРНИЙ ЧАС

Умолкнет вновь жестокий день,
И я твой мягкий шаг услышу.
Вечерний час, всё тьмой одень,
Крылами ласково колыша.

Пусть будет нежен этот взмах,
Как материнское касанье,
А ты посеешь в небесах
Покой души и звезд мерцанье.

Рассвет холодный мне немил,
И сердце ласки ждет вечерней,
И ты придешь, как приходил,
Друг задушевный мой и верный.

Я буду одиноко ждать,
И с гибких крыл мне в душу снова
Слетят, как сон и благодать,
Тепло надежд и свет былого.

1907

20. ПЕСНЬ РАССТАВАНИЯ

Ты, беспечно взглянув на меня,
Поманив, промелькнула, как сон.
Я ушел от тебя, огорчен.
Я в слезах удалился, стена.

Как в бушующем море ладья,
Одиноко блуждает душа.
Бросил руль, весла выронил я,
Вверясь тьме, никуда не спеша.

Маяка я не вижу огней.
Пристань тихая так далека.
Только ветер шумит всё сильней,
Только мгла, только ночь и тоска.

1905

21. МЕЧТА

Глаза у ней были, как небо, нежны,
Грустны и нежны, как вечерняя мгла.
Та девушка дальней безвестной страны
В душе у меня, как молитва, жила.

Мерцающей, кроткой улыбка у ней
Была, как улыбка луны молодой,
И женской лукавости не было в ней,
Всегда она нежной была мне сестрой.

Хранит моя память немеркнущий свет,
Печального сердца обитель светла.
Сестра, умерла ты, тебя уже нет,
И вместе с тобою душа умерла.

1904

22

В неге чарующей меркнет закат,
Вечер огни свои робко зажег,
Кружевом грусти на долы он лег,
Сладостен сонных цветов аромат.
— Сердцем я грустен и одиноч.

Мёртво и тускло восходит луна,
Стелет холодного света лучи.
Грустная тайна трепещет в ночи,
Вечно и немо простерта она.
— Сердце мое, не зови, не шепчи.

Плач в одинокой душе у меня
Будит луна нищетою своей,
Эта луна — тень полдневных лучей,
Эта луна — блик угасшего дня.
— Жизнь моя — ответ от славы твоей.

1907

23. НА КРАЮ ПРОПАСТИ

Прислушиваюсь к песне ветровой,
Безумной, безутешной песне рока.
Зияет пропасть прямо подо мной,
Душа моя грустна и одинока.

Тоска глухая мучит всё сильнее.
Где к солнцу путь? Ни маяка, ни знака...
Не помню блеска отсиявших дней,
Кто предал сердце этой бездне мрака?

Прислушиваюсь к песне ветровой,
Не удержать горячих слез потока.
Зияет пропасть прямо подо мной,
Душа моя больна и одинока...

1904

24. ГРУСТНАЯ БЕСЕДА

В синем небе звезд золотые стаи,
Издали, но вам она видна.
Так скажите мне, грустна ль она
И страдает ли, как я страдаю?

Мудрецы небес, взгляните в тьму.
Одинока ль грез моих подруга?
Иль, найдя себе иного друга,
Нежно улыбается ему?

Мудрецы небес, ваш ответ зыбкий
Говорит: «Печаль твоя смешна,
Ты забыт, иного ждет она,
Бред твоих речей гоня улыбкой».

1905

25. ЧУДО-ДЕВА

Ты как чудо, царица ночной темноты,
Как светил мне твой взор, как горел он,
Мою душу больную согрел он,
Ты как чудо, царица безумной мечты...

Словно лунным лучом с вышины осеня,
Ты улыбкой меня поманила
И свободное сердце пленила,
Силой кротости нежной пленила меня.

Знаешь ты, как, страдая от счастья, поют,
А в глазах твоих очарованье,
На устах твоих тайны сиянье,
И бессмертный восторг они в сердце мне льют...

Ты как чудо, фиалка нездешних садов,
Ты нисходишь, как солнце ночное,
Ты всеильем сравнима с одною
Смертью, нежной, как память ушедших годов...

1906

26

Как безропотно вянет цветок
Там, где тень — ледяная могила.
Пусть любви моей гибнет росток,
Чтоб она твои дни не мрачила.

И стерплю я гнетущую боль,
Улыбаясь улыбкою ясной;
Мрак мой скрыть мне сегодня позволю,
Скрыть хочу я, что сердце несчастно.

Чтобы, к жизни прекрасной спеша,
Ты рыданий моих не слыхала,
Чтоб твоя молодая душа
Беспредельную радость познала.

1905

Перед взором твоим я стою, как слепой,
Там, в душе у тебя, ни луча не найдешь,
В темном взоре твоём лишь сладчайшая ложь,
Словно спрятана ты от меня пеленой.

Скрыто сердце твое от меня в глубине.
Я навеки с тобой — и чужой для тебя.
Если даже, безумный, ласкаю, любя,
И в любви ты всё так же неведома мне.

Скрыто сердце твое от меня в глубине,
Перед взором твоим я стою, как слепой,
Непроглядной задернута ты пеленой.
Кто же, кто ты, скажи! Ты неведома мне.

1904—1905

Ты живешь еще в сердце больном,
Ты живешь в нем, как давешний сон.
В сердце образ твой запечатлен.
Не всегда же он был только сном?

Быть не может, чтоб ты умерла,
Я к потере такой не готов,
Ты мечта, ты возникла из снов
Колыбельных, как пламя, светла.

Мое сердце сгорело дотла,
Ты из этого вышла костра,
Ты палач мой, любовь и сестра,
Быть не может, чтоб ты умерла...

1908

Оторван я от родимой земли,
 Мне отчий дом стал теперь чужим,
 С негасимую жаждой ищущу я вдали
 То, что тайным стало путем моим.

Вижу: бурные волны несутся сейчас,
 В пене, в грохоте свой ускоряя разбег.
 Кто же так растревожил, лазурные, вас? . .
 О, родимый мой дом, позабытый навек!

На юг ли, на север — мне всё равно,
 Тревога растёт в моем сердце больном.
 Нет жажде моей утоленья давно,
 Навек стал чужим мне родимый мой дом.

1908

Грустно умер синеокий
 Поднебесный сон.
 В бездну муки, одинокий,
 Я с вершин снесен.

Не взлететь — крыла бессильны —
 Вновь к вершинам дня.
 Гибну я во тьме могильной,
 Пожалей меня.

Вновь бреду дорогой темной
 В холод и дожди.
 Всё забыл — тебя лишь помню.
 Лед и смерть в груди.

И молюсь тебе я ныне, —
 Чудо мне пошли,
 Стань передо мной в пустыне,
 Спаси, исцели!

1905—1907

Вновь в душу проникает сладкий яд
Твоих речей — отравы лжи прекрасной.
И поцелуи счастье мне сулят
Сладчайшие твои. Сулят напрасно.

Во мне погасло солнце. Холод — сплошь,
И мрак, и ночь вступают во владенья...
Ужели вновь желанье ты зажжешь?
Ужели вновь воспламенишь волненье?

Подобно искушению, ты вновь
Всевластна — и чужой покорна воле...
Твой поцелуй во тьме — огонь и кровь —
Пленительней греха, безумней боли.

Змеей прильнула ты к груди моей.
И задыхается в немых проклятьях
Моя душа в штормах твоих страстей,
В твоих объятиях, в твоих объятиях...

1908

Во тьме и печали ты будешь брести,
Сомненье украдкою душу отравит,
И в ужасе ум твой впервые представит:
Того, что искал ты, вовек не найти.

Но ты не сойдешь, не отступишь с пути...
Последние зори увянут и сгинут,
Последнею верой ты будешь покинут.
Того, что искал ты, вовек не найти.

Надежда уйдет, чтобы вновь не прийти,
И сердце с отчаянным криком забьется:
«Ужели вовек не найти?»

Донесется

Рыдающий отзвук: «Вовек не найти».

1907

33. ЖЕЛАНИЕ

Будят взгляда твоего огни
Трепет — сладок он, неизъясним...
Ты меня окутай и плени
Девственным волнением своим...

Словно облаком — обволоки,
Томные глаза прикрой в тиши
И, улыбке страстной вопреки,
Жизнь мою без боли сокруши.

До крови целуй и не робей,
В сердце — жаль! О жалости — забудь!
Жизнь мою ты походя разбей,
Улыбнись — и вновь пускайся в путь...

Будят взгляда твоего огни
Трепет — сладок он, неизъясним...
Ты меня окутай и плени
Девственным волнением своим...

1906

34

В бессловесной беседе твоих
Жестов — тайна прелестная есть,
Взгляд от них я не в силах отвести,
От змеящихся и неземных.

Их мелодией странной задет,
Модуляцией их неземной,
Как молитву, ношу их с собой,
Есть они, и как будто их нет...

Хоть и вскормлены здесь, на земле,
От земли отрывают совсем,
И душа попадает в эдем
Новых мук, беснований во мгле.

1905

35. 14 СТРОК

Взяв страннический посох с детских лет,
Разрушенный покинув отчий дом,
В пути я заблудился, счастья нет,
Угрюмым стал я странником, слепцом.

Напрасны были грезы, где их свет?
Восход меня не радует лучом...
Забыв людьми, любовью не согрет,
Надежды в сердце умерли моем.

Теперь — бездомен, слеп и одинок,
Я, затерявшись в вечности, бреду, —
А жизнь течет, сплетая свой венок...
По безднам и вершинам я иду.
Что час? Что вечность? Счастья не найти,
Печальный странник, сбившийся с пути...

1907

36

Мое бедное сердце сжимает тоска:
— Где же ты, — я шепчу, — где же ты?
Здесь он, сладкий твой голос, но ты далека,
Вроде недостижимой звезды.

Я навстречу бреду бесконечным путем:
— Светлым сном не сойдешь ли в ночи?
Не рассеешь ли грусть в темном сердце моем?
Не протянешь ли сверху лучи?

Среди ночи зову, среди ясного дня,
Но найду ли я в мире твой след?
Голос твой, он преследует всюду меня.
У тебя даже имени нет...

1908

37. ОСЕННЯЯ ПЕЧАЛЬ

Il pleure dans mon cœur
Comme il pleut sur la ville.

*Paul Verlaine*¹

На душу легла
Слезами тумана печаль облаков,
Вечерняя мгла.
Пронзило меня
Лобзание смятых дождем лепестков
Ушедшего дня.

Рыданием туч
Остывший оплакивает небосвод
Скончавшийся луч.
Вихрь мечется злой,
Листочки надежд пожелтевшие рвет
И гонит долой.
И горестный стон
Прощально уносится в темную даль
С последним листом.
И рдеющий блик,
На миг осветивший туман и печаль,
Беззвучно поник.

Стенают дожди,
И небо скорбит, и печалится мгла,
И больно в груди.
На душу мою
Протяжным рыданием осень легла,
На душу мою...

1907

¹ Плач в моем сердце, Как дождь над городом. *Поль Верлен*
(франц.). — *Ред.*

Прохладною ночью ко мне ты придешь.
И, нежные, слабые руки целуя,
Я жизни забуду и горечь и ложь,
Огни золотые во мраке зажгу я.

Лицом утомленным прильнешь ты ко мне,
И волосы тихо прольются на плечи...
О нежная, в мягкой ночной тишине
Меня околдуешь ты сладостью речи.

Обмануты маревом жизни больной,
В прозрачном мерцании будем одни мы.
И будем, забывшись, мы вместе с тобой
Мечтать бесконечно и неутолимо...

1906—1907

39. ИЗ СЛОВ ПРОЩАНИЯ

Слов упрека и скорби не вымолвлю я,
Уходи и меня навсегда позабудь.
И темна и пустынна дорога моя,
И с жестокою болью пускаюсь я в путь.

Бесконечною ночью во тьме мне блуждать,
Не блеснет яркий луч на дороге моей.
Уходи, позабудь... Для чего вспоминать?
Не жалея, как сестра, ты меня не жалея!

Без надежд мне в тумане и мраке брести,
И не видеть отныне мне солнечных дней.
Ждут меня лишь страданья и слезы в пути,
Не жалея, как сестра, ты меня не жалея!

1905

На тризну мою не сзываю я вас.
 Напрасны цветы и плач надо мной!
 Подступят рыдания в траурный час —
 Глаза не найдут слезы ни одной.

Так пусть вознесется надгробье мое,
 Где песен не слышно и шорохов дня.
 Где саваном темным лежит забытье,
 Пускай навсегда позабудут меня.

И вы не ищите холма моего:
 Усталому сердцу пора отдохнуть,
 Хочу я один, вдали от всего,
 Без грез и волнений, в мире уснуть.

1904

41. БОЛЬНОЙ

Нежной мечтою мне в душу войди,
 Сядь к изголовью и грустно пой.
 Кудри рассыпь у меня на груди, —
 Сердце изгнанника успокой!

За безотрадной равниной чужой
 Ночь опустилась в немой тишине.
 Сердце томится угрюмой тоской,
 Светлая песня уснула во мне...

С трона лазурного тихо сойди,
 Нежно прильни ты к груди больной.
 Тихой мечтою мне в душу войди,
 Сердце несбыточным успокой...

1907

Несказанные слова,
 Я вам печальный страж.
 Как я люблю, слова,
 Трепет волшебный ваш!

Взволнованные слова
 Я спас от холодных рук.
 Есть сумерки в вас, слова,
 Небывших встреч и разлук.

Вы жжете, любви слова,
 Тоскливой души беда.
 Вам ласки не знать, слова,
 Ни от кого никогда.

Несказанные слова,
 Бессмертные, как зола,
 Вы жжете, любви слова,
 Огнем неземного зла.

1904

43. СУМЕРКИ

Я люблю нежнотканную тьму и покой,
 Когда всё это слито с лучистой мечтой,
 Когда всё это дышит и тайны полно
 И когда это с синею мглой сплетено.
 Нет во мгле очертаний и ярких лучей,
 Городского нет шума, усталых людей.
 Мое бедное сердце тогда не болит,
 Словно в склепе забвенья от всех я укрыт,
 И мне мнится — я в вечность душой погружен,
 А вся жизнь — нескончаемый сладостный сон,

1904—1905

День затих... Небеса возжигают златые кадила.
 Небо, море, земля — всё пронизано негой огней.
 Если б чья-то душа в этот ласковый свет погрузила
 И смешала бы с ним боль души одинокой моей!..

Снова душу мою охватило страданье без меры.
 Этой тайной тоске, мрачной боли — названия нет.
 Если б чья-то душа даровала сияние веры
 И шепнула бы мне, что и я обрету еще свет!..

1908

Будет ли жить тоска, что в сердце покорно дрожит?
 Немая моя мечта, павшая в сердце звезда
 Будет ли жить?

Будет ли жечь тебя любви моей, грезы речь?
 Песнь, что я на уста не выпущу никогда,
 Будет ли жечь?

1904

Люблю глубину твоих грешных очей,
 Их тайны темнее ночей.
 Чарующа грешная тьма твоих глаз,
 Как будто закат, что угас.
 Трепещет в них грех, как мерцанье огня
 Сквозь сумерки вешнего дня.
 В них шепчет о счастье не знаемый мной
 Туман золотисто-хмельной.
 Манящий маяк в бессловесной тиши,
 Глаза твои — мука души.
 Люблю их жестокость, что нежит меня,
 Как сумерки вешнего дня.

1905

47. РОДНИК

Ал. Цатуряну

Зима холодна и, как смерть, сурова.
Умолкли напевы, и сад поник.
Но ты, из-под снежной коры покрова
Пробившись, поешь и журчишь, родник.

Струишься, сорвавшись с высокой кручи,
Алмазы легко расплескав в снегу.
И словно назло набежавшей туче
Сверкаешь и пенишься на бегу.

Поешь о свободе, о близком счастье,
Приносишь о веснах грядущих весть.
И смерть смиряется перед властью
Любви — а ей неизменно цвести!

1905

48

Как вечен ручей,
Серебряный блеск, живая вода, —
Так в дальнем пути сквозь края и года
Я буду всегда
С любовью твоей.

Пусть дождь надо мной,
Не ведаю звезд в далеких морях,
Где тонет исканий остуженный прах, —
Стоишь ты в глазах,
Как берег родной.

Огни устают,
Холодным крылом ведет темнота,
Но ты — моей жизни завет и мечта,
Восторга врата,
Мой светлый приют.

1908

49. ВЕЧЕР

Крыла расправил вечер. Тишина.
Мерцают сонно в небесах огни.
Закрой глаза, к моей груди прильни.
Пусть жизни ложь сольется с ложью сна.

Спустились тени, тихо шелестя.
Вздремнули сладко море и гора...
Златую сказку слушай до утра,
Дитя мое, о нежное дитя...

Лицом прильнешь к моей груди, грустя.
Забудь, что жизнь печальна и темна.
Пусть жизни ложь сольется с ложью сна,
Дитя мое, о нежное дитя...

Вздремнули сладко море и гора,
Мерцают сонно в небесах огни.
Закрой глаза, к моей груди прильни.
Златую сказку слушай до утра...

1908

50

Заснула ты в теплой постели своей,
И снится тебе солнце радостных дней,
А вьюга и ветер бушуют всё злей,
Снега насыпая у окон, дверей.

Заснула ты в комнатке теплой своей,
А я, отдан ветру, что воет всё злей,
С безумным отчаяньем здесь у дверей,
Закрытых дверей, я стучу всё сильнее.

Ты в сне своем светлом уже не со мной,
Не слышишь, как тяжело мне ночью глухой,
А я лишь к тебе устремляюсь мечтой,
В метели пою о тебе лишь одной.

1907

51. СЕНТИМЕНТАЛЬНАЯ ПЕСНЯ

Ты помнишь — был лес и родник под холмом,
Как в сказке, как в светлом и радостном сне,
И вечер нам нежно шептал в тишине.
Ты помнишь — в далеком, далеком былом...

Ты помнишь — весь мир был пронизан лучом
И вечной любви расцвела весна,
Волшебным нам голосом пела она.
Ты помнишь — был лес и родник под холмом...

Ты помнишь — спускалась в ночи тишина,
Как в сказке... Был лес и родник под холмом,
Ты помнишь — в далеком, далеком былом...
Долина печали, жизнь горем полна.

1905

52

Путей бесконечные ленты... Куда
Уводят они, в неизвестность какую?
Сажу на дороге, проходят года,
А я о тебе всё молюсь и тоскую.

Кто знает, быть может, на этих путях
Тебя, светлолицая, где-нибудь встречу.
И сердце мое, что блуждало впотьмах,
Услышит звучанье серебряной речи.

Подобные змеям, струятся, манят
И вдаль зазывают путей миллионы.
О, где ты, заря, мой таинственный клад,
День радости, светом любви напоенный?

1908

Спустилась ты на путь неясный мой,
И в жизнь мою, в печальный мой туман
Ты пролила свой сладостный обман,
Дыша ночью мягкой темнотой.

Свирельный голосок твой, как ручей,
Затрепетал во мраке, зазвенел.
Меня ты поманила в свой предел
Весенней алой свежестью речей.

И, призрачны, как зов краев иных,
Твои движенья в сумраке ночном
Скользнули и невидимым кольцом
Свились вокруг усталых плеч моих.

И жизнь, и смерть во мне переплелись,
И в твой туман вошла душа моя.
Благословил тот путь нетвердый я,
Где ты, о греза, озаряешь высь.

1908

Нисходит ночь с неведомого трона,
Земля и небо — их окутал мрак,
Вдали уже не светится маяк,
Смотрю, как волны бьются разъяренно:

То смех, то вой, то гомон слышу тут.
Вот волны стали призраком, грохочут,
Из мрачной бездны мне в лицо хохочут,
Рокочут, козни темные плетут...

Корабль мой рвет поверхность черных вод,
Во взоре моря — холод, непогода,
Отторгнут от земли и небосвода,
Стою, а жребий нить свою ведет.

Корабль мой отдан бурям... Что вдали?
Отторгнут я от неба и земли...

1907

55

Вершины недоступные сверкают,
На высоте для солнца служат тронном.
Душа скорбит, томится и страдает
Внизу, на поле — дремлющем, зеленом.
К вам, горы, рвутся светлые мечтанья,
Вы ближе к небу, ближе к солнцу, горы...
От скал — огней безумное дрожанье,
Их тихо гасят синие просторы.
Поля — мертвы, спокойны и пустынно,
От них уйти я жажду, отдалиться:
Дышать бы вашим воздухом, вершины,
Хочу восторгом высей насладиться...
Ослепну пусть от солнца-исполина,
Пусть пламя солнца душу наполняет:
— О, счастья недоступная вершина!
Как море, небо чистое сияет...

1907—1908

56. МОЛИТВА

С недоступной высоты твоего светлого трона
Не отвергай непорочную молитву моего сердца...

Сафо

Я рухнул в тьму... Я растворился в бездне...
Мечта моя, я вновь тебя зову!
Как сон — дороги светлые исчезли,
Тьма горькая лишь дышит наяву...

Живешь ты в светлом мире... О, так вспомни
Терзаемого мглой когда-нибудь...

Ты — солнце: светом ты меня наполни,
Лучами озари мой черный путь.

Всё жжет меня любовь твоя живая. . .
Ты — свет. . . А я придавлен темнотой.
Я в этих темных безднах умираю
И не ропщу, о свет далекий мой. . .

1904—1905

57

Фонарям похоронным сродни,
Звезды кем-то во тьме зажжены.
Мое сердце в ненастной тени,
И цветы мои опалены.

К небу полуувядший цветок
Свой последний стремится аромат.
Ни слова мои больше, ни взгляд
Не стремятся к тебе, видит бог.

Сердце стынет, но слез больше нет,
Слезы высохли, очи пусты.
Я безжизненной тьмою одет.
Ты мечта, существуешь ли ты?

58. ВОЗВРАЩЕНИЕ

Когда-нибудь я себя прокляну
И, тенью надежд на ощупь влеком,
Дорогу найду в далекий твой дом
И робко ладонь к дверям протяну.

Ты дверь отворишь усталой рукой,
Усталой улыбкой дрогнут уста,
Поймешь, как болит во мне темнота,
И слезы придут к тебе и покой.

Твое милосердьe, как благодать,
Свет радости сердцу даст моему.
Святые колени твои обниму
И буду рыдать, и буду рыдать...

1908

59. ЗИМНЯЯ НОЧЬ

Ночь зимняя неслышно подошла,
Лицо большого города в тумане.
Брожу один, вокруг сгустилась мгла,
Томительное, долгое блужданье.

В домах высоких — свет... Уже его
По огоньку потемки поглощают...
Я ничего не помню, ничего —
Душа моя вне времени витает...

Прошла уж полночь. К дому своему
Я не иду. По улицам пустынным
Без устали бреду, бреду во тьму,
Всё позабыв, путем туманным, длинным.

Холодный свет свой сеют фонари.
А я брожу — бесцельно, неустанно
По улицам пустынным до зари...
Рыдает сердце в холоде тумана.

1907—1908

60

Позабыть, обо всем позабыть,
Обо всех позабыть,
Не желать, не жалеть, не любить
И уйти...
Неужель в эту боль и печаль,
В темноту бытия

Упадет хоть бы луч забытья,
Светлый луч забытья? ..
Хоть на миг обо всем позабыть,
Обо всех позабыть,
Среди мук, среди мрака застыть,
Каменеть одиноким...
Позабыть, обо всем позабыть,
Обо всех позабыть,
Не мечтать, не роптать, не любить
И уйти...

1908

61

Нищий странник под небом чужим,
Девушку я увидел во сне.
Заблудился в чужой стороне,
Ангелом увлечен неземным...

В чуждом мире, в холодной тени
Погружен был я долго во тьму,
Кто-то к сердцу прильнул моему,
Засветил среди мрака огни.

В чуждом мире, в чужой стороне
Улыбнулась мне кротко она,
С нею был я в объятиях сна,
И я плакал от счастья во сне.

1906

62

Ужели вновь блуждают сновиденья
И сладко голоса любви звучат?
И гаснет осень грустной, бледной тенью,
И родники, сбегая с гор, журчат...

Вот слышу шепот я очарованья —
Не ты ли вновь волнуешь душу мне?
— Нет, это ночь, печаль воспоминанья
И звезд мечтанье в синей вышине.

В простор полей я брошен одиноким,
Мои мечты, погибшие мечты...
Таинственная, в сумраке глубоком,
Ночь, эти косы распустила — ты?

Я слышу шум лесов осенних, блеклых,
Журчат ручьи воспоминаний светлых...

1905

63

Обняла меня темная ночь, облекла, обступила вокруг,
Я опять призываю тебя, моя светлая радость, мой друг.

Я — блуждающий робкий огонь, я — чуть видный
и зыбкий поток.
Бездны скорби и мрака везде. Как я жалок и как одиноч!

Всё мне чуждо — и мир, и страна, и земля, и тоскливые
сны.
Догорая, покрылись золой безвозвратные грезы весны.

Светел сумрак в объятых твоих, темным кажется
свет без тебя,
О, как нежно баюкаешь ты, как ласкаешь и тешнишь,
любя!

Ты — как память о жизни иной, отошедшей во мглу
навсегда.
Нежен кроткий и теплый твой взор, как сиянье зари,
как звезда.

Обняла меня черная ночь, облекла, обступила вокруг,
Я опять призываю тебя, моя светлая радость, мой друг.

1907—1908

Сурово взирают угрюмые скалы,
 Печально вскипает волна за волной,
 Вот сердце больное, оно стосковалось, —
 Стою пред тобою с последней мольбой.

Проходят уныло года за годами. . .
 Во мраке постылом утерян мой путь. . .
 Утешь меня полными ласки речами,
 Усталому сердцу позволь отдохнуть!

Над этой страной нависло страданье,
 И есть ледяное отчаянье в ней.
 Мечты я утратил, утратил желанья,
 К тебе возвращаюсь с мольбою моей.

Сурово взирают угрюмые скалы,
 Печально вскипает волна за волной. . .
 Вот сердце больное, оно стосковалось, —
 Стою пред тобою с последней мольбой.

1905

Струятся блещущие волосы твои,
 Как низвергается с утеса водопад,
 А в безднах глаз твоих желанья мои
 Сгорают немо, погружаясь в жгучий яд.
 Твоя улыбка — как коварные цветы,
 Что убивают, лаской запахов пьяня.
 Непостижимым телом вздрагиваешь ты —
 Пронзает счастье болью пламенной меня.
 Позволь мне кануть в темноту твоих очей,
 Позволь мне выпить аромат твоих волос,
 Зажги меня от яркой нежности своей,
 Гаси, гаси поблекший свет минувших грез.

1905—1906

Хочу волос твоих волнистых колдовства,
 Пучины глаз твоих, которой не пойму,
 Твоих улыбок, чьи беззвучные слова
 Ввергают душу в упоительную тьму.
 Хочу я слов твоих, чей искрометный ток
 Живыми звонами бежит по тишине.
 Гляжу на губ твоих пылающий цветок,
 И вожделение и грех поют во мне.
 Возьми мой гордый дух, возьми и отрави.
 Как зачарованный, покорен страсти я.
 Дай мне восторг, который сладостней любви,
 А в жаркой тьме его — мгновенье забвения...

1908

67. В КРАЮ ВОСПОМИНАНИЙ

День смолк уже, и умер шум давно,
 И в сумерках безвестные персты,
 Смешав бывшее с нынешним в одно,
 Дождь золотой льют в сердце с высоты.

Есть луч нежнейший для моей души,
 Дыханье жизни вижу я во всем,
 Чарует мрак таинственный в тиши,
 Печаль и стон милее счастья в нем...

Есть сладкая в навек ушедшем грусть...
 В воспоминаньях — радость так чиста,
 В них вечный свет, восторг сжимает грудь, —
 Прекрасней жизни светлая мечта...

1907—1908

68. ВЕСНА

Сколько пестрых цветов принесла ты, весна!
 Ими, ярко горящими, зелень полна!

Как кого-нибудь хочется нежно любить,
И ласкать, и испытывать радость, и жить!

Вечер ласковый, вечер безбрежный такой!
Закрываются тихо и мягко цветы!
Всё наполнено негой и сладкой тоской,
И волненья вскипают во мне и мечты!

Слышу звон я невидимых колоколов,
Песня в сердце расцветшем рождается вдруг,
Словно кто-то идти мне навстречу готов,
Словно слышу касание любящих рук.

1908

69

Восхищаться тобой, но любимым не быть,
Устремляться к тебе, взяв в оковы себя,
Знать о том, что ты есть, жить вдали от тебя,
Умереть за тебя — это слаще, чем жить.

В запредельные дали безумной душой
Унести, лишь бы тень твою там увидеть,
И в тоске ожидания вечно страдать
И остаться навеки в разлуке с тобой...

Из могилы твой шаг над собой различить,
Но тебя не позвать, не пойти за тобой,
И ничем не встревожить твой мир голубой,
И ничем твоей радости не омрачить...

70

Ты зовешь, всё зовешь,
К синей дали маня,
Еле слышно шепча,
Всё зовешь ты меня.

Шевелишь ты кусты,
Шелестишь и шуршишь,

88

Слышу шепот в тиши —
Это ты говоришь.

Но неведом мне путь,
Далека та страна,
Где нет счастья конца,
Где улыбка вечна́.

Где есть песни, цветы,
Те, которых здесь нет,
Где повсюду разлит
Вечной радости свет.

В том вечернем краю,
Что повит синевой,
Тихо ты шелестишь
И поешь надо мной.

В тот неведомый край
Издаля́ка маня,
Еле слышно шепча,
Всё зовешь ты меня.

71

Вот уже закат гасит блеск лучей,
Я сижу один в тишине ночной
Под листвою ив, где журчит ручей,
Прямо в душу мне сходит вновь покой.

Все былые дни грустной чередой
Вспоминаю я, сердцем одинок;
Нежных песен грусть я вплету в венок —
Пусть украсит он лик печальный твой.

В мраке тяжких дней, горьких дней моих
Я очей твоих буду видеть свет.
Ты в далекий путь мне пошлешь привет...
О, священный сон! Долгожданный миг!..

Где же ты, о дорогая. . . Где же ты?
 Даль каких тобой изношена дорог?
 Счастлива ли, молчаливо ли сады
 Вспоминаешь, дней весенних холодок?

Шаг твой легкий так же ль мягок и в глазах
 Тот же ли еще мерцает яркий блик?
 И вода какая в светлых зеркалах
 Отражает по ночам твой нежный лик?

И спокойно ль сердце бурное в груди?
 Не волнуют ли его со всех сторон
 Тени прошлого, угасшие почти,
 Моя нежная, мой невозвратный сон?

1912

73. ВЛЮБЛЕННЫЙ

Ты уходишь. В воздухе голос твой,
 И слова твои всё еще слышны.
 Обессилев, никну я, чуть живой,
 Слаб мой дух, и мысли мои мутны.

И в безумной этой и злой тоске
 Выбегаю я, чтоб тебя найти,
 Разглядеть хоть отблеск твой вдалеке,
 За тобою тенью твоей идти.

Лишь одно в безумье я сознаю,
 Что опять один я и счастья нет.
 И, не в силах боль победить свою,
 Как во сне спешу за тобою вслед.

У закрытой двери стою, склонясь, —
 Может быть, случайно ты выйдешь вновь,
 Ты чутьем, быть может, поймешь сейчас
 И мою тоску и мою любовь.

Скрыться б с глаз твоих. Но уйти невмочь.
Сам не знаю как, дергаю звонок.
Убегаю я... убегаю прочь...
Славя вновь тебя, снова одинок...

74. БЕЗЫМЯННАЯ ЛЮБОВЬ

Да, я овладел этим мудрым заклятьем
Затем, чтоб пленить тебя тайною силой,
Затем, чтоб увлечь тебя, очаровать им,
Затем, чтобы пламя тебя опалило.

Но все талисманы напрасны и стары,
Беспомощен я со словами своими.
Ничто пред тобою восторги и чары.
Кто скажет, кто ведает, как твое имя?

75

Мирный вечер мой залит сейчас
Света мягкого грустною лаской.
Ты навек с моим сердцем слилась,
Моя первая греза и сказка.

Год за годом пройдут в маете,
Испарятся следы сновидений...
Образ твой сохраню в чистоте
В дни сомнений и в дни заблуждений.

Не расстаться с тоскою никак, —
Черных дней еще будет несметно...
Для меня твое имя — маяк
В зыбкой жизни и в жесткости смертной.

1912

Далека и призрачна ты, как сон,
 Но тебя лелею в душе своей,
 Свет разостлан твой яркий, как небосклон,
 И в душе светло от твоих лучей.

Я пути не знаю в твою страну,
 Может быть, я придумал тебя такой,
 Чтоб молиться тебе и, тебя одну
 Признавая, быть верным твоим слугой.

Я готов быть последним твоим рабом,
 Зло — за благо и милость твою считать,
 Молчаливо стоять под твоим мечом,
 Руку, смерть мне несущую, целовать.

1912

Есть в мире светлая страна,
 Там песня дней иным полна.
 Душа моя утомлена —
 О той стране грустит она.
 О мирный дол, о дальний край,
 Где солнца юного лучи,
 Лаская безмятежный рай,
 Не могут радость омрачить,
 Ту, что бездонная течет,
 Нетленной блеща чистотой,
 Что дух мой скорбный облечет,
 Как в нимбы, в пламень золотой!

78. В СТАРОМ САДУ

В аллее тихой, тенистой
 Брожу, вспоминая вновь
 Былое, твой облик чистый
 В тумане мечты, любовь. . .

Ты так далека отсюда,
В неизвестной ты стороне.
А помнишь ли счастье-чудо,
А помнишь ли обо мне?

Хранишь ли воспоминанье:
Вечерних акаций тень,
И сад, и наше свиданье
В тот майский чудесный день? ..

А комнату помнишь эту
И дальний домик в тиши?
И маленькие секреты,
И юный восторг души. . .

Как быстро часы летели,
Как ты любила меня,
Когда мы с тобой сидели
В той комнате без огня. . .

И наши во мраке речи,
И губ пылавших багрец,
И их огневую встречу,
Пьянящий пламень сердец. . .

Забуду ль наш сад, свиданье,
Любимой моей черты,
Тот синий сумрак. . . Молчанье. . .
Как вы безумны, мечты!

79

Хоть нету тебя, ты всегда предо мной.
Незримо, неслышно ты в мире звенишь,
О том, что придешь, ты мне шепчешь порой,
Чаруешь и манишь, зовешь и молчишь.

И в венчиках ярких душистых цветов,
И в травах, где волнами ветер плывет,
И в ночи, раскинувшей звездный покров,
И в блеске серебряном дремлющих вод

Тоску и желанья оставила ты
И тень свою в мире разлила ночном.
Ты вышила золотом ткань темноты,
Ты жизнь украшаешь и ночью и днем.

Блуждая по темным дорогам земли,
В тоске я печально брожу, как во сне,
Всё слышу твой голос вблизи и вдали,
Зову я, но имя неведомо мне.

80

Приду к тебе, когда задумаешься ты,
Одна в час сумерек, печальных и немых,
Когда, похоронив все лучшие мечты,
Отдашься без надежд теченью дум своих.

Приду к тебе, как песнь, забытая тобой,
Что из молитв любви сложил когда-то я,
И сердце мертвое вновь оживет с тоской,
В иной, далекий край я позову тебя.

Приду к тебе, в тоске застав тебя одну,
Когда умрут мечты в безрадостные дни.
Я боль твою пойму, я руку протяну,
Иные я зажгу в душе твоей огни.

1908

81. НАЧАЛО ВЕСНЫ

Ослепляя игрою душистых цветов,
Улыбаются снова и лес и овраг,
Говорливый ручей, пробужденный в горах,
Посылает мне радостный зов.

И поля и леса ты украсила вновь,
Жизнь повсюду, весна, ты зажгла,
Даже в сердце моем распахнула крыла,
Зажигая, как прежде, любовь.

94

Молодея, к тебе выхожу я опять
Из тюрьмы одиночества к радости дня.
Твои яркие очи встречают меня,
Я не в силах восторг удержать.

Ты в дали золотой расцветаешь, ясна, —
И в полях, и в горах, и на склоне лесном. . .
Песни, новые песни вновь в сердце моем:
Мой привет тебе, солнце, привет мой, весна!

1908

ՎԱՀԱՆ ՏԵՐԵԱՆ

ԲԱՆԱՍՏԵՂԵՈՒԹԻՒՆՆԵՐ

ԱՌԱՋԻՆ ՀԱՏՈՐ

ՄՈՍԿՈՒԱ
ՏՊԱՐԱՆ Ք. ԲԱՐԻՈՒԳՐԱԲԱՆԻ
1912

НОЧЬ И ВОСПОМИНАНИЯ

1908 — 1912

Свой подвиг ты свершила прежде тела,
Безумная душа! . .

Е. Баратынский

82. НА РАСПУТЬЕ

Я стою, как и прежде, в чаще лесной,
У распутья грозных темных дорог.
Вот последние звезды, одна за другой,
Потускнели и сумрак тяжелый лег.

Прожитых ничтожных дней череда,
Промелькнув предо мной, исчезла опять.
И ведет меня жизнь, сам не знаю куда:
Я загадок ее не сумел разгадать.

Ветры буйные встали навстречу стеной,
В дебрях хор стоголосый свирепо поет,
Лабиринтом пути заплелись предо мной,
Я для мира — чужой, мое сердце — как лед.

Я стою, заблудившись в чаще лесной,
Я стою на распутье темных дорог.
Далеко-далеко возношусь я душой,
Но на сердце — без счета скорбей и тревог.

83. ЗАБЫТАЯ ДОРОГА

Царица моя в далекой стране,
Средь роз в цветнике и в чертогах одна
Томится и бродит, тоскуя по мне,
Печальная, днем и ночью без сна —
Царица моя в далекой стране.

Иная когда-то бывала пора...
Заслышав призыв волшебный вдали,
Я здесь оставлял, чем терзался вчера,
И прочь улетал от нашей земли.
Иная когда-то бывала пора...

Охваченный радостью жизни другой,
Я тусклый, печальный свой край покидал,
Как облако света летел над землей,
Царицу свою я ласкал, целовал,
Охваченный радостью жизни другой.

Теперь позабыл я дорогу туда,
Но знаю — в чертоге далеком своем
Она меня ждет, как в былые года,
Зовет всё меня, но в тоске о былом
Теперь позабыл я дорогу туда...

1910

84. ОСЕНЬ

Ветка оголена.
Сумрак, дождь и тоска.
Память моя больна,
Песня моя горька.

Плачет в тощих кустах
Ветер холодных дней.
Даль темна и пуста,
Нет мне привета в ней.

Дух у меня без сил,
В сердце боль у меня.
Кто возвратит мне пыл
Солнечного огня?

Темен мой день, как бред,
Дом — пепелище гроз.
Кто возвратит мне свет
Жарких надежд и грез?

1912

85. ПЕСНЯ УЛИЦЫ

Под окнами рыдает без конца
Большая песня странника-певца.
Ее давно я слышал и хранил:
Казалось мне, я сам ее сложил,
Казалось, в ней — рыданье горьких дней,
Казалось, о тебе пою я в ней. . .

1909

86

Ночь темна, память зла, думаю нету числа,
Позабывшийся сон — как увядший цветок.
Миновал безвозвратно былой мой восторг,
И тоска безотрадная в сердце пришла.

Лишь колышется ива в слезящейся мгле
Бесконечных, бездомных, безрадостных дней.
Мои тщетные грезы — цепь дальних огней,
Но потерян к ним путь по остывшей земле.

Ночь мертва. Лишь бесплодная память жива.
Мысль темна — ни конца, ни начала ей нет,
Невозвратный мой сон и весны моей цвет,
Где для плача о вас отыщу я слова?

1912

87

Пианино звучит за стеною,
И мелодии нету грустней.
Словно, в сговоре тайном со мною,
Кто-то болью болеет моей.

По-осеннему грустно и длинно
День проходит на фоне дождя.
За стеною звучит пианино,
В сердце отзвук себе находя.

1912

88. КОЛЫБЕЛЬНАЯ СЕРДЦУ

Вот ночь опустилась, и перестают
Обманывать звуки, слова и огни.
Лишь волны, баюкая, тихо поют:
— О сердце! Усни!

Изгнанник, нашедший случайный приют,
Во сне позабыл свои горькие дни.
Лишь звезды, баюкая, хором поют:
— О сердце! Усни!

О сердце! Ты знало — мечта предает,
Последние слезы пред ней оброни,
А греза любви пусть тебе пропоет:
— О сердце! Усни!

1911

89

Во мраке бесконечном и бездомном
Трепещет сердце, плача и стена.
Я заблудился в этом мире темном,
Никто из тьмы не вызволит меня.

Над безднами ночь распластала крылья,
К обманчивому счастью — где пути?
Какие же мне применить усилья,
Чтоб возвращенья тихий плач найти? ..

В глубоких пропастях рыдает ветер, —
О ночь, кто расстелил тебя в тиши?
О, почему всё замерло на свете?
Кто погасил огонь моей души? ..

1909

90. СУМЕРКИ

Там сеют золото сквозные облака,
И волны ласково рассказывают сказки,
И сердце жаждет слов, что пламенны, пока
Усталая душа о тихой молит ласке.

Звенит покой полей, и льет небесный свод
Неистошимый свет печали и молчанья.
В алмазном зеркале немотствующих вод
Сияют облаков живые очертанья.

И в сердце у меня, где только мгла одна,
Тоска так сладостна в своей тревоге знойной, —
Желаний там лампада зажжена. . .
Как небеса горят на глади вод спокойной!

О сладостная боль в сознании моем,
В бездонном мире ты одна подобна чуду,
Любовь твоя горит и светится во всем,
Безумная тоска безмолвствует повсюду.

91. ОДИНОЧЕСТВО

Как безотраден твой напев, однообразных дней юдоль.
Лишь одиночество мою беззвучно утоляет боль.

И все обманы прежних дней едва колышутся вдали.
Их не вернуть, они мертвы, они навек, навек ушли.

А безнадежность так ровна, и ей пределов не найти.
Какую песню, как мне петь, как снова сердце обрести?

Какой надеждой буду жить, какой найду себе я сон?
Куда изгнать мне скорбь и грусть, а счастье ждать
с каких сторон?

Воспоминаний тщетных рой, угомонись в моей груди.
Приди, молчанья чернота, и, одиночество, приди.

1912

92. УСТАЛОСТЬ

Блуждая в ночи, бреду в темноту,
В усталой душе покорность и страх,
Ушедшую звать мне больно мечту,
Я грезить устал о будущих днях.

Всё дальше меня уносит волной,
Течения не в силах я превозмочь,
Душа моя, точно ребенок больной,
Бредет сиротой сквозь смутную ночь.

Ребенок без матери — сердце мое;
Устала душа, ей хочется спать.
Оставьте, не мучайте снова ее,
Довольно страданий — заснуть бы опять.

93

Эти песни тобою больны,
Но тебе они чуждо звучат.
Из какой неизвестной страны
Принесла ты мне горечь и яд?

Вечно мучимый дней моих мглой,
Так о солнце я бредил, и так
Твоей ласкою, жадной и злой,
Захлестнул меня аспидный мрак! . .

«Прочь!» — кричу, но мою судьбой
Стать успела усмешка твоя.
Чья ты воля, что перед тобой
Слабым пленником делаюсь я? . .

Эти песни тобою больны,
Но тебе они чуждо звучат.
Из какой неизвестной страны
Принесла ты мне горечь и яд? . .

1912

94. ОСЕННЯЯ НОЧЬ

Я не знаю, откуда ко мне
Дотянулись смычок и струна.
Плачет скрипка в ночной тишине,
Не меня ли жалеет она?

Безнадежная песня, как ночь,
Как осенняя ночь за окном.
Плачет скрипка, как будто помочь
Мне отчаялась в горе моем.

Как мелодия эта грустна,
Скорбь глубокая слышится в ней.
Я не знаю, откуда она,
Вечных мук безысходней, больней.

Так с душою моею срослась,
Так окрасила ночи и дни,
Словно вместе со мной родилась.
Плач и скорбь мне достались одни.

Ах, куда ни направлюсь — печаль.
Где бы мне разминуться с тоской?
И в какую отправиться даль,
Чтобы радость найти и покой?

1912

95. ЖЕЛАНИЕ БЫТЬ СЛЕННЫМ

Теперь я знаю, что обычной,
Простой ты девушкой была.
Моя мечта своим сияньем
Твой тусклый облик залила.

Наполнил я красивой грустью
В тебе сердечка пустоту,
И дней твоих пустых теченью
Я подарил свою мечту.

Теперь я знаю — как другие,
Была ты девушкой пустой.
Я был бы во сто раз счастливей,
Оставшись с прежней слепотой.

96

От шума людского уйти, убежать
И сесть одному, не скрывая слез.
Склонясь к лепесткам умирающих роз,
Ласкать их и долго над ними рыдать.

Под небом дождливым холодной страны
Уйти без оглядки в глухую тьму.
В пустынном поле сесть одному
И плакать, лаская вчерашние сны...

По всем перекресткам уже не искать
Давно изменившую мне любовь,
Собрать мои горькие думы и вновь
Над ними рыдать, безнадежно рыдать...

97

Ночь, глухая ночь без звезд,
Глохнет сердце в тишине,
Нет во мне надежд и грез,
Гордой мысли нет во мне.

Осень, сумрак, ветра шум,
Моросит сырой туман,
И от памяти и дум
Я страдаю, как от ран.

И брожу я без пути,
На устах — печальный стон,
Будто у меня в груди
Кто-то близкий погребен.

Не зови и не мани
Сном о счастье на земле.

Пусть мои влачатся дни
В этой беспросветной мгле.

Пусть вокруг меня тшета
И слепая суета,
Пусть душа моя темна,
Как могила, холодна.

Гордой мысли нет во мне,
Нет во мне надежд и грез.
Глохнет сердце в тишине,
Ночь, глухая ночь без звезд.

1912

98. СМЕРТЬ

Свет мглистый погаси, пора, —
Густые косы распусти,
Ты мой палач, моя сестра,
Друг, повстречавшийся в пути.
Не повторяй, забудь — молю —
Слова: они лишь звук пустой.
Рассей, рассеяй тоску мою
Молчанием и темнотой...
Покрепче обними меня,
Любовью грешною срази,
Пусть — ад, пусть — яд... Меня храня,
Свой меч ты в грудь мою вонзи.
Уж ночь и тьма сжимают грудь,
С крошечной слившись тишиной...
Безжалостной и сильной будь —
Такой предстань передо мной...
Воспой падение и мрак,
Измучь меня, но отпусти
Грехи мои — да будет так...
И сердце в пепел преврати:
Ты поцелуем ледяным,
Холодным пламенем его
Сожги — пусть пепел, прах и дым.
И всё... И больше ничего...

Прислушайся к моей мольбе
И, одолев и сон и явь,
Приди — и память о себе,
Печать любви своей оставь.

1912

99. НА РОДИНЕ

Медлительна поступь коня моего,
И скучен мне этот извилистый путь.
Не помнить, молчать, не желать ничего,
Отбросить мечты, согревавшие грудь.

Отчаяньем темным отмечен мой шаг,
Безмерная горечь на сердце моем,
Вокруг разоренье, гибель и мрак.
Дотла ты разрушен, родимый мой дом.

Нас черные ночи давно облекли. . .
Куда б ни пошел я главу приклонить,
Нигде не найду я родимой земли
И горя в пути не смогу позабыть.

На севере этом, холодном, чужом,
Упасть и исчезнуть, уснуть навсегда,
В забвенье кануть с тобою вдвоем,
Мой дом, отошедший в былые года.

Жестокая память — терзающий враг,
И болью мучительной сердце горит.
Всё — гибель и мгла, разрушенье и мрак,
Извилистый путь темнотою покрыт.

Чем дальше бреду я, тем тягостней он,
Тем с меньшей надеждой гляжу я кругом.
Тебя уже нет, ты преданье и сон,
Ты стал сновиденьем, родимый мой дом.

100. МЕЧТА

Нет, не меня — другого ты ждешь,
Другого ждешь — не моей любви.
Идешь не ко мне — к другому идешь,
Ничто для тебя страданья мои.

Проходишь мимо — я в стороне.
Проходишь — и даже не дрогнет бровь.
Проходишь, и стало привычно мне
Твое презренье, моя любовь.

Я взор опускаю, слыша твой шаг,
Стою одинок, покорен и тих.
Как же мне быть? Я беден, я так
Безмерно жалок в глазах твоих.

Со всеми будешь, но не со мной,
Всех ты полюбишь, но не меня.
Золото стало тебе ценой,
Недосягаемая моя.

101. ВСТРЕЧА

Вновь тонкие тени бегут под откос,
Ночь тьмою окутана синей.
Остались шипы лишь от сладостных роз,
От гроз — лишь печаль и унынье.

И встретиться мы захотели опять,
Хоть мгла нависала над нами. . .
В каких еще снах нам витать и плутать,
Какими делиться словами? . .

Как горько ты плачешь! Готов я, поверь,
На всё. . . Но добыюсь ли удачи?
Какой тебя верой утешу теперь?
Какими слезами заплачу?

1912

102. НЕВОЗВРАТИМОЕ

Расстались мы, но пыль времен
Еще шадит твой бледный лик,
И прошлым я не обольщен —
Без снов волшебных жить привык.

И взором пасмурным гляжу
Я на безумье прежних дней.
Как бы за песней я слежу,
Что перестала быть моей.

Расстались, не сказав: прости!
«Зачем же в сердце этот ад?»
И наши разошлись пути,
Не можем мы идти назад.

Жить прошлым больше не хочу,
Не вспоминаю о тебе,
Как раб, оковы я влачу,
Покорный горестной судьбе.

И если зов твой зазвучит
И ты придешь ко мне опять. . .
Увы! — душа моя молчит,
И прежним мне уже не стать.

1911

103. ГРУСТНАЯ ПЕСНЯ

Плача, туча висит,
Моросит.
Сердце, сердце, грусти.
Не найти
Ни в прошедшем тебе,
Ни в судьбе
Для восторга ни дня,
Ни огня.

Тяжек, тяжек мой рок.
Одинок,

Я смотрю на свечу
И молчу.

Я, сплетавший слова
В кружева,
Как немой и слепой
Пред тобой. . .

Плача, туча висит,
Моросит.
Знаю я наизусть
Только грусть.

1909

104. RESIGNATION ¹

Будем друг к другу добры,
Будем полны участия,
Не вспомним былой поры,
Тянуться не станем к счастью.

В жалости догорим,
Даря тепло безутешным,
Огарки сердец отворим —
Мы сироты, мы безгрешны.

Будем любить и прощать,
В душе не тая упрека,
Любовью любви отвечать
Сердечной, а не жестокой.

Будем друг к другу добры,
Не станем мучить и злиться
И, слезы неся в дары,
Их перестанем стыдиться.

1912

¹ Смирение, терпимость (франц.). — *Ред.*

Безымянная боль
Мое сердце терзает
Всегда.

Безысходная скорбь —
Неизбывно лихая
Беда...

Есть бессонная
Тяжкая боль —
Тяжелее свинца...

Есть беззвучная
Тайная грусть,
Что не знает конца.

1912

Ты умерло, угасло навсегда,
Далеких, зыбких сновидений пламя.
Сгустилась тьма над явью и над снами,
Объяла душу... Света — ни следа...

Сам хороню себя и не рыдаю...
О, песнь безумных невозвратных дней,
Ты смолкла вдруг в душе больной моей:
Спустилась ночь — ни берега, ни края.

Мрак черных дум и тяжек и суров...
Ни берега у ночи, ни дороги...
Ночь холодна. И светлой нет тревоги,
Нет больше снов... Увы, нет больше снов.

1912

В скрытом логове греха,
 Божествам служа бессонным,
 Околдуй меня, тиха,
 Наслаждением потаенным.

Темной ночью призови,
 Лаской грозной, лаской жгучей
 Тело, ждавшее любви,
 В келье потайной измучай.

Пусть оно во тьме кричит
 В страхе от твоих объятий,
 Пусть оно кровоточит,
 Силы робкие истратив.

Всё отдам тебе я в дар, —
 Так велело мне слепое
 Сочетанье черных чар,
 Ведомых лишь нам с тобою.

1912

108. НОЧЬ

И плачет и воет ветер опять.
 Поет безнадежно и жалобно он.
 В беззвездной ночи тоски не унять,
 В холодной ночи и ропот и стон.

Я слышу, как ветер дверью стучит,
 Вдыхает внизу за окошком моим,
 Напев то рыдает, то нежно звучит,
 То с воем по улицам бьется пустым.

То вдаль устремит он незримый полет,
 То с воплем внезапным вернется, шальной,
 То вдруг, ужаснувшись, тебя позовет
 И всхлипнет, усталый, в обиде больной.

А невыразимая песня полна
Безвыходной боли в горе своем,
В ночи мое сердце ранит она
Над бедным, потухшим моим очагом.

109. ИЗМЕНА ВОСПОМИНАНИЙ

Я так одинок в бескрайней ночи, и вот я воззвал:
Вернись, возвратись, страна моих грез, страна
моих нег,
Пусть снова горит тот светлый огонь, что очаровал
Своей чистотою юность души, плененной навек.
И ожили вновь те прежние дни, и передо мной
Пронесся их рой, рождая в душе отчаянный крик:
Проклятая жизнь, какой ты была нелепой и злой,
Коварен и лжив был прежний мой сон, — я это постиг!
Я так одинок, лишенный надежд, я сердцем ослаб,
И вот я в былом целительный свет найти возомнил.
Но тускл был огонь, которому я молился, как раб...
— О прошлого свет, и ты изменил, и ты изменил.

1912

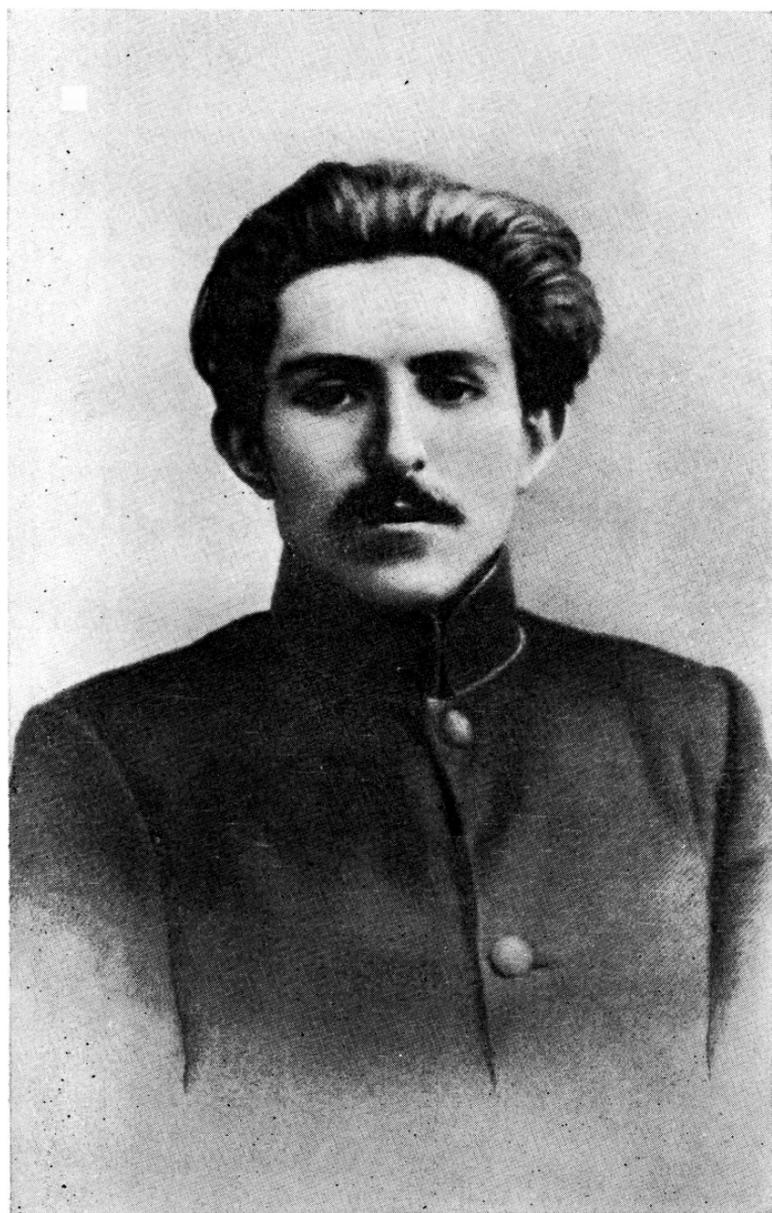
110. МЕДУЗА

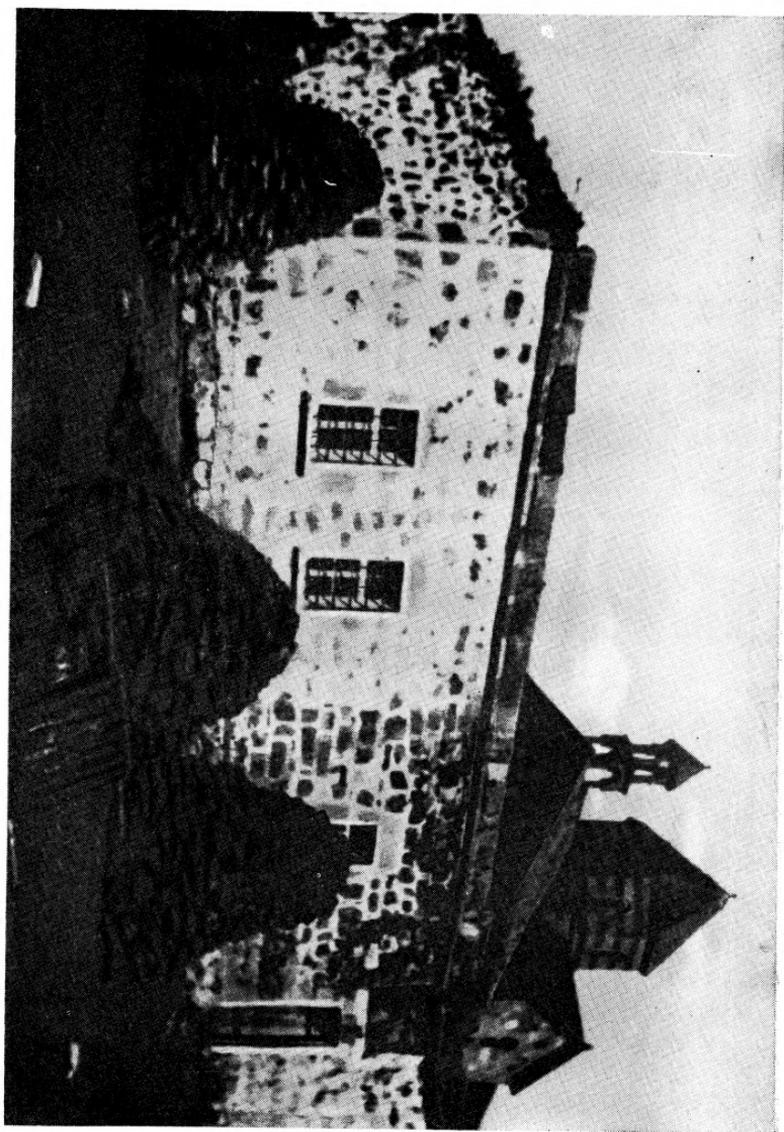
В печаль моих дней, в пустую чреду тоскливых часов
Проникла она, и голос ее был нежен и тих,
В движеньях ее и в темных глазах мне чудился зов
Неслыханных тайн, волшебных утех, восторгов святых.

Доверился я улыбкам ее и счастьем назвал
Потоп этих ласк, низвергшийся в мой безрадостный мир.
В кромешной ночи, во мраке густом, где я изнывал,
Сияла она — любовь и мечта, звезда и кумир...

Ее я назвал желанной судьбой, святой возомня
Греховную страсть среди радостных мук в затменье ума...
О, горечь и боль! Забывшись в крови, вперила в меня
Ужасный свой лик, вясь и хрипя, Медуза сама.

1912

111. ОСЕННИМ УТРОМ

Сегодня так несветло
Встречало утро меня,
И в сердце с болью текло
Несветлое зелье дня.

Всё боль, и надежды нет,
Устал я во тьме сырой.
Чудом верни рассвет,
Стань улыбкой-зарей! . .

Ветра и ливня явь
Стучит и стучит в окно.
Молю тебя — не оставь!
Здесь так без тебя темно. . .

1912

112. НЕЖНОСТЬ

Сегодня будь мне сестра,
Чиста, спокойна, добра, —
Обнимемся, посидим.
О, посидим до утра!

Сегодня будь мне как мать —
Чутка, любовна, нежна,
К постели, плача, присядь! . .
Как темь ночная черна!

Изныло сердце, болит,
Любя, его освежи.
Забут мир сказок, забыт,
Но сказку мне расскажи.

113. ВОСПОМИНАНИЕ

В одиночестве, ночью, без снов,
Я поля вспоминаю опять,
Золотистые волны лугов
И прозрачных ночей благодать. . .

И пронзает глухая тоска:
Вспоминаю бывшее все,
Грусть свою, что была так сладка,
Сны, ушедшие в небытие.
Вспоминаю намеки, слова,
Образ девичий — чудо, мечту,
Что меня поманила едва,
Да и канула вдруг в пустоту...

1912

114. ЗАПОЗДАЛАЯ ЛЮБОВЬ

Вьюга плачет. Снег летит.
Свод небес свинцов.
Чей в туманной мгле звучит
Запоздалый зов?

Не она ль во мгле глухой?
Не меня ль зовет?
Я далекий, я чужой.
Пусть она уйдет!

Пусть забудет навсегда, —
Так скажите ей:
Не найти нам никогда
К прошлому путей!

Над могилой дальней, там,
Где я схоронен,
Кто рыдает по ночам,
Чей несется стон?

Над забытым тем холмом,
Где мне лечь пришлось,
Кто в отчаянье больном
Льет потоки слез?

Кто в полях чужой страны
Ночью ледяной
Средь пустынной тишины
Плачет надо мной?

1911

115. К ОСЕНИ

Дожди, туманы, облака...
Печаль бездонна и кротка.
Тебя так нежно люблю,
Как, осень, мне воспеть тебя —

Твои туманы, золотой
Листок, опавший на ветру,
Волшебно-мягкий шепот твой
И слез алмазы поутру?

Тебе, покорная, сродни
Мои отчаянные дни, —
Кустам, трепещущим во мгле,
Траве, поникнувшей к земле.

И если я в тоске пою,
То, значит, ты поешь, скорбя;
Тебя, желанную мою,
Как, осень, мне воспеть тебя?

116

Рыданье,
Бесконечное рыданье,
Рыданье —
Неутешное, неспящее,
Душе моей
Родное,
Как страданье,
И как предание —
Непреходящее...

Днем безнадежно тусклым и туманным,
И полночью бескрайней и бессонной,
В душе моей бездомной, безымянной,
Неутолимой, грустной и бездонной,
В лесу и в поле — в целом мирозданье —
Звучит одно:
Рыдание, рыдание...

1912

117. НЕВОЗВРАТИМОЕ

В старый сад я опять забреду,
В убаюканный осенью сад,
Листья желтые в смертном бреду,
Словно воспоминанья, летят.
Одинок я, откуда мне знать,
Где сейчас ты, в какой стороне.
Колокольчику смех твой под стать,
Серебро его слышу во сне...
Появись, эту тьму освети,
Чтоб забытые вспомнить слова,
Чтоб в ночи у тебя на груди
Отдохнула моя голова...
Но труднее всего, может быть,
Грезу давней любви воскресить...

1912

118

Сгущается ночь, я жду в темноте,
Волненьем томим.
Тыходишь ко мне. О прежней мечте
Я стану молчать, я буду немым.

О, странных очей язык огневой
Легко узнаю,
Но, твой подневольный, подданный твой,
Я черную грусть ответа таю.

А света свечи опаслива дрожь
На полке. И вот
Ты царственным шагом молча идешь,
Как будто на казнь, как на эшафот.

И шелест одежд твоих в тишине,
И трепет огня.
И горький восторг нисходит ко мне,
И меркнет весь мир вокруг для меня.

Нагая стоишь, царица-раба,
Неволя моя.
А я, твой палач, твой царь и судьба,
Злой муке границ не ведаю я.

1912

119. МОИМ ПЕСНЯМ

Среди равнодушных людей,
И холода, и пустоты
Кто встретит вас лаской своей,
Напевы мои и мечты?

Когда в оскверненные дни
Пир жизни бесстыдно идет,
Кто будет душой вам сродни,
Кто ваши печали поймет?

И кто отзовется потом
На всё, что в вас болью звучит,
Кто бережно в сердце своем
Ваш грустный напев сохранит?

К кому же вы проситесь в грудь,
Рожденные горем моим,
И есть ли еще кто-нибудь,
Кто вашей тревогой томим?

120

Скользя как бы нехотя, медленно тянутся дни...
Дождь, ветер — и ропот, и грусть невпопад и некстати.
Угасли, угасли мои золотые огни...
Болит мое сердце — утешьте меня, приласкайте...

Давно ликования песня умолкла вдали,
А впрочем, ее не слышал я с рожденья, возможно...

117

Я сам ее выдумал и над простором земли
Пустил — чтоб во мгле утешать себя памятью ложной.

Под облачным сводом печальным спустился туман,
Дождь, ветер — и ропот, и грусть невпопад и некстати.
Неверной любовью своей не вводите в обман:
Болит мое сердце — утешьте меня, приласкайте...

1912

121. ТОСКА

Переулок пустынен и тих.
Мгла — туман. Темнота.
Сердце грезит о ласках твоих,
О мой сон! О мечта!

Из далекой, из дальней страны
Снизойди, озари
Этой ночи бездонные сны
От зари до зари!

Мир любви моей чист и глубок;
В нем покорный покой.
Излечи меня. Я одинок.
Я болею тоской.

Что мне — смерть? Не страшась, не скорбя,
Я грядущим живу.
И нетленную прелесть, тебя,
Чистым сердцем зову.

Пусть умру я, молитву творя;
Появись предо мной,
Засияй, как рассвет и заря,
Над душою больной...

Переулок безлюден и тих.
Мгла — туман. Темнота.
Не лишай меня вздохов твоих,
О мечта! О мечта!

Словно туч гряда, как в реке вода, так текут года;
 И в душе — зола, пепел вешних грез, пепел нежных слов.
 Всё, чем жил, — забыл. Догорел огонь полнозвучных слов.
 Всё невинное, всё желанное будет спать всегда.

Так, в года разлук был исполнен мук долгих странствий
круг.
 Ты — забыв меня, я — с тобой в груди, разны мы брели.
 Что ж, мечта моя? Что ж, мой гордый сон? Вот —
простерт в пыли
 Твой ненайденный, твой утраченный, твой усопший друг.

ЗОЛОТАЯ СКАЗКА

1908 — 1912

И новый мир увидел я!

Ф. Тютчев

123. ОТРЫВОК

С усталую, измученной душою
Бродил я одиноко в тусклом мире;
В безвестных странах, на дорогах темных,
У пепелищ разрушенных домов,
Средь угасавших медленно цветов
Осенних дней, на стынувшей земле,
Под плачущим — тоскливым и свинцовым
Дождливым небом
Были позабыты
Пустые повседневные заботы
И суетные, тщетные желанья,
И грез моих бессмысленных дорогах,
И роз обман, и острые шипы, —
Их навсегда отверг я, предал смерти,
Забыл навек...
И мрак бездонной ночи
Свои раскинул крылья надо мною...

И светлым, и святым был сон любви
Средь этой темной, беспросветной жизни...
Безумные мечты бывшего счастья,
Бессонные, страдальческие ночи
Казались сердцу чуждыми навеки...
Ничто не открывалось мне вокруг
Такое, что бы радовало сердце:
Ни жажда счастья, ни тоска любви,
Ни тяжкий груз величья, ни богатство,
Ни брэнность славы, ни святая боль
Мучительного самоотверженья...

Таким бессмысленным, напрасным, тусклым,
Таким тоскливым и таким пустым
Мне показалось всё в бездонном мире,
И все казались навсегда чужими,
Далекими — навечно, безвозвратно...
Окаменело сердце, стало тяжко,
И мир окаменел, лишенный смысла...
Рыдало небо хладными слезами,
Рыдал и я, отвергнутый, с обидой,
И сердцу своему в пустынном мире
Я чуждым был — и в тишине насмешкой
Казались мне рыдания мои.
Я плакал,
Но прислушивался чутко
К своей душе, к стенаньям — как чужой...
Был мрак вокруг — густой и непроглядный,
Он наполнял обманутое сердце,
И холод, тяжесть, тяжесть, словно камень,
Давили душу, наполняли скукой —
Какой-то бесконечной, безграничной,
И мгла лежала без конца, без края, —
Нигде вдаль я не искал лучей...
И навсегда немым — чужой и темный —
Мне этот мир казался...
Я лежал
Совсем без сил. Мой взор блуждал бесцельно,
Был одиноким я, забытым всеми,
Безвестным, безымянным, в дальних далях...
«О вечная свобода,
Смерть, приди!» —
Мои больные губы пршептали,
И этот шепот не казался горьким.
И землю обнял я с желаньем хладным,
И мне она объятия раскрыла
С нелживой лаской...
Сладостной казалась
Мне в этот миг суровая могила, —
Как матери спасающее сердце,
Как песня колыбельная, давно
Забытая в краях далеких детства...
«Смерть», — прошептал я, и душа моя
Ее с любовью приняла, как слезы

Страданья нежного.
И я ушел, ушел,
Неведомой какой-то силой движим...
Так далеко ушел я, далеко.
Всё позабыл я в этом чуждом мире.
И сумрак беспредельный легкой лаской
Меня окутал, всё кругом заполнив,
И жизнь мне сном казалась бесконечным,
Печальным сновиденьем,
Нежной лаской
Далеких дней
И песенкою детской,
Которой нет названья,
Нет названья...

Мне показалась грозной эта радость,
Возвышенным, неповторимым чудом.
Во мне, ликуя, утро пробудилось,
И легкой стала жизнь моя земная,
Как ключ, журчащий среди высоких гор,
Как золотые цепи облаков,
Дрожащих тихо на весеннем небе...
Мне показалось вдруг, что больше нет
Ни прошлых дней, ни нынешних...
Казалось —
Другое человеческое сердце
Моим глубоким горем пламенеет
И все мои волненья утишает,
И все мои баюкает надежды,
Баюкает...
Обнять оно желает,
Обнять мое трепещущее сердце
В сне золотистом радости нелживой...
Казалось, кто-то о моем страданье
Поет, к моим прислушиваясь столам,
В себе мою лелеет тишину,
И боль мою в своей душе великой,
И боль мою в своей душе бездонной
Он ощущает глубже, чем свою...

И вскрикнул я с любовью и отрадой,
И я воспрянул, жизнь благословляя,

Камням и родникам я бросил сердце,
И душу слил я с песнопеньем звезд,
И жизнь, что радость полную познала,
Я смело отдал
Вечности,
Вечности. . .

1911

124

Расстелена здесь лучезарная ткань. . .
Прозрачна, нежна, неизвестно откуда. . .
И я онемел — прикоснувшийся к чуду:
О, где же меж явью и грезами грань?

И вот мне открылась иная страна,
Ее золотым околдован я взглядом,
И я осенен лучезарным нарядом,
Любовью иной напоен допьяна.

Распахнуто сердце мое перед ней —
Оно пронзено золотыми лучами,
Пронизано солнцем — и скрылись печали,
И сам я иной — до скончания дней. . .

1912

125

Мой тусклый мир и черноту ночей
Она лучом рассвета озарила.
О, как был ясен взор ее очей
И полон солнечной волшебной силы!

Я жил во мгле, мне даль была темна,
Но свет ворвался, душу осеняя,
И стала сказочной вокруг страна,
Когда — не знаю, где и как — не знаю. . .

123

И речь ее баюкала меня,
Простор мне открывался необъятный.
О, эта речь небесного огня,
Напев страны иной и непонятной!

Так озарилась дней моих череда
Ее улыбкой нежною и лаской.
Потом она умолкла навсегда,
Но жизнь мне стала лучезарной сказкой. . .

126. ПЕРЕД НОЧЬЮ

На луга опускается ткань тишины,
И чарующий мир стал глубок и широк.
Заскользили лучи восходящей луны,
В темных водах качнулся созвездий венок.

С недоступных небес доходя до земли,
Их лучи погрузились в прохладный залив
И, дрожа, золотистый свой круг заплели,
Всюду чистые искры в воде отразив.

Эту нежную песню услышал ли ты,
Что, журча, разлилась по притихшим лугам,
Что сплела неразрывно и сны, и мечты,
Отдавая всё сердце траве и камням?

Ту волшебную песню тебе ль не узнать,
Этой светлой печали встречая лучи,
Когда хочется землю и камни обнять
И рыдать от великого счастья в ночи?

1910

127

Прозрачна речь твоя и глубока,
И столько простоты в улыбке нежной,
Что ропот, боль и черная тоска
Смиряются в моей груди мятежной.

И снова я приемлю мир вокруг,
И снова жизнь любима и прекрасна,
И мыслей, тяжких мыслей тесный круг
Готов исчезнуть в этот день ненастный.

И мнится мне, что ты всего лишь сон,
Что светит мне улыбка, но другая,
Что я иным сиянием пленен,
И для иной свои стихи слагаю.

128. ВЕСЕННИЙ ВЕЧЕР

В небе бездонном лазурь золотится.
Крылья прозрачные нежная птица
Там опускает. . .
Кто-то движеньем незримым и быстрым
Золото сеет и жемчуга искры
В синее поле бросает. . .

В сердце безмолвные песни пылают. . .
Нежные руки дрожат, призывают,
Жаждут ответа,
Ищут меня в непорочном желанье. . .
Песня любви затихает. . . Молчанье. . .
Слов уже нету. . .

129

Я снова здесь, и снова, как всегда,
Мечтает сердце грустно и устало
О том, что не случилось никогда,
А может, и случилось, только стало
Далеким сном, недостижимым сном,
Всего лишь сказкой, сказкой о былом. . .

125

Во взоре златоогненном твоём
 Сверкает жизни свет красой земною. . .
 Твоя душа — останемся ль вдвоем? . . —
 К моей прильнула призрачной сестрою.

В ушах моих — напев твоих речей,
 Простосердечный, нежный и нестрогий,
 Улыбкой не улыбочивой своей
 Ты освещаешь все мои дороги:

Прекрасной и печальной немотой,
 И ласками, которых нет в помине,
 И девичьих волнений чистотой,
 Улыбкою — глотком воды в пустыне. . .

Не знаю — где ты, где? . . Но всякий день
 Я вижу и я чувствую повсюду
 Прозрачную, светящуюся тень
 И взора твоего огонь и чудо. . .

О, это ты ежевечерне, ты
 Своей любовью сердце мне пронзаешь
 И шлешь улыбку мне из темноты,
 Меня своей любовью утоляешь.

Во взоре златоогненном твоём
 Сверкает жизни свет красой земною. . .
 Твоя душа — останемся ль вдвоем? . . —
 К моей прильнула призрачной сестрою.

1912

В мире печальном дам ли ответ,
 Что — хорошо, что — нет:
 Люблю я задумчивость этих очей
 И горечь твоих речей. . .

Люблю я простор золотистых нив
И ясных полей разлив,
Люблю тайну слов, что ты в тишине,
Пройдя, не сказала мне. . .

Люблю одиноко сидеть в ночи,
Мерцают во мгле лучи. . .
Люблю я тени, я грезы таю,
И любовь я люблю свою. . .

1909

132

Я люблю безнадежную скорбь твоих глаз,
И мелодию нежную тихих речей,
И застенчивость ласки, с которой подчас
Ты нисходишь в туман моих сумрачных дней.

Эта речь шелестит, словно складки фаты.
Тайну сердца она погружает во тьму.
Презираешь ты страстной души наготу.
Любишь или не любишь — никак не пойму.

Словно солнечный край, обаятельна ты,
А речей твоих девичьих ласка и свет,
Точно детская песня, наивны, просты.
Обольщают, как всё, чего нет, чего нет. . .

1910

133

Не помню — где и когда
Встретились мы с тобой. . .
Ты взволновала тогда
Души онемевшей покой. . .

127

Мир тускл, и напрасны мечты
Найти тебя. . . В сердце — тоска. . .
Безвестна, безвестна ты
И далека, далека. . .

134. БЕЗРОПОТНОСТЬ

Ручей серебристый, певучий
Призывно поет и журчит. . .
Безропотно ива плакучая
Над светлой водою стоит.

Ночь, песни и травы душистые,
Спокойствие, сказки, мечты,
И облачко девственно чистое,
И трепет звезды с высоты. . .

Усталое сердце, прими,
Покорно в себя заключи
И небо, и море, и землю,
И эти луга и ручьи.

Таким же ты будь безмятежным,
Как сказки, покой и мечты. . .
Как звезды — и кротким и нежным,
Как облако или цветы. . .

Ручей серебристый, певучий
Призывно поет и журчит. . .
Безропотно ива плакучая
Над светлой водою стоит. . .

1911

135

Ты пришла в одеждах белых,
Темным вечером пришла,
В час, когда мне в душу мгла
Беспросветная глядела.

128

137. ПРИЗРАК

В час вечерний, когда от дневной
Удается остыть суеты,
Появляешься передо мной —
Как безмолвно и вкрадчиво ты
На колени садишься ко мне,
Как мы счастливы наедине. . .

Припадаю к лицу твоему,
Твоей призрачной лаской согрет,
В час вечерний, когда еще тьму
Разбавляет слабеющий свет, —
Как размыты родные черты,
Это тень твоя, тень, а не ты. . .

1912

138

Прозрачная мгла разлилась,
Таинственна и нежна.
Моих сновидений вязь!
Моих вечеров глубина!

В просторе небесных морей
Плывут кружева зари.
Узорной игрой теней
Баюкают мысли мои.

И песнь улыбается мне,
Всей жизнью вдруг овладев,
И сердце поет в огне. . .
Всё сердце — любовный напев. . .

И мир как любовь предо мной,
И той любви не объять.
И сказка, мой сон золотой,
Кто мог тебя рассказать?

Прозрачная мгла разлилась,
Таинственна и нежна. . .
Моих сновидений вязь!
Моих вечеров глубина!

1909

139

Ты поняла души моей томлень.
Печаль моей мечты. . .
Мы скованы с тобой в одном стремлень,
Я грустно жизнь влачил средь темноты.
Все дни мои — лишь горе.
Во тьме моей мне улыбнулась ты.
И солнце мне в твоём блеснуло взоре.
Жизнь просветлела вдруг.
Отраднa боль и радость на просторе.
Кто разлучит меня с тобой, мой друг?

140

Ты светлым облаком весны
Сквозь жизни мрак ненастный
Вошла в судьбу мою и в сны
С улыбкой ясной.
Сквозь муки сердца, сквозь печаль,
Сквозь мира тьму слепую
Открыла солнечную даль
И жизнь иную.
Передо мной твои черты,
В душе — их отраженье. . .
Моя отчизна, вера — ты,
В тебе — спасенье. . .

1911

131

Сладок звук речей твоих, —
 Будто ночь запела вдруг,
 Облик твой так скромно тих,
 Так нежны касанья рук.

Голос чистый и родной
 Мне струит тепло и свет,
 Вместе с ним дышу весной,
 Светлой ласкою согрет.

В голосе твоём — покой,
 Только тайно грустен он,
 Он любовною тоской,
 Как закатом, озарен.

Может, то не голос твой, —
 Шелест розовых кустов
 Или в дымке золотой
 Моря дальний, мерный зов.

Жизни песнь вечна, мудра,
 В эту песню вплетены
 Вешняя любви пора,
 Слезы, грусть, надежды, сны.

Льется песнь в ночной покой,
 Грустью светлую полна...
 Крылья легкие раскрой
 Надо мною, тишина!..

1911

142. В ВЕСЕННЕМ ГОРОДЕ

На улице — шум и топот шагов,
 На бледности лиц играет улыбка;
 В пыли золотой — громады домов,
 И к небу деревья тянутся зыбко.

Еще не просох весенний бульвар,
Но дети кричать в аллеях так рады;
Теперь все слова исполнены чар,
Как стрелы теперь случайные взгляды.

Всё стало родным: плита мостовой
И старая песнь, что слышал украдкой;
Свобода в душе, безгневный покой,
И самое горе сделалось сладко.

Всё мило теперь: и девушек взор,
Подобных цветам, и необычайный
Разряженных дам богатый убор —
Всё полно сегодня сладостной тайной.

Сердца-мертвецы, как в поле цветы,
В пыли золотой теперь оживают;
Волнением сладким хмелен и ты,
Заботы былые тают и тают. . .

О, благо вам, песнь, мечта и любовь!
Привет тебе, жизнь, безграничность стремленья!
Привет тебе, ночь страдания вновь!
И муки и смерть, вам благословенье!

143

Тебя уже нет,
Словно канула ты.
Любовь — сновиденья,
А счастье — мечты.

Ищу я напрасно
В полуночи бед.
Твой образ — всего лишь
Души моей свет.

Улыбка твоя —
Моих снов лепестки.
Сиянье твое —
Песнь моей тоски.

А речи блаженство —
Надежд моих дрожь.
Ведь жизнь — это сказка,
А мир — это ложь.

1909

144

Брожу в толпе веселой среди речей пустых,
Но я не здесь, далёко, мечта владеет мной,
Живу я тайной жизнью, и в помыслах моих
Небесной девы образ, лишь ей молюсь одной.

Я с вами, но далёко, далёко я от вас,
Живу в уединенном, чудесном уголке,
Там боль и ропот сердца, страданий горький час,
Там песни и молитвы к ней обращал в тоске. . .

Не в этом бренном мире, а там она живет.
Всегда лучист и ясен тот образ дорогой. . .
И счастлием страданье душа моя зовет,
Она смеется тайно над вашей судьбой. . .

145. ЛЮБОВЬ К СКИТАНИЯМ

Я не знаю сам, куда пойду,
Мягким светом фонарей упьюсь,
Песню запою, прохожим на ходу
Тихо улыбнусь.

Опьяненный тайной бытия,
Сердцем породнюсь с землей, с водой,
Всех, кого ни встречу, песней я
Позову с собой.

Незнакомых женщин так знаком
Улыбающийся милый взгляд.
Тени города, сойдясь кругом,
Сон мой охранят.

134

146. НА УЛИЦЕ

Опять ночные улицы пусты:
Я обошел их, грустный и злосчастный. . .
И грезы мои сладостно чисты,
И думы обольстительно прекрасны. . .

Я в этом смутном грустном мире грез
Сплел сказку о твоём возникновенье,
Твой образ светлый над собой вознес,
Чтоб разогнал он злые сновиденья. . .

Свою судьбу унылую простер
К тебе, чтоб убаюкала, лаская. . .
Какой живой тоской горит твой взор,
И радость сердца — светлая какая!

Без звука и без грусти ты, легка,
Приходишь и уходишь за туманы. . .
Пленяешь и зовешь издалека,
Бесплотна, светлолика, безмянна.

1912

147

Среди гложущих мучений горьких дней,
На дорогах, что несли одну беду,
Чей-то тайный странный шепот стал слышной,
Кто-то сердцу улыбнулся: «Я приду. . .»

В смутных, злых, враждебных безднах горьких
дней,
Где душа томилась в муках — замкнут круг. . .
Вдруг какой-то свет неожиданный стал видней,
Жизнь волшебной улыбнулась сказкой вдруг. . .

1912

148. ДВА ПРИЗРАКА

Я ли, ты ли, ты да я
В ласках милой темноты;
Я ведь только тень твоя.
Мы — одни. Со мною ты.

Нам часов невнятен бой,
Мы не время, вечность пьем.
Мы — как призраки с тобой, —
Одинокие — вдвоем.

Мы забыли грустный бред,
Темноту и боль в груди.
Видишь — тихий новый свет
Мягко брезжит впереди?

Я ли, ты ли, ты да я
В ласках милой темноты;
Я ведь только — тень твоя.
Мы одни. Со мною ты.

149

Тишина царит в ночи,
Глушь везде, и ночь везде,
Золотой огонь свечи
Зажигаю в темноте. . .

Тени прянут в уголки
И попрячутся, едва
Зашуршат твои шаги,
Прозвучат твои слова.

Приходи, заморози,
Стань душе всего милей,
Дай испить мне сладкой лжи,
Полюби и пожалей.

Средь безвидной пустоты
Разбуди в моей крови

Жажду воли и мечты,
Золотой огонь любви! . .

В одиночество толкни,
Спрячь во тьме свой легкий след
И опять, опять блесни,
Тайный свет мой, чистый свет. . .

Мрак вокруг, а я пою,
Тесно сердцу моему.
Тайну ведаю твою,
Но не выдам никому. . .

Тишина царит в ночи,
Глушь везде, и ночь везде,
Золотой огонь свечи
Зажигаю в темноте. . .

1910

150. ЧЕРНАЯ ЛИЛИЯ

Горькая жизнь моя — тьма и печаль.
Трудный мой путь и уныл и жесток.
Сердцу улыбку послала сквозь даль
Черная лилия, грустный цветок. . .

Зыбкость движений и горестный взор,
Темного, жаркого полный огня,
Околдовали меня с давних пор,
Приворожили навеки меня.

И потянулся я к грусти твоей,
К грусти твоей я душою припал.
К грусти, что, встав маяком средь зыбей,
Путь озаряет меж сумрачных скал.

Хоть и в ночи заблуждений моих
Тайного знака прочесть я не мог,
Где б ни была — ты со мной каждый миг,
Черная лилия, греза-цветок.

1908

Туман розоватый над жизнью прошедшей дрожит...
 Былое — да было ль оно или только приснилось? ..
 Минувшее — некая тайная грусть сторожит,
 Терзает тоска меня, впал я у жизни в немилость.
 Былое — да было ль оно или только приснилось? ..

На тропах запутанных мрачных блужданий моих,
 В умерших пустынных полях стороны чужедальной...
 Душе улыбнулись в какой-то неведомый миг
 И зыбкий твой облик, и слов твоих отзыв
хрустальный, —
 В умерших пустынных полях стороны чужедальной...

На грустную музыку жизни бесцветной моей
 Душа твоя ясная бросила отсвет приметный.
 И жжет мою душу твой блеск всё сильнее и сильнее,
 И в тьме беспредельной ночей моих, в тьме
беспросветной
 Зовет меня в дальние дали таинственных дней...

1909

152. ПОКОРНОСТЬ

Убаюкана белой зимой
 Ты, душа моя, в странном дурмане...
 Распростерлась печаль надо мной,
 Жизнь нежна, словно воспоминанье.

Где ж далекая, где ж моего
 Безутешного сердца царица?
 К ней одной всё мое существо
 И мечтами и снами стремится.

Хоть и знаю, что я никогда,
 Никогда ее не повстречаю, —
 Стихла боль... И беда — не беда:
 Ее дальнюю — благословляю.

Света вновь мое небо полно,
Вновь землей убаюкан я милой,
Что слила в колыбельной в одно
Всё, что будет, что есть и что было. . .

Убаюкана белой зимой
Ты, душа моя, в странном дурмане. . .
Распростерлась печаль надо мной,
Жизнь нежна, словно воспоминанье.

1912

153

Нет, ничего не знаю я
Прелестнее на свете,
Чем грусть, девичья грусть твоя. . .

И жизнь светлее в этот вечер,
Печальней и светлей она,
Как и любовь твоя. . .

И взор лучистый твой
Сквозь сумрак ночи мгlistой
Струит так нежно на меня
Свет беспредельный, чистый. . .

154

Синий полог опустился вниз —
Вечер вплыл таинственный и нежный. . .
Светом возвращенным озарись
И в моей душе зажги надежду.

В сердце, что покинули мечты,
В опустевшей одинокой келье —
Расстели свою улыбку ты,
Сочетанье грусти и веселья.

139

И позволь мне — только и всего! —
Вновь любить в обыденности этой
Чудо появления твоего,
Чародейство твоего рассвета. . .

1912

155

Вечерней порой, сквозь мрак в тишине,
В зыбком сиянье лазурных огней
Приходит она, ласкаясь ко мне, —
Не слышно дыханья, стала бледней.

Улыбка ее светла и нежна,
Весь образ ее словно выткан из снов.
Сияющим взглядом глядит она,
Вечерняя песня звучит без слов. . .

Сидим мы рядом, сидим в тишине. . .
Влекущая, так светла и чиста.
Она ли, она ли? — не верится мне
И кажется, что исчезает мечта.

156. СМЕРТЬ-МЕЧТА

Безымянный друг, как назвать тебя?
В твой далекий мир заросли пути.
Сколько песен я ни сложил, скорбя,
Не успел их зов до тебя дойти!

Ни молитв таких, ни мелодий нет,
Чтобы в сердце мог я царить твоим.
Так склонись ко мне и пронзи в ответ
Грудь разверстую золотым копьем!

Как покорный раб, я повержен ниц
Перед силою красоты живой.
Озари огнем неземных зарниц:
Весь огромный мир — только отблеск твой.

140

Славься ж, светлая, приходи, дерзай,
Улыбайся мне и моей судьбе!
Сладкой мукою сердце мне терзай;
Вся хвала — тебе, весь восторг — в тебе!

157. ЗИМНЯЯ НОЧЬ

Моя печаль светла. Она
Как дальнего ручья журчанье...
Тиха любовь моя, нежна,
Так сладко сердца трепетанье.

Не буду думать о былом,
Надеждой жить в грядущем где-то...
Ночь глубока, и тишь кругом,
Душе не надобно рассвета.

Она прозрачна и ясна.
Судьбу я славлю, славлю землю,
Легла на сердце тишина,
С любовью жизнь и смерть приемлю...

Покой и мир в душе моей.
Снег за окном... Успокоенье...
Земная боль, усни скорей!
Блаженное уединенье...

1911

158

Этой ночью опять под окном
Плакал ветер, к дверям подходил.
Сердце наполнилось песнями, стыл
Я в тоске о давнишнем, былом.

В очарованном сердце опять
Поднимался забытый мотив,
Не спалось, я сидел, молчалив,
И печаль было мне не унять.

141

Зарыдать было б слишком легко,
Но кому же пожалуюсь я,
Что ушла ты в иные края
И теперь далеко, далеко. . .

1912

159

Если будешь в далеком, далеком краю
И тоской заволнуется сердце твое,
В ней узнай одинокую грезу мою,
О тебе замечтавшее сердце мое.

Если сердце твое затревожится вдруг
И неведомой песни услышишь ты звук, —
Это я о тебе неустанно пою,
И зову, и тоскую в далеком краю.

Ты — весна, снизойди же в холодную тьму,
Золотою улыбкой меня подари.
Мне в печали моей, в одиноком доме
Светит имя твое розовее зари.

160

Одинок я сижу, одинок,
Лишь заветной мечтой дорожа;
Драгоценный горит огонек
В этой жизни бесцветной — душа.

Есть страна, где дозволено ей
Сбросить бремя бесчисленных бед,
Стать одним из небесных лучей,
Составляющих солнечный свет.

Есть волшебная сказка одна,
В ней, как чудо, пьянят и влекут
Твое имя, хмельнее вина,
И стихи, что в веках не умрут.

1909

142

161. ВСТРЕЧА

На крыльях невидимых ты возвратилась, светла,
Из далей, неведомых мне, неизвестно откуда...
Томленье тоски расстилая, явилась, как чудо,
И душу словами печальными обволокла.

В видениях странных, в объятьях безмерной тоски,
Мне вдруг показалось, что ты и слаба и уныла,
И тоже тоскою больна и живешь через силу,
И тоже о чуде мечтаешь всему вопреки...

Друг другу раскрыли мы наши больные сердца,
И слез безутешных, горячих не скрыли при этом.
Печаль наша чистой была и пронизанной светом...
А мир — был ли, не был?.. Его не понять до конца...

1912

162. В ЛУГАХ

Одинокий, налегке
Я в лугах брожу без правил.
Где-то в дальнем далеке
Шум и грохот я оставил.

Вот безмолвно у ручья
Сказку слушаю прилежно.
Вечером и утром я
Всё мечтаю безмятежно.

Свое море стелет ночь,
А заря — свое сиянье...
Знай, душе моей помочь
Ты одна лишь в состоянье.

Воедино грезы слил
Я свои со сказкой луга...
И молился и молил,
За тобой идя по кругу...

Я брожу в сиянье дня,
Тишине душа внимает. . .
И волшебная меня
Твоя греза обнимает.

1912

163. ТАИНСТВЕННАЯ ЛЮБОВЬ

Умерев, каждый вечер она,
Покидая ночную страну,
Навещает меня и, бледна,
Ждет, когда я к ней молча прильну.

Умирая, сказала: приду,
Обещала прийти, умерев, —
И приходит, как призрак, черту
Между жизнью и смертью стерев.

И не ведаю, мертв или жив.
Дышит жарко, как розы в саду.
К тайне светлой меня приобщив,
Снова на ухо шепчет: приду.

В час, когда за окном городской
Шум стихает и говор дневной,
Светлоликая, гладит рукой
Мою руку и грезит со мной.

Так сидим мы — и нам не темно, —
До рассвета в лучах фонаря,
Вот он гаснет, и, глянув в окно,
Очарованно шепчем: «Заря!»

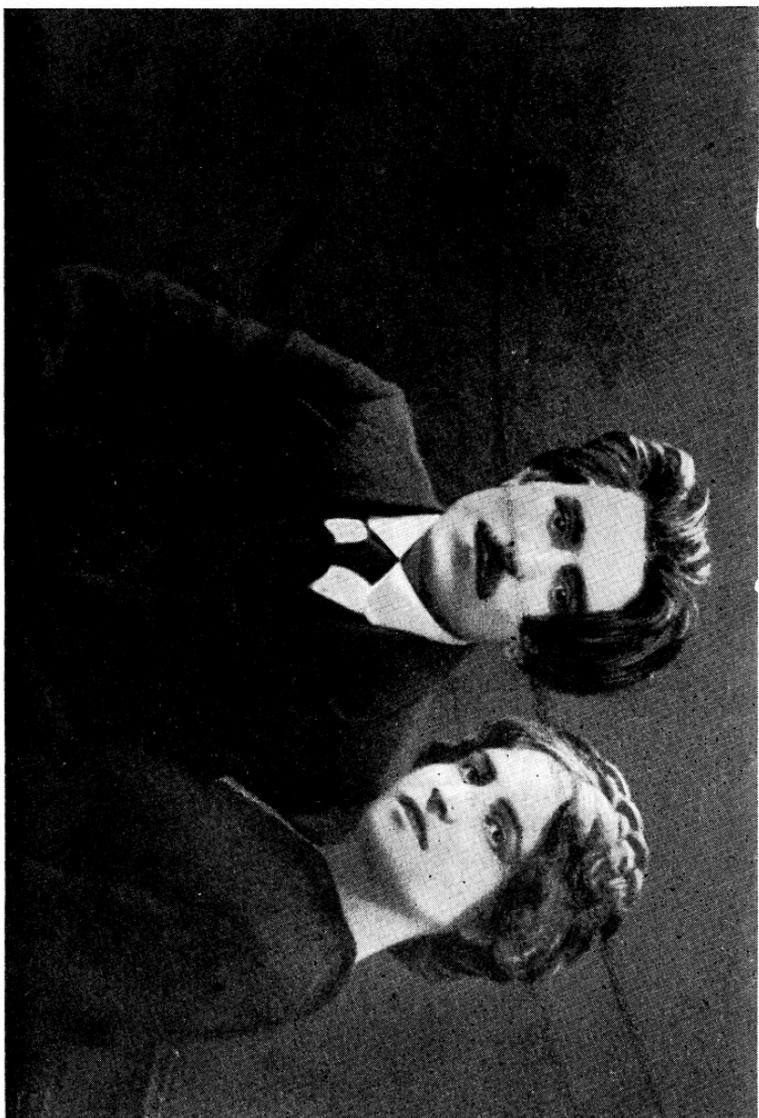
1910

164

Вьюга воеет, темня
Окна снежной корой.
Нынче стань для меня
Обретенной сестрой.

144

Обретенной сестрой,
Так уставшей в пути.
Этой вьюжной порой
Не спеши ты уйти.

Ты останься. Позволь —
Я огонь засвечу.
Я души твоей боль
Убаюкать хочу.

Я сегодня колдун,
Правлю таинством снов,
Нежных тысячей струн,
Светлых тысячей слов.

И я дам тебе свет
Голубой-голубой,
Чтобы жизнь, чтобы смерть
Не владели тобой.

Вот он, дальний маяк
И хранитель дорог
Через тягостный мрак
Всех докук и тревог.

Вьюга воет, темня
Окна снежной корой.
Нынче стань для меня
Обретенной сестрой.

1912

165

Когда ужалит жизнь змеей,
Вопьется в сердце бессердечно,
Припомни: памятью святой
Ты с кем-то связана навечно.
Пусть мы всё дальше день за днем. . .
Не видно глаз. . . Не слышно речи. . .
В разлуке помни об одном —
Что есть тропа

Священной встречи.
Припомни, как однажды смерть
Вдруг победили наши души. . .
Не забывай об этом впредь
И шепот памяти послушай. . .
Твои священные слова
Тьме не сдадутся вдруг на милость,
И захотят кусты, трава
Воспеть твою незаменимость. . .
Пребудешь ты в моей душе
Всегда и всюду — где угодно, —
Невозвратимая уже,
Как греза сладкая — бесплотна. . .
О, не секрет ни для кого:
Всё призрачно — и взгляд и речи. . .
Но есть на свете волшебство
Одно: нечаянная встреча. . .
Вдали, во власти немоты
Разлуки, мглы бесчеловечной,
Вдруг вспомни, что однажды ты
Нашла, нашла меня — навечно. . .

1912

166. МОЕЙ ГРЕЗЕ

Еще никто на этой земле
Не обнял тебя, к груди не привлек.
Кто ж милые очи твои зажег,
Скажи, в этой мгле?

Рассеяв сумрак угрюмых лет,
Подобно заре являешься ты.
И грезит без сна о тебе поэт —
Певец красоты.

Сверкает, разит красота твоя —
Над черной жизнью огненный меч.
Даст сердце свое, тоски не тая,
Влюбленный рассечь.

Красу твою славит он каждый час,
Поет ее, на смерть приговорен.
Боль смертную, долей своей гордясь,
Приветствует он.

Еще никто на этой земле
Не обнял тебя, к груди не привлек!
Кто ж луч улыбки твоей зажег,
Скажи, в этой мгле?

167. ОТКРОВЕНИЕ

Весной, нежна и шумна,
Ты с вешней песней пришла —
Ясна, славна и пышна,
Безумна и весела. . .

И сладко в сердце вонзен
Твой солнце-меч золотой.
Мой черный день обожжен
Любовью и красотой.

Душа томилась, больна,
И мгла на сердце легла. . .
Весной, нежна и шумна,
Ты с вешней песней пришла. . .

168. УТРО

Сегодня, утро, я тобой пленен. . .
Пленителен твой поцелуй прохладный,
Я новым сновиденьем опьянен,
Любуюсь светлой далью безоглядной. . .

Пуститься в путь, исчезнуть, скрыться с глаз,
Легко брести — какая радость, право!
Ни дома, ни оружия — в добрый час! —
Ни серебра, ни имени, ни славы. . .

Любить и вновь восторженно любить,
Нежнее становясь, щедрее, шире.
Уйти, вернуться, снова рядом быть —
С открытым сердцем в беспредельном мире! . .

И улыбаться солнцу и листе,
Благословлять оседлых и бездомных,
С водою и землею быть в родстве,
Любить всей силой чувств своих бездонных.

И горечь темной вечности узнать,
Безмерной грусти доброту и силу. . .
Над обреченным малышом рыдать,
И жизнь благословлять перед могилой. . .

И умереть с покорностью судьбе,
С улыбкою беззлобной и терпеньем. . .
. . .И — сказкой всё представится тебе,
Мечтою, грезой, сладким сновиденьем.

1912

169. КАРУСЕЛЬ

Ты кружись, ты кружись, карусель, —
В песне прошлого горечь и хмель.

Сказка. . . Жаркие чары, мечты,
Радость розовой дымкой плыла.
Мне с притворною нежностью ты
Улыбалась, как солнце светла.

Клятвы, ласки, — в огне голова,
Опьяняет нас музыки звук.
Лжем ли мы, или — наши слова?
Мы ли — мир ли распелся вокруг?

Ты кружись, ты кружись, карусель, —
В песне прошлого горечь и хмель.

Нам мерещился, солнцем согрет,
Край желанный в далекой дали.

Улыбнулись, блеснули — и нет,
Нет их, грез, — отошли, отцвели.

Стоны, жалобы, злая печаль. . .
Ты ли плачешь, иль мир зарыдал?
Сон затмился, обманчива даль,
Наш восторг — равнодушием стал.

Ты кружись, ты кружись, карусель, —
В песне прошлого горечь и хмель.

Повторяешь ты в памяти всё ж
Эту песню минувшей поры,
«Я люблю, ты не любишь», — поешь,
Как слова те запеты, стары.

Ночь, аллея, и вальс в тишине —
«Невозвратное время». . . Луна. . .
Смех, объятья. . . Невесело мне,
Эта жизнь нам приелась, скучна.

Ты кружись, ты кружись, карусель, —
В песне прошлого горечь и хмель.

Пляс неистовый, кружит нас бред. . .
В тайну песни той вникнем, друзья:
Ни конца, ни начала в ней нет,
Ты — вчера, нынче — он, завтра — я.

Ты кружись, ты кружись, карусель, —
В песне прошлого горечь и хмель.

170. ШЕПОТ И ШЕЛЕСТ

Тополя стоят под моим окном,
Шепчут, шелестят мне в осенней мгле, —
Это ты, грустя, кружишь по земле,
Вновь меня зовешь в сумраке ночном.

Тихо шелестя, бродишь ты тайком,
В уши шепчешь мне сладким шепотком,

Грезишь обо мне в сонной тишине,
Любишь и грустишь, грезишь обо мне

Стаей белых птиц скрылись облака,
Призраком скользит легкокрылый сон,
Улыбнулась ты мне издалека,
В далях голубых лик твой отражен.

Плачет ключ навзрыд, в тишине звеня, —
Сердце плачет так, исходя тоской.
В темном мире ты всё зовешь меня,
Ищешь всё меня, потеряв покой.

Обещаешь вновь, манишь ты во мгле,
Любишь и грустишь, грезишь обо мне,
Сладким шепотком шепчешь в тишине,
Тихо шелестя, бродишь по земле.

171

Ты придешь, околдуешь, как в сказке, опять,
Ликом светлым рассеешь покров темноты.
Нежной речью и золотом взора способна пленять
только ты.
Обнимая, рассыплешь цветы и огни,
Незнакомые искры девических слов.
Сядем рядом. Умолкнет считающий долгие
тусклые дни стук часов.
Черный ворон тоски, черных мыслей орда
Унесутся: им страшен твой взгляд.
Станет радостью мука; заветное слово твое обретет для
меня навсегда чудотворный наряд.
И во мраке ночей, в мировой глубине
Запылает бессмертный огонь негасимой мечты.
Сложим слово приветное людям и тварям, земле и стране
Я и ты.

172. ВОСХОД СОЛНЦА

Стою я на дикой вершине один,
Высок мой утес одинокий, высок,
Внизу еще мрак по ущельям глубок,
Внизу еще длится дремота долин.
Но скоро с вершин отдаленных блеснут
Горячего золота волны. Поля
Проснутся, встречая восход, оживут,
И песен запросит родная земля.
И ты запоешь, пробудившийся мир,
Откликнешься эхом на зов и любовь,
Услышу твой грохот, твой будничный пир,
Волненью дневному предамся я вновь. . .
Еще не светает, но в сердце рассвет.
Привет вам, в еще не проснувшейся тьме,
Вам, братья, которых со мною здесь нет,
Далекие братья в пути и в тюрьме!

ВОЗВРАЩЕНИЕ

1910

173

Я вышел из темницы одиночества,
Увереннее стал я и сильней.
Гул радости звенел, как новых дней,
Грядущих дней счастливое пророчество.

Все эти ночи, долгие, бессонные
Развеяли сомнений горький чад,
И в сердце песни новые звучат:
«Я с вами, с вами, братья угнетенные».

Меня зовет высокое призвание
Ковать слова из пламенной руды,
Увидеть ваши мощные ряды,
Услышать битв победных ликование.

Я к вам пришел развеять наваждение,
Обманутых, усталых вновь поднять
И в час рассвета громко к вам воззвать:
«Вставайте, час настал для пробуждения!»

1910

174

Во власти всё одних и тех же дум,
Всё ту же горечь в сердце затая,
Иду туда, где не смолкает шум, —
На улицу, в кипенье бытия.

152

Я слышу грохот, крики, лязг и звон.
Волнуя плачем и весельем слух,
Прилежный день — движением времен —
Включен в непостижимый жизни круг.
Здесь рядом колесо и человек
В один безумный бег вовлечены,
А улицы, как русла сотен рек,
Смешали многоводный плеск волны.
Свирепого железа слышен крик,
И сталь звенит здесь голосом литым.
Многоголосый времени язык
Взывает к миру кличем боевым.

И в этом шуме яростном, земном
Предчувствие пронзает грудь мою,
Душа горит пророческим огнем:
Прекрасное я в грозном узнаю.
Измученный борьбою и тоской,
Я душу наболевшую открыл,
Чтоб землю полюбить, но не такой,
А той, что встанет, полной новых сил!
Грядущего предвестник, песнь моя,
Всю силу страсти отдал я тебе,
Тебя, как знамя, поднимаю я,
И пусть умру я, как герой, — в борьбе!

Проснитесь, песни верные мои,
Пора на битву воинов сзывать,
Звать сверстников на правые бои,
В сердцах свободы пламя зажигать!

1910

ТЕРНОВЫЙ ВЕНЕЦ

1906 — 1908

175

С зарей на эшафот поднялся он.
(О, горький окровавленный рассвет!)
Стояла стража с четырех сторон,
Как бы храня молчания обет.

Старик священник спрятал скорбный взор
(Молитвы не припомнив ни одной),
Шептало сердце старику: «Позор!
Проклятие — вот долг священный твой!»

В багряной мгле струился сноп лучей...
Потупясь, мрачный офицер шагал.
(Не вспомнил ли о матери своей?)
Позолотило солнце склоны скал...

С зарей на эшафот поднялся он.
(О, горький окровавленный рассвет!)
Стояла стража с четырех сторон,
Как бы храня молчания обет.

176. СИРОТЫ ЖИЗНИ

Увядшие лица в морщинах грубых,
Сироты жизни проходят молча,
Глаза без слез, поджатые губы,
Взгляд полон желчи.
И вот смотрю я с болью сердечной
На лица, замершие, как камень,

Лица сирот, раздувающих вечно
Солнечный пламень. . .
Сироты жизни. . . Каждый был согнут,
С раннего детства в горестях вскормлен,
Каждый отвержен, проклят и прогнан,
Руки как корни. . .
Проходят. . . Ноги — рана на ране,
Но вечно идут по кремнистой кромке
Сироты жизни, не чуя брани
Глупой и громкой.
Они как отвергнутое признание,
Сироты жизни, дум моих братья.
Узнайте же ласку и состраданье
В моих объятьях.

1906

177

Привет тебе, бурный страданья восторг,
Владей мною — благословляю тебя!
Ты с детства мой дух от покоя отторг,
Покорно теперь принимаю тебя.

Казни мое тело, омойся в крови,
Веди на распятие душу мою!
Вновь сердце раскрылось во мне для любви,
И муки я полною чашею пью.

О высшая слава, последний восторг,
Огнем твоим грозным я снова объят!
Струсь, моих песен кровавый поток,
Туда, где страданья людские молчат.

178

Да, блаженны те, кто в тюрьме глухой
Средь жестоких мук и безмолвных стен
Людам в дар принес жар душевный свой
И кто злым врагом был захвачен в плен.

155

Да, блаженны те, в ком любовь живет,
Кто остался горд, кто бесстрашным был,
Презирая смерть и страданий гнет,
Кто в грядущее мысль всегда стремил!
Да, блаженны те, слава им вовек. . .

179

И денно и ночью, то вместе, то розно, —
То вправо качанье, то влево качанье, —
Стальные чудовища, ваше рычанье
Баюкает нас монотонно и грозно.

Я с детства под сводом угрюмым и чадным
Внимал вашим мерным железным ударам,
Вы ломитесь в сон мой недолгий — кошмаром
И хохотом злобным, упрямым и жадным.

Кто создал вам речь, чтобы вы грохотали?
Кто нас приковал к вашей мертвой неволе?
Ужель нет конца нашей муке и боли?
Ужель не спастись от чудовищ из стали?

То еле скользя, то кидаясь нелепо,
Не зная пощады, вы движетесь мощно.
И денно и ночью, и денно и ночью
Грохочет над нами ваш хохот свирепый. . .

180

Умолкли песни гордые слова,
Их заменили стоны и рыданья,
Мрак обнял душу — но она жива,
Хоть и хранит зловещее молчанье.

И выстроились черные полки. . .
Еще вчера без боли, без печали
Звенели песни, словно родники,
И улицу на подвиг поднимали.

Жестокий враг ликует ныне вновь,
Он душит нас кровавыми руками,

156

Пьет наших братьев праведную кровь,
Глумясь над нашими слезами.

Но час настал, и место нам — в строю!
Уже полна отравленная чаша.
Не дрогнем мы в решительном бою,
Нам только плен позорный страшен.

И в этот час, когда беда грозит
Оковами порабошенья,
Изменник тот, кто не зовет к сраженью,
Предатель тот, кто меч не обнажит!

181

Зовут меня ночь напролет, палят мне душу огнем,
И в сердце криком кричат, рыдают в сердце моем. . .

Еще не взойдет заря — солдаты придут за тобой,
В оковы тебя закуют, приставят к тебе конвой.

Никто, никто в эту ночь не крикнет сквозь стены мне,
Но будут рабски молчать, в тяжелом забывшись сне.

О солнечный юноша мой, невеста твоя красна,
А скорбной матери грудь отчаяния полна.

В безмолвной толпе палачей один ты на смерть пойдешь,
И каждое слово — яд, улыбка каждая — нож!

Друзья не услышат тебя, горька будет ночь и глуха,
Ты примешь Голгофу, сын, без ропота, без греха.

Так пусть злорадствует враг, — бесстрашно иди вперед:
С тобою сердце мое, с тобою на муку идет.

Багрянокрылый рассвет, зачем ты сегодня ал?
Багровые крылья свои ты в чьей крови искупал?

Я песен тебе не спою, в твои не взгляну глаза,
Мне каждая роза — кровь, мне каждый бутон — слеза.

182. НОЧНЫЕ КОШМАРЫ

Глубок и покоен сон у села,
Спят крепости, веря в стен своих твердь.

- Ах, эта ночь навсегда пришла!
- Та тишина угрюма, как смерть! . .

Враг, словно мрак, беззвучно скользил,
Давя обезумевших беглецов. . .

- Упала мать. . . Заметался сын. . .
- Ты видел этих убийц в лицо? . .

Безмолвен безжизненный сон села. . .
Я эту боль наяву знавал. . .

- Ах, эта ночь навсегда пришла!
- Мама, души моей цвет увял. . .

Виденьем багровым ослеплены,
Живые навеки теряют кров. . .

- Земля и небо кровью полны!
- Мама, вокруг меня только кровь! . .

1907

183. ОКТЯБРЮ

Прочь, осень, с тоской беззвучного плача!
Привет мой тебе, разгневанный гром!
Привет мой борьбе, звенящей мечом,
Могучей как свет, как слово горячей!

Отдайся, душа, волнению боя,
Ты, песня моя, бесстрашно гори!
Чтоб кончилась ночь расцветом зари,
Грохочет гроза великой борьбою.

1907

184. ГОРОД

(Из цикла «Песни города»)

Цолаку

Когти свои, гигант Вавилон,
Ты, растопырив, вонзаешь в равнину
И в погребах своих, темных и длинных,
Прячешь бездумно свирепый циклон.

Хладным огнем несчетных окон
Вдаль ты зриаешь жестоко и гордо.
А в погребах пламеноздрую морду
К сводам проснувшийся поднял дракон.

Гролом пиров гудят этажи,
Хаосом оргий, разнузданным бредом,
И, примераясь к грядущим победам,
Алые призраки точат ножи.

1908

185

Я принес вам весть побед,
Братья, спящие, очнитесь!
Всюду солнце, всюду свет,
Братья, спящие, проснитесь!
Ярки дружества лучи,
Голос счастья так чудесен.
Солнце, роши и ручьи
Жаждут ваших звонких песен.
Всюду солнце, всюду свет,
Тьма уйдет, уйдет страданье,
Я принес вам весть побед
И надежд очарованье.
Поднимитесь из могил,
Оторвитесь от лобзаний
И летите взмахом крыл
К новой жизни — без страданий.

Вой волчий, в ворота ветра стучат,
 Вдаль узник направил горящий взгляд.
 И люди молчат, и стены молчат,
 Лишь цепи извечно звучат, звучат.
 Сзывают ветра предавшихся сну,
 Им тайну они раскрывают одну.
 Вой волчий вдали, а люди молчат,
 Лишь цепи извечно звучат, звучат.
 Вой волчий, а люди всё спят и спят.
 В ворота домов стучатся ветра...
 Ты, пламя свободы, зажгись, пора!
 Проснитесь, люди, — волки рычат!

Муза, оплачь тех, кто без вести сгинул,
 Мир наш покинул,
 Гладом и хладом всю жизнь изнуряем;
 Нету числа им,
 Словно листве, что сникает покорно
 Осенью черной.
 Верю — в крови их зажжется однажды
 Мщенья жажда,
 Слово их скажется и за собою
 Кликнет их к бою,
 Вспыхнут, пожар к небосводу подъемля,
 Воды и зёмли...
 Муза, оплачь тех, кто без вести сгинул,
 Мир наш покинул,
 И призови в своей скорбной молитве
 К мщенью и битве!

188. НА КАТОРГЕ

Безмолвная ночь. Не светит луна,
 Лишь мертвенный снег сверкает кругом...
 Ручьями шумя, возникни, весна!
 Победно греми, раскованный гром!

Бездушная ночь. Бессветная высь.
А кто-то глядит с тревогой во тьму,
А кто-то зовет: «Рассвет, разгорись!..»
И цепи звенят, и тяжело ему.

Бескрайняя ночь. Угрюмая хмурь.
Забылся простор, во тьме онемев.
Взметнитесь, мечи карающих бурь!
Грозой разразись, накопившийся гнев!

189

Вот солнце проснулось. На что оно?
Горит и сияет, а там темно.
Над нами тяжелый мрачный свод,
Машина стучит, гремит, поет.
Вот ночь опустилась. Покой теперь,
Теперь отдохнет человек и зверь.
Но в дверь к нам и ночью стучит нужда,
И нет для нас отдыха никогда.
Работай, работай за годом год, —
Другого накормит твой труд, твой пот.
Довольно! Отныне и мы хотим
Утешиться солнцем, покоем ночным.
Вздымай же свой молот! Пришел твой час!
Мы новую радость скуем для нас.

190

Встречала меня не дружба, встречала злая вражда,
Мельканье лиц изможденных, сведенных в плаче
немом, —

Вот почему улыбки не знают мои уста,
Вот почему мои мысли сделались мне ярмом.
Когда же простер я руки к солнцу от горьких трав,
Мне цепью их захлестнули, швырнув меня в мрак густой.
Меня ограбили люди, ласку жизни украв,
Меня опоили люди злобы мертвой водой.
Ищу я себе подобных среди безучастной тьмы,
Ищу теряющих разум у бед в зачатом кругу.
— Придите ломать оковы, наложенные людьми!
— Придите! Горячку мщенья я в ваших сердцах
зажгу!

Восток накинул алый плащ на плечи,
 Вершины гор зарей освещены.
 Прощай, — мы скажем ночи; словно свечи,
 Уже лучи в ущелье внесены...
 Вставай, мой брат! Как хрупкое изделие,
 Рассветный блик играет под окном.
 Смотри, еще темна тропа в ущелье,
 Еще ручей и лес объаты сном...

192. ГОРОДА

Под томительным гнетом дворцовых громад,
 Под спесивым безмолвием стен крепостных, —
 Города! — всюду вход в ваш застенок и ад.
 Города! Кто укажет нам выход из них?
 В ваших идолах наглых — холодная кровь,
 Омывает вам цоколи злобы струя.
 Города! В ваших тюрьмах убита любовь, —
 Города! — изувечена песня моя...
 Ваших замков вертеп раззолочен и пьян,
 Видеть светлую даль из него не дано.
 Города! Мое сердце — на дне ваших ям!
 Города! Тщетно молит о солнце оно!
 Но всё ближе пришествие судного дня,
 О возмездии сдавленный голос хрипит.
 Города! И откроется ярость огня, —
 Города! — в тех воскресших, кто вами убит...

193

Братья, братья,
 Что могу
 Сделать я для вас?..
 У надломленной души будущего нет.
 В безответной немоте
 Всякий день и час
 Ваша боль и ваша скорбь
 Ей единый свет.

Без начала и конца плачет песнь моя,
Безотраднa и слаба, трепетно грустна.
Братья горькие мои, знаю, знаю я,
Что она, такая, вам вовсе не слышна.
Вам бы нужен клич трубы,
Барабанный бой,
А не тихие дары горя и любви. . .
В пламя
Общего костра
Я несу с собой
Только грезу,
Плач сердец, тонущих в крови.
Я беспомощен и слаб,
Силы нет во мне,
Однотонный мой напев от страданья рван.
Но ведь сердце у меня ради вас в огне,
Ранено, оголено и открыто вам! . .
Я, как смертники в тюрьме, перед вами нем,
Но распахнута моя раненая грудь.
Сердце жаркое мое отдаю вам всем,
На Голгофу
И на крест
Совершая путь.

〈ЗОЛОТАЯ ЦЕПЬ〉

1912 — 1919

194

Сад расцветает вновь.
Сердцем весну приму,
Сердцем чую любовь,
Любовь — не знаю к кому.
Пылом роз осиян,
Жжет трепет душу мою,
Брожу я, любовью пьян,
Брожу и пою, пою...

195

Опять я с тобой — и спокойно
Бездомное сердце стучит.
Защитой сму от обид
Ты служишь, с тобою не больно.

В наирском твоём языке,
В тончайшей его паутинке
Такие соринки, запинки —
Баюкаешь, как в гамаке.

Так ярки лучи твоих глаз,
Так тонки словесные сети —
Не помню, в который уж раз
В плену их очнусь на рассвете...

Дитя мое, ты как птица
 Над вешним простором луга.
 Пусть мимо тебя промчится
 Стрела, пусть мороз и вьюга
 Души твоей не остудят,
 Пусть крыл не коснется пламя,
 Нетронутым сердце будет
 Сиять, как звезда, над нами.
 Ты лилией белоснежной
 Цветешь на горе высокой,
 Так пусть красы безмятежной
 Дурное не встретит око!

1917

Я крепко спал. И вот —
 Я дверь во сне узрел.
 Над ней лазурный свод
 В столбах огня узрел.
 Узрел сады в цвету,
 И кипарис узрел,
 И ангела в саду,
 Стройней дерев, узрел.
 Две чаши я узрел:
 Вино кипело в них.
 И два копыа узрел,
 Два камня дорогих.
 Я грудь свою узрел
 В зиянье ран, в крови.
 Я палача узрел
 И молвил: «Умертви!»

Я не устал еще от песен и тревоги,
 Еще хочу любви и не пугаюсь бед.

Привет вам вновь и вновь, безвестные дороги!
Заря рассветная и полночь, вам привет!

Открыто, сердце, ты, открыто всей природе:
Мир — солнце, мир — гроза, а ты — прозрачный
ключ.

Еще опьянено ты тысячью мелодий,
Ликуешь ли, грустишь, — всё твой язык певуч!

Ты плачешь радостно, и грусть твоя простая
Несет забвение; всё сон и всё пройдет.
Открыто, сердце, ты, как лилия лесная,
И солнце жжет тебя, и буря грозно бьет.

1917

199

Осень, дни холодеют уже,
Ночь уходит в туман за рекою.
Сколько нежности ныне в душе,
Сколько в ней тишины и покоя!
Светлой грустью мой дух осенен,
Сердце сладкая боль наполняет:
Всё — ушедшие грезы и сон,
Осень золото наземь роняет. . .

200

Люблю я безумных, пропавших людей,
Лишенных и крова и радостных дней.

Люблю я бродяг и бездомных сирот,
И женщин порока у темных ворот.

Люблю тех, кто вызов бросает судьбе,
Кто ищет во мраке добычу себе.

Люблю тех, в чьем сердце любовь умерла,
Кто всеми отвержен за злые дела.

166

Ах, как бы хотел я стать другом тому,
Кто страждет в неволе, кто ввергнут в тюрьму!

Стать братом тому, кто в страданиях, в беде
Уж больше не верит надежде-звезде,

И с тем, кого некому больше жалеть,
Вот так, под забором, как он, умереть!..

201

Вернулась ты. И в сердце — грусть.
Как знать, что дальше будет!
Твой нежный чистый голос пусть
Воспоминанья будит.

Душа угасла. Рвется нить.
И в сердце — нетревожно...
Легко простить... А вот любить —
Теперь уж невозможно...

202. ПЕТЕРБУРГ

(Сонет)

Здесь туманы вокруг, тяжелы и мрачны.
Ледяные огни здесь бессильно дрожат.
О Нева, сколько тайн эти глубины хранят
Под змеиным изгибом бегущей волны!

И кровавых дворцов, что угрюмо темны,
Здесь в зловещем молчании вытянут ряд.
Бесконечные окна, насупясь, глядят,
Предвещаньем преступных деяний полны.

Небо в тучах сливается с темной землей.
Это небо, где даже звезда не встает,
Так глядит на тебя с безотрадных высот,

Что глаза опускаешь ты с тяжкой тоской.
Но чарует тебя, неотступно влечет
Поступь темных стихий, ужас ночи глухой.

1914

Я в мире счастья не ищу,
 Я не ропщу.
 Как все, страдаю, трепещу,
 Как все — грущу...

Кому молиться и зачем?
 О, вечный плен,
 Где я бездомен, слаб и нем
 Подобно всем...

Одно лишь спасение есть:
 Как боль ни томит,
 Любить, даже если не счесть
 Всех ран и обид...
 И радость одна только есть,
 И дар, может быть.
 Какая высокая честь —
 Страдать и любить...

Ту же песню поете, всё ту же
 Сколько лет! — сосчитать не берусь...
 Как завязан — бывает ли туже? —
 Ваш, о сердце и ветер, союз...

В этой песне рыдают, рыдают,
 И рыдание в небе парит...
 Твое сердце не так же ль страдает,
 Ветер, — в час, когда плачешь навзрыд?

Я простился с родиной моей
 И скитальцем обошел весь свет,
 Многоглавых встретил я людей,
 Видел много радостей и бед.
 До Китая я добрел в пыли,
 Видел птиц невиданных полет,
 Я дошел до рубежа земли
 И до рая огненных ворот.
 Сотни солнц всходили надо мной
 И терялись среди чужих земель.
 Видел лес я с огненной листвою,
 Солнечную видел колыбель.
 Ласковых и черных встретил фей,
 Чьи глаза таят огонь и зной,
 И других — как пенный вздох морей,
 Что манят, сверкая белизной...

О, всё дым, миражи пустоты,
 Пусть поток всё мчит в небытие!
 Нет мечты пленительней, чем ты,
 Имени прекрасней, чем твое.

Глядишь, улыбки не тая,
 Зовешь меня, влечешь меня,
 В грудь направляешь два копия,
 Двумя огнями жжешь меня.
 Пьянея от любви, «приди!» —
 Ты шепчешь мне, зовешь меня,
 Твой взгляд так нежен, — не гляди, —
 Бросает в жар и в дрожь меня.
 Как солнца черного лучи,
 Лучи волос — прожжешь меня.
 Нет слаще муки: мучь, топчи,
 Лаская, уничтожь меня!

Так грациозно, так легко, неслышно так шагаешь ты,
 Огнем зарницы далеко, рассеяв мрак, сверкаешь ты.
 Пугливой, быстрой ланью гор прочь от ловца
сбегаешь ты,
 Так нежно, опуская взор, томя сердца, ласкаешь ты.
 Любовь твоя всех бедствий злей, — о, не гляди! —
пугаешь ты,
 Как два копыя, концы бровей — о, пощади! —
сдвигаешь ты.
 Весь мир ты держишь под пятой, в пучину зла
ввергаешь ты, —
 О злое солнце, красотой меня дотла сжигаешь ты.

209. К ПАОЛО

Оставив родной Ереван,
 Иною мечтой увлечен,
 Направил ты за океан
 Свой путь, словно новый Язон.

Там песня Асо не слышна,
 Вдали от Наирі родной,
 Там с грохотом грозным волна
 Стремится на берег чужой.

У нас тополя здесь шумят,
 Манят и зовут тебя в Норк, —
 Ты бредом бессонным объят,
 В бреду твоём имя — «Нью-Йорк».

Иди же! Я благословил
 Тоску, зовущую вдаль.
 Но знаю, смирив твой пыл,
 Нахлынет на сердце печаль.

Напев наш печальный, родной
 Услышишь, поймешь вдалеке...
 — О, край покинутый мой! —
 Воскликнет душа в тоске.

Я сирота угрюмый
 В странах чужих,
 Раненный горькой думой
 Среде вихрей злых.
 Я не знаю покоя,
 Власти весла.
 Меня в бездомность изгоя
 Жизнь унесла.
 Дашь ли ночлег дорожный,
 Чуждая даль?
 На сердце страх тревожный,
 Смерть и печаль.
 В чуждой ночи метельной
 Я обречен
 Собственной колыбельной
 Звать к себе сон.

В мир чужой нас занесло,
 Бедных двух детей.
 Нас везде встречает зло,
 Зло, что нас сильней.
 Путеводные огни
 Канули в глуши.
 Мы одни, мы одни,
 Рядом — ни души...

1915

Всем нам здесь уготован
 Жребий скорби и бед.
 В этом мире суровом
 Нам не явится свет.
 Вечно нет у нас крова,
 Вечно матери нет.

В чужедальнюю эту
Мы попали тюрьму.
Мы кричим — нет ответа.
Мы взываем — к кому?
Кто нас выведет к свету?
Кто распутает тьму?

1915

213

Мы двое бедных детей,
Робких и бестелесных,
Не ждем добра от людей
В этих краях безвестных.
Игрушке ночных ветров,
Нам, двум листочкам сырм,
Среди запутанных троп
Не сладить с угрюмым миром.
И наши сердца грызет
Сиротских судеб тревога:
Кто же нас здесь спасет,
Ежели нету бога?..

1917

214

Мое жаркое солнце темнеет в тумане,
Погружаясь бессильно в кромешную тьму.
Но любовь твоя к сердцу спешит моему
И спасает во мгле — на пределе, на грани...
Точно мать, добротой бескрайней своей
Ты простила все промахи мне и паденья.
И на помощь спешила ты без промедленья,
Как к ребенку, — сквозь сумрак безрадостных
дней.
Как дитя свое малое — душу мою
Полюбила ты сразу в часы испытаний...

Словно солнце, пробила дорогу в тумане,
Что набросил на сердце мое кисею. . .
Неподдельным чеканом, печатью, тавром
Твое имя оттиснуто в сердце моем.

215

Пропала радость сердца моего,
Туман его окутал ядовитый,
Отравлена душа. . . И оттого
Грядущее черно, мечты убиты.

Безжалостен и страшен мир вокруг.
И — что любовь? Младенец несмышленный. . .
Зло — победитель, зло — неверный друг,
Бессильна грусть, беспомощен влюбленный.

И жизнь горька, и мы живем во мгле,
Бесцелен спор, сомненья бесполезны.
Насмешка — всё. Всё — лживо на земле.
Зло — сам господь, всесильный царь небесный.

216

Грустен мой дом,
Жребий суров.
Сердце, о ком
Плач твой и зов?
Спи. Погасил
Я твой порыв.
Всяк здесь без сил,
Всяк сиротлив.
Небо серо,
Зла не сбороть.
Где же добро?
Где же господь?

Приходят, как волны, дни
 И вновь уходят волной...
 Спи кротко, дитя, усни,
 Глубь мира — лишь пламень злой.

Лик неба навек погас,
 И горек земной простор.
 Лишь я берегу твой час,
 Спи кротко, лилия гор!

Спи, спи, мотылек, усни.
 Цвет крыльев твоих измят...
 Мы в дальнем плену одни...
 Лишь трепет сердечный свят...

Дум междоусобица
 Разум жжет вседневно.
 Дайте мне сподобиться
 Ясности душевной.
 Сердца дом разрушенный
 Ноет болью вязкой.
 Излечите душу мне
 Добротой и лаской.
 Дал обет несслуханный
 Муку несть как радость,
 Но в тюрьме безвыходной
 Сердце растерялось.
 И, во тьме затерянный,
 Пал я на дорогу.
 Никому не верю я
 И не знаю бога...

Из дальней страны своей,
 Белея средь темноты,
 Всех легче и всех светлей,
 Как призрак, приходишь ты.

И полнится грудь тоской,
 И в ней не унять огня,
 Когда, поманив рукой,
 Куда-то зовешь меня.

Зови же меня, зови,
 Объятыя свои раскрыв.
 Сильнее всего любви
 Колеблющий нас порыв.

Казалось, что так дзвно
 Всѣ кончилось, боль и страсть.
 Но, видно, еще дано
 К блаженной тоске припасть.

Веди меня в ту страну,
 Где буду с тобой вдвоем.
 К любимой руке прильну,
 Охвачен святым огнем.

Но кто-то, потупив взгляд,
 Мне шепчет в ночной тиши,
 Что вымысел — рай и ад
 И вечная жизнь души.

Сжигали тебя беспощадно
 Пустой суетой,
 Любовной тщетой
 И злобностью жадной.
 И вот, как ребенок открыт,

Выходишь ты снова
К ударам готовый...
Твоя незащищенность — твой щит...

О шкипер, отважный и мудрый,
Тебе я сдаю
Лодчонку свою —
Кораблик свой утлый.
Один только ты, капитан,
Недремлющий, строгий,
Все знаешь дороги
Сквозь этот крошечный туман...

221

В золотканой одежде явилась ты,
Грустноокая осень... В туманной мгле
Листья тихо падают с высоты
И шуршат, как шелк, скользя по земле.

Всепрощающе ясен, глубок твой взгляд,
Ты пленяешь таинственностью меня.
Тихой кротостью вздохи твои звучат, —
Колыбельная на исходе дня.

Солнцу гаснущему, и песне твоей,
И шуршанию, и грусти твоей — привет.
О любимое время души моей,
Моя нежная осень, закатный свет...

222

Видишь, как быстро проносятся дни,
Всё превращается в воспоминания.
Кто же теперь, опьяненный признанием,
Тонкий твой стан обнимает в тени?
Кто ж это, кто же внимает сейчас
Сладкому слову, любви твоей слову?

Кто же огонь свой смешал, околдован,
С блеском твоих обжигающих глаз?

Знал я январь ярче светлого мая,
Знал я весну в эти зимние дни...
Что ж мне осталось от счастья? Одни
Воспоминанья и горечь немая,
Жгучая горечь бессильным огнем
Тлеет в душе моей ночью и днем...

1917

223

Глазам твоим больше не верю я
И светлой музыке тихих слов,
Звучавшей, как лучшая песня твоя,
Лаская и нежа для легких снов.

Когда-то ты знала мои мечты,
Без слов читала в душе у меня.
А нынче всё стало «звуком пустым»,
И чистого не осталось огня.

А было ведь счастьем с тобою сидеть
И слушать, как речь твоя льется, легка.
О всем забывать, упиваясь, пьянеть...
Теперь только ложь да тупая тоска...

Иль, может быть, сам я в далеком краю
Истратил весь пыл свой во мраке ночей,
Отравую дней ранил душу свою,
Чужим возвратился для ясных очей...

224. ГАЗЕЛЛА

Дорогому Паоло Макинцян

Дни прошли, эти дни, для меня ничего не осталось.
Дуги радуг, огни да огни, — для меня ничего
не осталось.

Как весенних цветов лепестки и как чаши пылающих
роз,
Ветер всё разметал, о, взгляни! — для меня ничего
не осталось!

И меня кто любил, но кому я не отдал, не отдал души, —
Все исчезли, исчезли в тени, для меня ничего
не осталось.

И кого я любил, ах! любил — болью сердца,
безумьем моим
Опьянясь, отошли и они, для меня ничего не осталось!

И зима над моей головой, холодна, глубока и нема.
Ключ иссяк, не звени! не звени! ничего, ничего
не осталось.

1913

225

Опять спустилась ночь, опять! И снова
Ты — одинока, ты — обнажена.
Во власти ты смущения больного,
И страхом, страхом снова ты полна!

Как лист, встречая ветер предосенний,
Трепещешь ты, как стебель камыша,
Ты пред собой сама без сил, без охранений,
Ты пред собой сама — моя душа!

1913

И я вспомнил карету, что нас
 В ночь везла под дождем проливным,
 И журчание вкрадчивых фраз,
 И волос твоих сладостный дым.

Вспомнил сад под названием «Эдем»
 И твои поцелуи в саду,
 Как был счастлив я, счастлив и нем,
 У пылающих звезд на виду.

И прощание наше, когда,
 Друг на друга почти не взглянув,
 Мы расстались с тобой навсегда,
 Руки холодно лишь протянув.

Но мне видится издалека
 То свиданье, тот памятный час,
 Как одна золотая строка,
 Что повсюду преследует нас.

1914

227. ЭКСПРОМТ

Любимой Перчануш

Облаками по небу пусть плывут,
 Пусть уходят вдаль
 Слезы и печаль.
 Прояснится сердце, и свет зажгут
 Звезды там и тут...
 Будут вечно звезды души гореть
 Золотым огнем
 На пути твоём,
 Будут чистой радостью пламенеть,
 Пламенеть, не тлеть.
 Пусть, как солнце щедрое над землей,
 То, что гонит тьму,
 Дарит жизнь всему, —

Солнце доброе, дух бессмертный твой
Дарит всем покой.

1914

228

Если нет любви (о друг, внимли!)
В этом мире злом, — страдать зачем!
К лону темному припав земли,
Словно камень, я — пребуду нем.

Пусть холодная смеется твердь,
Пусть предастся мир — своей судьбе,
Если смысла нет — в тебе, о смерть,
Если некому — внимать мольбе!

1915

229

Пришла ты, нежная весна!
Всё расцветает на дворе.
Лаская, будишь ото сна
И в дали манишь на заре...
Ты в сердце слабом ожила,
Тепла, лазурна и нежна...
Ты ураганом унесла
Все тучи, нежная весна.
Опять в волнующую даль
Меня влечет твоя волна.
А в сердце светлая печаль:
Куда зовешь меня, весна?

180

1

Вся сотканная будто из огня,
Ты — роза алая, ты — свет, ты — пламя...
Нежна ты — озаренная лучами,
Вся сотканная будто из огня.
Огнем вооруженная — меня
Срази копьем, ожги меня очами, —
Вся сотканная будто из огня,
Ты — роза алая, ты — свет, ты — пламя.

2

Ты выпускаешь золотые стрелы,
И солнца горячей твои огни.
Я пред тобой — дрожащий лист в тени...
Ты выпускаешь золотые стрелы.
Ты — искорка, я — мотылек несмелый...
Ты — крылья солнца: как горят они!
Ты выпускаешь золотые стрелы,
И солнца горячей твои огни.

3

Пламенем горит твой взгляд бездонный,
Твой огонь — сжигает мой дотла.
В пламени душа поет, светла,
Пламенем горит твой взгляд бездонный.
И сгорел в моем огне бессонном
Твой огонь — и пламенеет мгла...
Пламенем горит твой взгляд бездонный,
Твой огонь сжигает мой дотла.

Легки и бесшумны твои шаги,
 И страшно пламя любви твоей!
 Не надо пощады мне, душу жги!
 Легки и бесшумны твои шаги.
 Лик твой сверкает во тьме ночей,
 Страсть в глубине твоих очей.
 Легки и бесшумны твои шаги.
 И страшно пламя любви твоей!

Никогда тебя не назову...
 Слишком темен этот пыльный мир...
 Имя милой — словно стоны лир...
 Никогда тебя не назову.
 Пал огонь твой на мою главу.
 Ты любовь моя и мой кумир.
 Никогда тебя не назову —
 Слишком темен этот пыльный мир.

Мое сердце молодо опять,
 Мое сердце снова влюблено.
 Песней-розой расцвело оно —
 Мое сердце молодо опять.
 В нем любовь затаена давно —
 Меч, вонзенный в грудь по рукоять...
 Мое сердце молодо опять,
 Мое сердце снова влюблено...

Так же, как и мадам Бовари,
 Ты горишь негасимой тревогой,
 Воспаленной, ревнивой и строгой, —
 Так же, как и мадам Бовари.

Всем огонь этот чужд... Но дороге
Не меняй: не чади, а гори...
Так же, как и мадам Бовари,
Ты полна негасимой тревогой.

8

Не столь богат персидский шах,
Как обездоленный поэт.
Таких сокровищ счастья нет
И у тебя, персидский шах.
Поэт богат в своих мечтах
В земной юдоли зол и бед.
Не столь богат персидский шах,
Как обездоленный поэт.

9

Точит сердце мое непрерывно
Старой песни печальный мотив.
Грусть, меня целиком захватив,
Точит сердце мое непрерывно.
Будто клятву, душевный порыв
Я забыл и рыдаю надрывно...
Точит сердце мое непрерывно
Старой песни печальный мотив.

10

Сегодня яр моя придет —
О сердце, радостью пылай!
Неповторимый, нежный май —
Сегодня яр моя придет.
Вчера еще — январь и лед,
Сегодня — май: не ад, а рай!
Сегодня яр моя придет —
О сердце, радостью пылай!

Никогда не была еще нежность такой
 Одержимой, безумной — вовек не бывала.
 Никогда еще сердце так не ревновало,
 Никогда не была еще нежность такой...
 Потому-то оно потеряло покой,
 Хоть спокойно оно — от тоски небывалой.
 Никогда не была еще нежность такой —
 Одержимой, безумной — вовек не бывала.

Я вовек своей Нвард изменять не намерен,
 Как бы ты ни пленяла меня, Шамирам.
 Как Прекрасный Ара, я любимой воздам,
 Я вовек своей Нвард изменять не намерен.
 Испытанья, соблазны — я ими проверен...
 Я любви своей предан — ее не предам!
 Я вовек своей Нвард изменять не намерен.
 Как бы ты ни пленяла меня, Шамирам.

Вспоминанья сердца моего,
 Нвард, именем твоим еще нежны,
 Добры — хоть май без роз и без весны —
 Воспоминанья сердца моего.
 Хоть тень легла и потускнели сны,
 Ни роз, ни грез не жду я — ничего,
 Воспоминанья сердца моего,
 Нвард, именем твоим еще нежны.

Ты звени, в твоём сердце — весна,
 Я ж с последней встречаюсь весною —
 С лихорадочной болью земною...
 Ты звени, в твоём сердце — весна.

Вернется вновь зима со стужей снежной,
И вслед за ней опять придет весна,
И вновь цветы откроют глазки нежно,
И не вернешься только ты одна.
Когда б он был, тот край иной на небе,
Куда ты унеслась бы в чистой неге,
Куда не достигал бы мрак могил,
Где сонмы душ, подобно звездам ранним,
Светились бы немеркнущим мерцаньем, —
Когда б он был, когда б он только был!..

3

Огонек... Ты его любила,
Он не гас, я его стерег...
Смерть стремительно подступила,
И не нужен стал огонек.

Я один в темноте рыдаю.
Что могу, что сделаю я?
Детка ты моя золотая,
Птичка, звездочка ты моя...

4

Благословенный херувим,
К нам в келью жалкую спустясь,
Хрустальным пением своим
Скорбящих обласкает нас.
Да, этот мир несправедлив,
Но есть забвенья в нем завет —
Настанет час, и, молчалив,
На души нам прольется свет...
Уйдем за грань земных минут,
И верю я, что, к нам слетя,
В объятья ангелы возьмут
Нас вместе, бедное дитя.

1918

249. ПОДРАЖАНИЕ

От всех обид кровоточит душа: не обижай, молю...
Чужим ты сердце отдала — отвергла ты любовь мою.

Не пожелала ты дышать безумием моей любви, —
Вновь душу бедную мою на боль и муку не зови!..

Осенний сумрак — жизнь моя. Душа изранена — уйди...
Уйди... Не надо... Уходи... Печали лед — в моей груди.

250

Ты Лейла, ты светлый сон, нежный утренний цветок.
Я Меджнун, я погребен, мой последний сон глубокий.

Ты ушла, моя Лейла, не вернешься никогда,
Впереди седая мгла — зим и весен череда.

Наша встреча длилась миг, полюбили я и ты,
Мне всегда сиял твой лик совершенной красоты.

Вечной сладостной мечтой наши души пленены,
Жили мы в дали одной, друг для друга рождены.

Робкий луч зари угас, вечер темен, словно смерть.
Обвенчали тайно нас ширь небес, земная твердь.

Ты ушла, сгустилась тьма, замер легкий шум шагов,
Но не властна смерть сама заглушить мой страстный
зов.

Я Меджнун, мой сон глубокий, и глуха гробницы сень,
Ты разбудишь крови ток, возвратишь мне светлый день.

Я услышу зов любви, как я жду, чтоб ты пришла!
О, вернись и позови, оживи меня, Лейла.

Разве вечера не жаль, Марго?
 Наконец-то мы наедине,
 И любовь тревожит душу мне,
 Но читаем мы «Сатирикон»...
 Разве вечера не жаль, Марго?

Погляди, Марго, он спит давно,
 Старикашка бедный, что при нас
 Был оставлен как строжайший глаз!..
 Я твой раб, распорядься мной!
 Погляди, Марго, он спит давно...

Ах, Марго, ведь вечер пролетит,
 Не оставит в жизни ни следа.
 Милая, останься навсегда
 Строчкой в книге, что душа творит...
 Ах, Марго, ведь вечер пролетит...

1917

Как вы изменились... Вы с грацией нежной
 Прогулки свершаете, словно принцесса...
 Осанка горда, взор невесел небрежный —
 Глядите презрительно, без интереса...

Но вы не лукавите, вы удивились,
 Когда вы меня повстречали случайно,
 И, вскрикнув, с любовью ко мне обратились —
 Для всех это было как некая тайна...

Иль проблеском жалким вы юность былую
 Доныне в душе сохранили украдкой?
 Иль жизнь надоевшую, душу пустую
 Прикрыть вы решили туманной загадкой?

Вы ныне — кумир, окруженный толпою,
 А я? Лишь прохожий, чья жизнь одинока,

С иною дорогой, с иною тоскою,
И вам и толпе этой чуждый глубоко...

Поклонников шумных покинув небрежно,
Со мною уходите вы иногда,
На «ты» обращаясь, браня меня нежно
И вдруг вспоминая былые года...

И маленький домик мне видится снова,
Уютная комнатка, солнечный день,
Прелестная девушка, доброе слово,
Такая веселая, милая тень...

Я жизнь безвозвратную вижу былую,
Ту сказку, что так далеко позади,
И той гимназистки одежду простую
И русую косу на юной груди...

253

Ах, звучит еще музыка та,
Вальс старинный, кадрили, полонез,
И в саду так нежна темнота,
Так призывно мерцанье небес...
Голос музыки так же глубок
И печален, и страстен, как ваш.
И валторна, свернувшись в клубок,
Навевает нам вальс, как мираж.
Дамы томно колышут тела,
Кавалеров ждет нынче успех,
И скрывает вечерняя мгла
Криворотого, зол его смех...

254

Всё тот же адрес у тебя,
Всё тот же твой отель «Париж».
Иная только скорбь моя:
Не тем живешь, не так грустишь!

В лавчонке всё без перемен
Под глупой вывеской, внизу,
Всё тот же вкрадчивый Верлен
Тобой затвержен наизусть. . .

Быть может, здесь, в твоём краю,
Нашел бы я, устав душой,
И радость лучшую свою,
И утешенье, и покой.

Но я уйду, себя кляня.
Зачем? В какой ещё туман?
Мой друг, сама же ты меня
Однажды назвала: «Цыган!»

1915

255. ПРИНЦЕССА
НА

Где-то в Бузулуке
Ты сидишь без сна.
Плохо нам в разлуке
Жить, принцесса На.

В городе туманном,
В дальней стороне,
В замке деревянном
Грезишь обо мне.

Не приду под утро
Постучаться в дверь.
Дотянуться трудно
До тебя теперь.

Где-то в Бузулуке
В дальней стороне

Протянула руки
Ты из тьмы ко мне.

Сыростью пахло
Утром из окна.
Так и не заснула
Ты, принцесса На...

1916

256

Черным, черным хочу обволочь
Я любовь — поплотней, поплотней...
Факел, факел задуть, чтобы ночь
Распростерлась над жизнью моей.

Я закроюсь, закроюсь, угрюм,
В своей келье — один, наяву,
В океане мечтаний и дум
В свет и тьму поплыву, поплыву.

По надежной росистой тропе
Ты пускайся, пускайся же в путь,
И еще незнакомым тебе
Пусть волнением полнится грудь...

Но когда возвратишься опять,
То, раскаясь, ко мне поспеши:
Я тогда тебя выйду встречать
Светом ризницы нежной души...

Но сейчас свою боль и беду
В тьму упрячу... Вокруг всё мертво...
Твоего возвращения жду —
Возрождения жду своего...

22 мая 1916

Сновидений красными свечами
 Освещен весь мой неспящий сад.
 Жду с надеждой днями и ночами,
 Что однажды ты придешь назад.

Как цветок, душа моя раскрылась,
 Лепестками путь устлала твой...
 Милая, скажи мне, сделай милость, —
 Долго ль ждать мне чаши круговой?

О моя звезда! В тоске безбрежной
 Как дожидаться мне шагов твоих!..
 Аромат души твоей безгрешной
 Вылечит мне сердце в тот же миг...

22 мая 1916

Знаю мир, знаю мир
 Сновидений и грез,
 Где душа в несказанном блаженстве
 Витает,
 Где среди ароматов
 Жасминов и роз,
 Вся в камнях драгоценных,
 Любовь обитает...

Я один знаю рай,
 Знаю рай, знаю сад,
 Где заботы и боль
 Никому не известны,
 Где томят поцелуи,
 Как сладостный яд,
 Где — как ветер — и нежность и страсть
 Бестелесны...

Я на крыльях души
 В этот сад голубой

Отнесу в своих грезах тебя
В одночасье,
Замок сказочный выстрою там,
И с тобой
Мы задремлем в безгрешном,
Нездешнем согласье...

23 мая 1916

259

Сияющих, радостных дней огневые
Лучи отгорели, ушли навсегда.
Восторги любви, поцелуи живые,
Как звуки капли, ушли навсегда.

Порою таким я бываю усталым,
Что даже и мучиться сил не найду.
Былого, грядущего — как не бывало,
Лишь властвует тьма и пророчит беду.

Я в келье своей закрываюсь отныне,
Дыханьем цветов я дышу, одинок...
И в сердце моем, в его темной пустыне,
Мерцает надежды моей огонек.

Колеблясь от ужаса, бурною ночью,
Как звездочка, путь моего корабля
Она освещает... И видит воочью
Ее мое сердце — корабль без руля...

260

Звезды теплились на небосклоне...
Ты сидела на темном балконе,
К деревянным перилам припав.
Было душно от скошенных трав.

Протянула мне слабую руку,
И, предчувствуя боль и разлуку,

193

Вспыхнул я и забылся на миг
И к устам твоим алым приник.

Помнишь ли невозвратный тот вечер?
Ты меня обхватила за плечи,
Как ребенка, меня обняла.
Нас накрыла вечерняя мгла.

О, как были милы мне и любви
Шея белая, алые губы.

24 мая 1916

261

Что осталось мне? Золотая сеть — больше ничего.
Жемчуг памяти — но куда надеть? — больше ничего.

Ночь — печаль и грусть, сирости тоска, лишь печаль
и грусть.
В сердце скорби гнет — что еще, ответь? — больше
ничего.

От сгоревших снов только пыль и прах, пепел и зола.
Имена от встреч? — и не вспомнишь ведь! — больше
ничего.

Над моей душой мрак — туман навис тяжкий и густой.
Свист в моем саду — ветер словно плеть: больше
ничего.

Ветер, вой и плачь и в саду пляши среди нагих
кустов,
Уноси всё прочь — да не будет впредь больше
ничего...

КОШАЧИЙ РАЙ

1917

262

Кто может Вас не полюбить
Безоговорочно и сразу?
О, как, сударыня, не быть
Послушным Вашему приказу?
Владея нежным колдовством,
Вы что-то знаете такое,
Чтоб сделать кесаря рабом
И палача лишить покоя.
Сумели лаской Вы согреть
Мой хмурый дух, мой дух увечный,
Как, о сударыня, не петь,
Не восхвалять Вас бесконечно?

1917

263

Легкой поступью, тихая,
Снова ко мне
Вы явились, как память
О сладостном дне.
Вы сказали, чтоб я Вас
Ласкал и любил.
В этот вечер Вы маленькой были,
Без сил.
Разве не был тогда я
Вам брата нежней?

195

Так покорно к груди Вы
Припали моей.
Ваши тонкие руки
Коснулись меня.
Мы сидели, обнявшись,
Вдвоем, без огня!..

1917

264

Тихо светится тайная грусть
В Ваших тонких и нежных руках,
И в улыбке наирских уст,
Когда Вы говорите «Терьян».
А уста Ваши так чисты,
Легок шаг, плавлен рук полет,
Всё далекое, все мечты,
Всё наирское в Вас поет...
Стоит Вам лишь глаза поднять —
Обжигаете блеском глаз.
Мне баюкать хочется Вас
И родною песней ласкать,
И в печальный и древний сказ
Вновь наирскую боль вплетать...

1917

265

Вы листаете старый какой-то роман
Так печально, как будто Вам виден обман.
Что за горе Вас мучит, какая тоска
Вашей юной душе так мила и близка?
Я люблю Вас, когда Вы, принцесса, во тьму
Устремляете взор, будто шлете тому,
Кто отсюда ушел, свой прощальный привет,
Будто Вы через даль расстояний и лет
Говорите со мной, будто я в Вашем сне
Сновиденье, — и Вы улыбаетесь мне,

196

Будто книги невидимой виден Вам шрифт,
В полусне, в полуяви печален Ваш вид.
Догорает в камине огонь, вьется дым,
Ах, как горько, как сладко сидеть перед ним. . .

266

Как тонки Ваши пальцы, милый друг,
Легки касанья Ваших узких рук,
И так спокоен, голубино чист
Ваш взор, что на себе ловлю я вдруг.
Я с Вами здесь встречаюсь, словно брат
С сестрой нежно любимую своей.
Баюкает меня Ваш тихий взгляд
При свете догорающих огней.
Любовь и страсть — всё так невинно в Вас.
Скромна улыбка Ваша и ясна.
Покоит, нежит в сумеречный час
Ваш милый голос, Ваша тишина.

267

Ваших нежных рук лилейных
И лучистых Ваших глаз
Пленник я благоговейный. . .

Вы безмолвно всякий раз
Шлете мне свою улыбку —
Я благословляю Вас. . .

Шлю благословенье зыбкой
Поступи, что без затей
Очаровывает гибкой

Грациозностью своей,
Обжигающей, как землю
Солнце, — может быть, сильнее. . .

Как земля — я всё приемлю. . .

197

С лицом задумчивым, печально
Приходите Вы всякий раз.
И каждый раз, как изначально,
Я трепетно встречаю Вас.

В саду сидите Вы в молчанье,
И прочь идете в тишине,
Послав улыбку на прощанье
И саду темному и мне.

Я преклоняюсь перед Вами,
Люблю — и это не секрет...
И, сердца сдерживая пламя,
Рвусь за улыбкой Вашей вслед.

И каждый раз Вас прямо к дому
Осмеливаюсь провожать,
И Вы на улице знакомой
Мне улыбаетесь опять...

С молчаньем Вашим я не спору
И холодности чту печать,
И не хочу я Ваше горе
Своей бедою возмущать.

Когда идете Вы, объаты
Тоской, не подымая глаз, —
Я знаю, пленница Вы чья-то,
Кто и в могиле любит Вас...

СТРАНА НАИРИ

1912 — 1919

Люблю отчизну я, но странною любовью!

М. Лермонтов

269

Как сын Лаэрта, мудрый Одиссей,
Оставивший когда-то край родимый,
Прошел я дали суши и морей,
Всему чужой, угрюмый, нелюдимый...

И вот, усталый, снова я бреду
В твоих полях, земля моя родная,
И древних скал приветствую гряды,
И хижины дремотные пугаю.

Сирен напевы было суждено
Мне услышать — я устоял пред ними;
Ведь сердце, как пшеничное зерно,
В немой тоске твое хранило имя...

В далеких странах, в городах чужих
С растерянной душой умел внимать я
Лишь звукам песен, с детства мне родных,
Ласкающих и нежных, как объятья.

И вот теперь, сжигаемый тоской,
Вернулся я, чтоб эти песнопенья
До самой смерти слышать над собой
И плакать, плакать в радостном волнении...

1916

Песни Армении слышу опять,
 Песни, что так на рыдания похожи.
 Их, чужеземец, тебе не понять,
 Их не поймешь, чужеземка, ты тоже.

Грустны, и скорбны, и горьки они,
 Однообразны, но так мелодичны,
 Сердцу, сожженному горем, сродни,
 Духу, сожженному болью, привычны.

Бедны деревни у нас, и везде
 Смуглые лица с печалью во взоре,
 Весь наш народ в безысходной беде,
 Вся наша жизнь — безысходное горе.

Как же нам в песнях своих не стонать,
 В песнях, что так на рыдания похожи?
 Их, чужеземец, тебе не понять,
 Их не поймешь, чужеземка, ты тоже.

1915

Спускается безжалостная ночь,
 А там взойдет заря, как смерть душна. . .
 Душа моя тоской опалена,
 Всё верит утру, гонит горе прочь.

Пусть ночь темна, и нет у бездны дна,
 И родине дышать уже невмочь,
 Сгущайся, мрак, ты бурю ей пророчь, —
 Гроза пробудит край мой ото сна.

А я, наследник всех былых веков,
 Сын гордый Наири, вперед иду. . .
 Не страшен мне тяжелый гнет оков, —
 Чем ночь темней, тем я упрямей жду:
 Восстань, страна родная, наконец!
 Тяжел, но свят судьбы твоей венец.

1917

Простерта родина моя в крови,
 Черна и бессловесна ночь печали
 Там, где звучали песни о любви,
 Где пахли розы и сердца пылали.
 Там что ни взгляд, то будто меч взвился,
 Там что ни мысль, то будто корка струпа,
 И в немоте глядят нагие трупы
 В безвольные пустые небеса.
 Проклятие над нами тяготеет —
 Как только наша древняя душа,
 Воспрянув, словно вешний луг, зардеет,
 Так тут же свищет лезвие, круша
 Заветный цвет, бесценный и обильный,
 Растерянный, поруганный, бессильный. . .

1917

Ты не горда, страна моя.
 Ты с мудростью печаль сплетаешь.
 Заветы давние тая,
 Ты огненной тоской пылаешь.

И разве не за скорбь твою
 Тебе любовь моя и радость?
 Как ты, и я покорно пью
 И горечь всю твою и сладость.

Люблю не славу светлых дней,
 Не наши древние сказанья, —
 Люблю я мир души твоей
 И песен тихие рыданья.

Люблю я бедный твой наряд,
 Тоской молитвенною болен,
 Огни неяркие из хат
 И звоны с грустных колоколен.

1915

Из мглы восходит призрак, с явью споря, —
 О Наири, печален образ твой!
 Где есть страна, в чьем сердце столько ж горя,
 И доблести, и доброты простой?
 Где так же к небу скалы вековые
 Простерты, словно руки при мольбе?
 Слова молитв — такие же простые,
 И та же радость вопреки судьбе?
 Где зло пронзает так же неустанно
 Сердца людские мстительным мечом?
 Где край, отмеченный такой же раной
 И столь же стойкий в мужестве своем?

1915

Я словно вернулся домой.
 Забытое снова живет:
 Опять ты сидишь предо мной,
 И старая прялка поет.
 И прежняя сказка жива,
 И прялка жужжит в забыти...
 Люблю я простые слова
 И слабые руки твои.
 Я слышу сквозь дрему рассказ,
 Приник я к коленям твоим,
 Я снова ребенок сейчас,
 Я райским покоем храним;
 Уж неба тускнеют края,
 Туман над рекою встает,
 Баюкает сказка твоя,
 И нежная прялка поет.

1915

Здесь мать склонялась надо мной,
Откинув полог колыбели.
В тоске глубокой и немой
Здесь детства годы пролетели.

Наш дом в молчанье погружен,
Один теперь я в скорбном мире.
Вечерний колокола звон
Рыдает о стране Наире.

Не породнишься ты со странной
Моей наирскою душой,
С ее роптаньем неустанным
И древнею ее тоской.

И надписи на древних плитах
Тебе не скажут ничего
О наших бедах забытых,
О днях народа моего.

Увы, душе твоей спокойной
Невнятен этот стон больной, —
Рыданье меди колокольной
Над умирающей страной.

И на пиру, за древней чашей,
Отведав алого вина,
Ты не поймешь, что кровью нашей
Та чаша до краев полна.

278. ВЯЧЕСЛАВУ ИВАНОВУ

Акростих

Воспевшему Преображение,
Я клятву дать тебе готов,

Что в мире среди иных садов
Есть лучший сад — моя Армения.
Смотри — он предан разорению,
Лишен и песен и цветов,
Алкает он твоих стихов,
Вещающих о Воскресении.

Истреблены ростки на пашне.
Взгляни, как наго и как страшно
Алеет кровь. Где мать? Где кров?
Не счесть на поле львят сраженных,
Огнится пепел роз сожженных,
Влекомый яростью ветров.

279

Ужель поэт последний я,
Певец последний в нашем мире?
Сон или смерть — та скорбь твоя,
О светлая страна Наири?

Во мгле, бездомный, я поник,
Томясь мечтой об осиянной,
И лишь твой царственный язык
Звучит молитвой неустанной.

Звучит, и светел, и глубок,
Жжет и наносит сердцу раны.
Что ярче: розы ли цветок,
Иль кровь из сердца, ток багряный?

И стонет в страхе мысль моя:
О, воссияй, мечта Наири!
Ужель поэт последний я,
Певец последний в нашем мире?

1913

Я помню, осень подошла
 Под золотым своим плащом.
 Пылал закат скупым огнем,
 И ближний холм одела мгла.

Мое село меж голых гор,
 Река в туманной пелене,
 Колокола, как в полусне,
 Звенят, поблек полей убор.

Из нашей хаты вышла мать,
 Ей теплых хочется лучей,
 Со мной присела у дверей
 И тихо, долго будет ждать.

Простой и трогательный вид,
 Она кротка и так стара...
 В закатном пламени гора.
 Печально колокол звенит.

1915

Как не любить тебя, родная, бедная,
 В скорби покорной страна опаленная,
 Снова мечам остроблещущим преданная,
 Ты — богородица, семь раз пронзенная!

Словно урок выполняя заученный,
 Жертва безвольная, всё отдавала ты.
 Ты не была ль непорочною мученицей,
 В крестном страдании кровию залита.

Душу, горящую пламенем, дарственно
 Ты без вины отдала за вселенную;
 Ты, величая, скромная, царственная,
 Смерть принимала и муку бессменную.

Время! Воспрянь! Жду пурпурно-горящую!
Ревность прими, как доспех, богатырскую,
Смело затепли во мраке таящую
Огнекрещеную душу наирскую!

1915

282. НАИРЯНКА

Мне наирянка улыбнулась тонкостанная,
Печальных глаз был прям и огнен верный взор,
И чист был пламень, как заря, из ночи данная,
Горел и жил открытый облик девы гор.

И там, где северно и сумрачно от холода,
Наирский день блеснул в душе, как солнце ал,
И в сердце роза, сердце огненно и молодо,
Оно горит и мне велит, чтоб не молчал.

Не петь нельзя мне непорочную и чистую,
Огонь поет, огонь-краса, я весь в огне,
Так солнце тучу разрезает дымно-мглистую,
Наирский край, высокий край весь виден мне.

1915

283. АРАРАТУ

Всплывший в небо, как дым,
В голубой дали своей,
Ты паришь, херувим,
Недоступный для людей.
Ты наирской души
Чистый и заветный клад,
Светоч в вечной тиши,
Горделивый Арарат.
Средь развалин ты наш
Нерушимый вертоград,
Неусыпнейший страж,
Светловерхий Арарат...

Я тебя не видал,
Но в душе ты как мечта,
Светлый мой идеал,
Пламенная высота.
Ты наш стяг-исполин,
Ты престол любви, стократ
Воскресенья долин
Ты порука, Арарат.
Ты нам крепость души,
Зорь грядущих благодать.
Так доколь нам, скажи,
Унижаться и страдать? . .

Этот горестный час
Белизною осеня,
Ты опора для нас,
Ставших пищею огня.
Укрепись, мой народ,
Верь, как верил много лет, —
Наше горе пройдет,
Смерти распятому нет.
Так возвьсь же наш дух,
Изнемогший от утрат,
Будь средь пепла разрух
Нашим сердцем, Арарат!

1915

284

Вот пас бы я стадо в глухой стороне,
А ты бы с кувшином спускалась к ручью,
И, встретив мой взгляд и улыбку мою,
Ты нежной улыбкой ответила б мне.
Потом бы к воде по тропинке сошла,
Обратно взошла бы, как легкая тень,
К шатру бы присела, в прохладную сень,
И мне из кувшина напиться дала.
Бродили бы мы по горам дотемна,
Смотрели, как меркнет вершин синева,
И вместе нашли бы простые слова,

207

Короткую клятву на все времена.
Потом ты ушла бы домой до утра,
И целую ночь я не мог бы уснуть,
Томилась душа, пламенела бы грудь
В объятиях гор, под навесом шатра.

285

Пастухи костер разожгли вдали,
Там, в ночных горах, о родная даль!
Все кричат, зовут. В голосах — печаль.
Пастухи костер развели вдали.
И душа летит к ним в родную даль.
Древний говор их — речь моей земли.
Пастухи костер разожгли вдали,
Там, в моих горах, о родная даль!

286

А там пастухи на свободных горах
Огонь развели и друг друга зовут.
Я узник, я пленник, покинутый тут...
А там пастухи на свободных горах...

Скитальцу, мне мирный неведом приют,
Во власти я чьей-то, я в чьих-то руках...
А там пастухи на свободных горах
Огонь развели и друг друга зовут...

287

Хорошо тому, кто спокойно спит,
Отчей кровлею огражден от бурь,
Не страшась огня и кровавых битв,
Кто, смеясь, глядит в ясную лазурь.
Хорошо тому, чей открытый путь
Далеко лежит, и широк и прям,
Кто сомненьями не терзает грудь,
Веря, как дитя, ласковым речам.

208

Хорошо тому, у кого есть мать,
Чтобы песни петь сыну вечерком,
Кто без страшных снов может почивать,
У кого сейчас мирный отчий дом.
Кто глядит вперед — смело ночи ждет,
Поутру встает — счастья не тая,
А умрет, когда смертный час придет, —
Хорошо тому, хорошо, друзья!
В терниях, в крови наш далекий путь,
Ужасов и бед нам не отогнать,
Лживой маской нас трудно обмануть,
Злобные враги нас хотят распять...
Холодно. Зима побелила тьму,
Горе и печаль на пути моем...
Хорошо тому, хорошо тому,
У кого есть дом, мирный отчий дом.

1912

288

Что осталось
В этой жизни у меня?
С бедным сердцем то же стало,
Что с отчизной в бездне горя и огня.

Что осталось?
Ночи долгие без сна,
В сердце — пепел и усталость,
Я — как ты, моя печальная страна.

289

Сердце замерло мое
От жестоких ран.
Дайте прежнее жильё
Сердцу наирян.
Дайте музыки простой
Ласковую тьму,
Песней родины святой
Плачьте по нему.

Где ты, светлое крыло,
Пылкая мечта?
Нынче кровью истекло
Сердце-сирота.
Сердце замерло мое
От жестоких ран.
Дайте прежнее жильё
Сердцу наирян.

290

Нынче там, в моей стране,
На далеких тех горах,
В полумертвой тишине
Правят темнота и страх.

Одинокий света сноп —
Путник, меряющий даль.
Тернием исколот лоб,
В лице — смертная печаль.

Негостеприимен стал
Этот край — угрюм и нищ.
Путник, ты не среди скал —
Ты средь горьких пепелищ.

Вьюги белые метут,
Причитают на бегу.
Что за розы здесь цветут?
Что за розы — на снегу? ..

Вестник света и любви,
Слезы горькие пролей.
Господи, благослови
Роды родины моей. . .

291

Я устал от бесчисленных книг.
Унесите меня, унесите
И от слов этих умных спасите.

Унесите в родные поля,
К нашим гордым отвесным отрогам,
К светлым нивам и тихим дорогам.

Унесите от тягостных дум,
Изо тьмы вездесущей и вечной,
К той поре моей детской, беспечной.

И спасите от зла и меча,
От разящего мудрого слова.
Возвратите в сень отчего крова...

292

Страна Наири, далекий мой сон.
Ты, нежной царице подобно, почила.
Ужель я баюкать тебя обречен,
Укрыть тебя в сумраке царской могилы?
К руинам твоим мне тянуться доколь,
Твой призрак ласкать вместо тела живого
И вместо святой твоей речи, сквозь боль,
Рыданье свое слышать снова и снова?

293

Мы не орды дикарей из чащоб густых —
Мы живем среди пепелищ древних и святых.

Знал наш светлый Арарат тысячи снегов.
Так же не нова для нас ненависть врагов.

Вавилон нам гибель нес, город-великан, —
Испарился Вавилон, словно злой туман.

Ассирийцы нам плели вервие для вый —
Стали пищей сорных трав стогны Ниневий.

В грозной кузнице веков выкован наш дух:
Много видели сердца пепла и разрух,

Много видела страна сеч и неудач —
Что ни книга — чаша слез, что ни песня — плач.

Мы в плену, но не рабы — гордые орлы.
Против кривды мы стена, против зла не злы.

Многим варварам во прах предстоит полечь —
Наша вечно будет жить царственная речь.

Не понять вам, впавшим в лень снулым чужакам, —
Каждый камень здесь святой, вся страна есть храм.

Ветры стадо пирамид истребят дотла,
Но страна моя сиять будет, как была.

Словно Феникс, из огня выйдет молодой,
В светлой славе и слепя очи красотой.

Полнись верою, душа, укрепись стократ,
Выстой гордо, как стоит светлый Арарат.

294

Алеют розы мои,
Алеют розы, пылая,
В Наири, в горящей костром стране,
И девушки, песнь запевая,
Несут вереницами радость весне...
Открылись раны мои,
Стали цветами Наири,
Горят они, жгут они, тело губя,
Как песни твои, Наири,
Как розы, Наири, — всё ради тебя...

295

Словно ладан, на сожженье
По крупнице до конца
Мы должны отдать сердца, —
В этом таинство рожденья.

Надо милосердным быть,
Горечь бед до дна измерить,

Надо бесконечно верить
И, горя в огне, любить. . .

Всех скорбей преодоление,
Вот она сама идет,
Воинство небес ведет
В наши темные селенья.

Светел новый Вифлеем.
Сердце, трепещи и веруй, —
Свет, сокрытый горней сферой,
Предстоит узнать нам всем.

Верю в светлое явление,
Верю в света торжество.
Да придет рождество
В наши темные селенья! . .

296

Когда я устану, вы в Гандзу меня отнесите,
Верните былое, всё, что не вернется, — верните!

С умершею матерью отдых найду я в гробнице,
Там будет усталому сон нескончаемый сниться.

Но даже сквозь сон буду слышать я голос
Унылые песни страны моей печальный —
многострадальной.

И тех, кто меня навестит, повстречают приветом
Две алые розы, из сердца проросшие — к свету. . .

297. ВАЛЕРИЮ БРЮСОВУ

Я с юношеских дней любил твой строгий стих,
Холодный, северный твой сдержанный язык,
И много в нем тепла я чувствовать привык
Под скрытым пламенем спокойных строк твоих.

Так в зелени долин, в родной моей стране,
Медлительный Аракс несет свою волну

213

Гляжу я в брезжущую даль
И вижу свет неугасимый.
Страна моя, в беде, в гоненье,
Уныньем сердца не печаль:
Настанет утро воскресенья!

⟨ПЕСНИ СВОБОДЫ⟩

1917 — 1919

300. ВОЗРОЖДЕНИЕ

Мы упрямо стоим и глядим друг на друга, —
Я и прошлого тень. Мы угрюмо стоим...
Мы друг другу навстречу идем без испуга,
И враждебно в глаза мы друг другу глядим.
В новый мир я вступил, всё отринул, что было,
Улыбается прошлое, окаменев,
А душа моя крылья широко раскрыла
И кричит: «Я воскресла, тебя одолев!»

301

Знамя свободы,
Пою я тебя!
Снова воскресла
Душа-сирота,
Как буревестник,
Ликует, любя,
И торжествует,
Легка и чиста.

302

От сна, на смерть похожего, воскресла
Моя душа... Жизнь осенил мою
Пылающий, как кровь, огонь небесный:
Свободы знамя — я тебя пою.

216

В дни безутешных слез и тяжких стонов
На жизнь мою без цели, без дорог —
Сошел огонь горящий, воспаленный
И — свет в душе зажег. . .

303

Железным шагом вошла —
И страны дрожат окрест.
В сияние мир облекла.
Прими этот алый блеск!
Как звезды судного дня,
Осколки древних корон
Летят, и в бездну огня
За тронем рушится трон.

304

Восстань, демократия!
В радостном буйстве шуми!
Выйди из темных лачуг!
Бурей ночной прогреми!
Город наполни твоей
Шумной людской толпой.
Выйди из улиц глухих,
Выйди
Из узких дворов!
Это поток огневой
Город наполнил твой!
Возгласы, клики, зов. . .
Всё сокруши и смой!

305

Разрушайте безжалостно каждым ударом,
Одряхлевшего мира крушите устои!
Не оставьте и камня на камне! Пожарам
И ликующей смерти предайте бывшее!
Пусть угрюмые тюрьмы обрушатся разом,

217

Пусть, гремя, разлетятся последние цепи,
Что томили когда-то и душу и разум!
Сокрушительной бурей промчитесь в веках,
Этот мерзостный мир до конца уничтожьте,
Обратите во прах!

306

Пусть танки враг ведет на нас
И темнокожих рать ведет,
С кривыми саблями идут,
Полками мрачными идут,
Пускай идут!

Их здесь огонь смертельный ждет.
Пред нашим стягом враг падет,
Мы — факел, что разгонит мрак,
Мы — осиянный мира стяг!
Пускай идут!
Пускай идут!
Пускай идут!

307

Среди житейской суеты
Я верю пламенно в тебя.
Безмерно ближнего любя,
Горишь душой высокой ты!
Лишь ты один в стенах тюрьмы,
Что мы зовем страной своей,
Провидишь дальний блеск огней
И край, где не бывает тьмы!
И в мире горя и невзгод,
В теченье пасмурных годин
Ты возвещаешь нам один
Свободы радостный приход!

218

Мое небо открыто
 Настежь — море огней!
 Мои взоры омыты
 Счастьем вешних лучей.
 Светят золотом воды
 И звенят в тишине. . .
 Льется синь с небосвода, —
 Крылья, крылья бы мне! . .

309. ПРОБУЖДЕНИЕ

Герои-мученики, ваши тени,
 Багряные следы в камнях земли,
 Прогнали толпы жалких вожделений
 И для меня иной маяк зажгли.
 И снова я душою тверд и прочен,
 В камня боль ее превращена.
 Да будут вечно славны имена
 Несущих весть о свете в страхи ночи.
 — Да, у кумиров добрых мы в кругу.
 — Но, бог живой, к тебе, к тебе взываю.
 — Я без тебя томлюсь и изнываю.
 — Кумирам добрым верить не могу.

310. ПЕСНЯ РАБОЧИХ

На братский ликующий зов в ответ
 Откликнулись звонкою песней дали.
 Сегодня последняя ночь печали, —
 Мы темному миру приносим свет.

Бродила нужда по пустым домам,
 И ползало черной змеей страданье. . .
 Несем мы не жалобы, не рыданья —
 Мы весть о свободе несем друзьям.

Мы будим уснувшего: не дремли,
 Ты слышишь набат последнего гнева?!

Воспряньте под радостный гром запева
Вы, вечные труженики земли!

За новое дело, друзья, скорей!
Трубите же, трубы, ликуй, природа,
Зарею багряною восхода.
Красное знамя, свободно рей!

311

В пустыне одиночества когда-то
Я остывал душой, но как-то раз
Мне грудь оледеневшую потряс
Призывный звон далекого набата.
Огонь прожег меня, взыграла кровь, —
Взволнованный, я в мир вернулся вновь.
Всё в нем шумело, грохотало, пело,
Последнее сраженье в нем кипело.
И засверкала песнь навстречу мне.
Привет вам, о спасительные звоны,
Шум новой жизни, в схватке зарожденной,
И утро, восходящее в огне!

312. НОКТЮРН

Небеса и земля спят спокойно ночью порой.
Но не можешь уснуть ты — и взора с тебя не свожу я...
— Спи, моя дорогая, глаза поскорее закрой...
— Золотую волшебную сказку тебе расскажу я...

С гор далеких доносится голос... Во тьме неживой
Лязгу тяжких цепей он подобен, и звук его длится.
— Этой ночи глухой и таинственной он — часовой.
— Спи, моя дорогая, усни, чтоб суметь пробудиться.

Скоро, верь, прозвучат барабаны и трубы — и в путь
Позовут они всех — и рассеется мрак, уходя...
— Спи, забудь о терзаннях своих, о мученьях
забудь...
— Я тебя разбудю, спи спокойно, моя дорогая...

313. ГАЗЕЛЛА ЛИКОВАНИЯ

*Посвящаю бессмертной памяти незабвенного
Степана Шаумяна*

Сердце твое — жертвенный свет — храни горящим!
Сердце твое — пламя побед — храни горящим!

Сердце горит, его огонь храни горящим!
Радость — твой щит, сердца завет — храни горящим!

Факел во мраке черных ночей — храни горящим!
Алых знамен пламенный цвет — храни горящим!

Вблизи, вдали родной земли — храни горящим!
Сердца обет, розы привет — храни горящим!

Взойдешь на костер — пламя его храни горящим!
Сердце-солнце без счета лет храни горящим!

1919

314

Века, века уйдут в небытие,
Но имя благородное твое —
В веках останется оно,
Сердца, как старое вино,
Мечтой свободы вдохновит,
Путь поколениям озарит.

Твое живое имя, словно стяг,
Как огне-алое полотнище в руках,
Как символ истины, народ
Над пробужденным миром понесет.

1919

РАЗНЫЕ СТИХОТВОРЕНИЯ

1913 — 1919

315

Над книгами старинными склоненный,
К весны приходу не был я готов,
Не чуял сердцем и немым и сонным,
Как раскрывались чашечки цветов.

Луч солнечный не мог проникнуть в келью,
Не долетал весенних песен звук.
Твой смех журчащий мне вернул веселье, —
Как песня мая, ты явилась вдруг.

Как долго я в той темной келье прожил,
Как я устал от мудрых слов и книг, —
Твоя улыбка мне всего дороже,
Ты — радости живительный родник!

Всех мрачных книг и всех наук мудрее
Твой поцелуй, — так счастлив я с тобой!
Твои объятия мне стократ милее,
Чем Вольф и Бопп и чем Гумбольдт любой!

1913

316

В бездомную жизнь, в унылый мой день,
Огонь и беда, вы не раз придете,
Покуда моя воскресшая тень
Не выйдет из пепла сгоревшей плоти,

222

Покуда не сгинет сумрачный вихрь,
Покуда не смолкнет подсказка злая,
Чтоб я из пальцев своих живых
Поэзию в мир источал, пылая.
Ну что ж, приходите. Сердце вас ждет.
Невестой, дрожа в счастливой боязни
Пред брачным ложем, душа идет
В безбрежном восторге на муки казни. . .

1915

317

К маю бежит речка недель
К новым цветам пастбищ и нив,
И о любви всхлипнет мотив,
Нежен и тих, как колыбель.
Ах, сколько вдов, роясь в золе,
Ах, сколько дев, ждавших не час,
Будут всю жизнь плакать по вас,
Без песни той в спелой земле
Лечащих сном душ своих стон
Возле дорог, за краем сел,
Где вас ручей, шурясь, завел,
Опекунов и плугарей,
В низенький дом с кровлей-крестом,
В кладезей тишь, в рокот морей.

1913—1916

318

Раскрываются в эту ночь
Розы — раны в сердце моем. . .
Не спеши, свет бывшего, прочь,
Подари моим песням дом. . .

В эту ночь я свой край родной
Обойду тропую мечты.
Сердце, сердце, с кем рвешься в бой?
С кем соперничать хочешь ты?

Наших гор чиста белизна
В эту пору, пору зимы.
Сердце, сердце, а ты без сна
И без крова чахнешь средь тьмы...

А меня земляки мои
Поминают там или нет?
Сердце, сердце, боль затаи,
Чтобы жалоб не слышал свет...

1913—1916

319

Октябрь холодный стонет у порога.
В ночи моей — удары урагана.
Всё тщетно, всё бессильно и убого.
Кружат воспоминанья неустанно.

Скрежещет ветер, листья разметая.
Страну спалил какой-то луч горячий.
И вместо сада — лишь земля нагая,
И вместо песни — безутешность плача.

Отравлены мои воспоминанья.
Добыча темных дум, душа бессонна.
В ночи моей — лишь ветра завыванья.
О сердце, темнота твоя бездонна.

1916

320. ВОСПОМИНАНИЯ О ЛАЗАРЕВСКОМ ИНСТИТУТЕ

Иных уж нет, а те далече...

Пушкин

1

Когда безотрадные думы гнетут
И грусть поселяется в сердце моем,
Родной вспоминается мне институт,

Как блудному сыну отеческий дом.
Та светлая жизнь раскрывается вновь,
Когда бушевал в наших душах пожар,
Когда пламенела и пенилась кровь,
Огонь иссекал каждый сердца удар.
И каждая дума мечтою была,
И каждый порыв добела был нагрет,
И даль нас из темного мира звала
К тому, чему нет и названия, нет...

2

Вот узкий припомнился мне коридор:
В окно пробивается сонный рассвет,
Веселые игры, и мыслей простор,
И звук то спокойных, то страстных бесед.
Наш старый, родной, полутемный приют
Встает предо мной, как в сверкающем сне,
Волненья, надежды и грезы растут
В душе моей, всё еще близкие мне.
Всё злое, обид и измен острота
Уходит, как мгла предрассветная с гор,
Душа раскрывается, снова чиста, —
Очищена накипь и выметен сор.

3

Кузьма, наш любимый добряк старичок,
Рассказ заводил бесконечный о том,
Как жребий крестьян крепостных был жесток,
О грозной войне, о тяжелом былом.
Нам слушать его приходилось не раз,
И мы, чтоб прервать поскорей старика,
Его вовлекали в игру. Расшались,
Бывало, окружим, повалим подчас,
И тут же, не медля, даем мы стрелка.
Он резв не по возрасту был своему,
Включаясь в мальчишеское озорство...
Бывало, преследовали мы Кузьму
До самой подвальной каморки его.

Как цербер, бессменно стоял у дверей
 Михайло, по виду серьезен, суров.
 Бывало, он косится, тучи грозней,
 И вдруг улыбнется в щетину усов.
 Увлечшись затеями нашими сам,
 Как гаркнет: «Бегите, вот я вас сейчас!»
 И страшно как будто и весело нам,
 Бежим врассыпную мы с хохотом в класс.
 Как войско в беде, составляем потом
 Отряд боевой, партизанский. И вот
 Из темных углов совершаем налет,
 Мир шумом наполнив, в атаку идем.

А вот наш почтенный и строгий Денис.
 Любил наставлять он на истинный путь.
 Со старческой скорбью минувшие дни
 Любил в нашем шумном кругу помянуть.
 И нас с похвалою когда-нибудь ты
 Припомнишь, как тех — разлетевшихся вдруг.
 Улыбка смягчала сухие черты. . .
 Спи с миром, наш старый придирчивый друг!
 Вот ветреный и простодушный Максим,
 Вот хитрый «Японец», большой дипломат,
 Вот замкнутый Влас, у окна, недвижим. . .
 Знакомых, разбуженных образов ряд.

Хлеб черный жуя, каланча Иванов
 Размеренным шагом свершает обход.
 Как призрак, без тени улыбки, без слов,
 В нас ужас вселяя, по классам идет.
 «Вошь» низенький, рыжий. . . Свирепый Базиль. . .
 Приходят, уходят один за другим.
 Вновь слышу их, вижу их лица вблизи. . .
 Стал в памяти я к их злодействам терпим.
 Как будто теперь благодужней их вид. . .

Воде нам обратно отдать суждено
Водой принесенное, — плесень умчит,
А золото прочно осядет на дно.

7

По имени вас всех запомнил я.
Вы по миру рассеялись давно,
Товарищи старинные, друзья,
Здесь братство было нам в удел дано.
«Иных уж нет, а те далече. . .» Всё ж
Вас вместе всех в душе своей храню.
Вам шлю привет. Пусть будет светлым сплошь
Ваш путь навстречу солнечному дню.
Пусть жизнь, как поле грозное боев,
На подвиг вас священный призовет.
Сердца откройте, чтоб услышать зов,
Пусть ясный свет к вам в души снизойдет.

(1917)

321

В горах живу я не один!
Цветы по склонам. Облака.
И золотой туман вершин
Меня касается слегка.
Заря пылает. В полдень — зной.
Благоухает там трава.
Тень расстилая, надо мной
Шуршит прохладная листва.
О птицы гор, о розы гор,
Со мною неразлучны вы.
И сердце радуют простор
И глубь небесной синевы.
Внизу луга и тишина,
И восходящую луной
Моя душа оьянена,
Рассеян грустный сон ночной.

(1917)

322. МОЛИТВА

Посвящается отцу

Любви проповедник! Сегодня я вновь
Взываю к тебе с бесконечной тоской.
Явись, беспечальный, чтоб снова любовь
Усталой душе даровала покой!
Пусть твой всепрощающий взор озарит
Мир темный страданий и горестных пут, —
Так с ясного неба, где солнце горит,
На землю лучи золотые текут.
Надежды покинули сердце, ушли,
Сомнения душу окутали тьмой, —
К тебе я взываю с остывшей земли:
«Явись! Раздели мое горе со мной!
О ты, беспечальный и кроткий, явись мне скорей,
Утешь мое сердце любовью бессмертной своей!»
(1917)

323

Огненное солнце нив безбрежность
Поливает золотом лучей:
— Сердце, сохрани, как нивы, щедрость,
Словно солнце, ярко пламеней!

В холоде осеннего тумана
Светится озер прозрачных даль, —
Ты храни надежду неустанно,
Светлую, незлобную печаль. . .

Время бед и горя пронесется,
Радость лучезарная придет,
Жизнь, развеяв сумрак, улыбнется,
Солнцем над отчизною сверкнет!
(1917)

Огнем — я верю! — наши души полны,
В них тихий свет, он спорит с темнотою. . .
И вскроется, быть может, мир безмолвный.

Благословим, что мучит, что тревожит,
С покорностью всё примем, — и другой
Всю нашу боль почувствует, быть может. . .

1917

327

Песнями сердце полно́,
Но больше не буду петь.
Мне, сирому, суждено
Молча терпеть.

Вам речь невнятна моя,
На лету, на бегу
Лютым пламенем я
Сам себя жгу.

Что в пропастях, в глубине,
Я, одинокий, смог
Очистить сердце в огне,
Вам невдомек. . .

И не постигнете вы,
Ступив на выжженный круг,
Грез моих и любви,
Жертвы и мук. . .

1917

328

Для всех народов день уже сияет новый,
А над отчизной ночь по-прежнему темна.
Над родиной моей всё тот же мрак суровый. . .
Живые силы! Вам пора восстать от сна!

1917

Ночью сядешь у огня,
 Горестью томима.
 Тихо позовешь меня —
 Я приду незримо.
 Посветлеет небосвод —
 Стану тихой тенью.
 Вновь любовь к тебе придет,
 Вновь придет смятенье.
 Медленно к реке пойдешь.
 Там, в низу ущелья,
 Ты найдешь меня, найдешь
 В ледяной постели.
 И прильнешь ко мне ты вновь,
 И обнимешь нежно.
 Будет сладкою любовь,
 Вечной, безмятежной. . .

1917

330. ГАЗЕЛЛА ПРОЩАНИЯ

С любовью и грустью и ночью и днем я говорю:
прощайте!
 И солнцу и пламени в сердце моем я говорю: прощайте!
 Прощайте, — я добрым и злым говорю, ко всем
обращаясь людям,
 Страдальцам и сиротам в роде людском я говорю:
прощайте!
 Прощайте, — друзьям я своим говорю — далеким
друзьям и близким,
 Врагам, что не дремлют, охвачены злом, я говорю:
прощайте!
 Небесному ветру, зеленым волнам, лесам дремучим
и темным,
 Лучам, что на тучку упали снопом, я говорю: прощайте!

И цепи жемчужной мечтаний моих, и ночи моей,
и страданиям,
И птице, что в поле поет золотом, я говорю: прощайте!
Еще не успевшим раскрыться цветам, еще не сожженным
душам,
И детям, чей гомон не молкнет кругом, я говорю:
прощайте!
В далекий и темный я мир ухожу, уже не вернусь
оттуда, —
Меня вы в сердцах поминайте добром — я говорю:
прощайте!

1917

331

Снег прядет — за нитью нить. . .
Сладостно к исходу дня
В теплом доме без огня
О минувшем говорить. . .

И, не разнимая рук,
Так сидеть, сидеть без сна,
Не заметив, как луна
Солнцем обернулась вдруг.

Пропустить начало дня
И в блаженном забытьи
Слушать лишь слова твои —
Слаще песни для меня!

1917

332

Не шут на потеху людям, не редких слов ювелир —
Ты рыцарь света, что свыше послан был в этот мир.

И должен ты быть провидцем и в жертву себя принесть,
Взойдя не рабом — героем на костер и на крест.

Сердцем ожги, как углем, реки — как ножом ударь,
Как сирота, повинуйся, и будь горделив, как царь.

Сердце открой любому, кто встретится на пути,
Пылай, как пылает факел, всегда и везде свети.

Свети не во тьму ночную — в сует каждодневных тьму,
Прими, как высшее благо, страданье и смерть саму.

1919

333

Так было радостно, светло
Мое искусство — дар заветный.
А жить так было тяжело,
Так неприятно, беспросветно.

Я душу миру открывал,
Я верил в святость вдохновенья,
Мне был неведом дух сомненья,
На жребий свой я уповал.

1919

334

О, почему я не угас
В те дни, когда душа пылала,
Шум будней не мешал нисколько
И бытия был внятн глас. . .

1919

Пьян, пьян я, томит меня хмель,
 Беспечный, сползаю на дно.
 Кружи нас, корчма-карусель,
 Баюкай, баюкай, вино!

Пусть злой меня жребий настиг,
 Бездомный, сражен я, сражен,
 Всё ж бьется в горячке мой стих.
 О, длись, этот сон, этот сон. . .

Мне сладко в соседстве твоём,
 Жеманную слушаю речь;
 Пусть грудь полыхает огнем
 И жизни уже не сберечь.

Мы пляшем под пьяный галдеж,
 Как духи скользим меж планет. . .
 А завтра в газете прочтешь:
 «Безвременно умер поэт. . .»

Ноябрь 1919

Тень матери моей явилась
 К моей постели в час ночной
 И, ворожа мне сон, склонилась
 Над сыном с лаской неземной.

И я рыдал во тьме полночной,
 Ее потерянный росток,
 Когда рукою непорочной
 Она моих касалась щек.

И до утра меня ласкала
 Та тень, покорная ночам,
 И жалобам моим внимала
 И лихорадочным речам.

Она за сына помолилась,
Благословив мой крестный путь,
И сердце миру вновь открылось,
Забыв, что жаждало уснуть.

И снова день настал жестокий,
В чужую даль я взор вперил,
Пловец невольный, одинокий,
Лишенный весел и ветрил.

Но я обрел завет священный,
Неложный талисман, и пусть
Душа счастливо и смиренно
Теперь примет боль и грусть. . .

337

Солнце спускается в море,
Чтобы пропасть без следа.
Ветер несется с предгорий,
В небе сверкнула звезда.

Вечер спускается черный,
А на востоке, вдали,
Облако грезит о чем-то,
Всё в золотистой пыли.

Грусть моя облаком реет,
Грезит, стремится в полет,
Вспомнив тебя — пламенеет,
Слезы горячие льет.

338

Моя душа — бродячая собака:
И ночь вокруг, и осень, и печаль. . .
И смерть в глазах, и ожиданье знака,
Боязнь удара, бездорожье мрака —
Она плетется, убегает вдаль. . .

О, где найдет она себе приют?
Где упадет от мук и униженья?
Везде пинают, гонят, топчут, бьют. . .
Под чьей стеной она в изнеможенье
Должна угаснуть полночью осенней?

339

Снова дождь, и в каморке моей
Всё прохладней от темных дождей,
Но люблю эту сырость и мрак,
Песня плачет надломленно так
С одинокой душой заодно.
Сонный дождик стучится в окно. . .

И я чувствую вдруг до конца,
Как томятся земные сердца,
Как среди этих стен и темниц
На бездомных похожи мы птиц,
Переломанным машем крылом
В этом мире, чужом и сыром. . .

340

Стонет сердце надсадно, надрывно —
Так, ноябрь, как твой ветер бездомный,
Плачет сердце мое непрерывно,
Будто тесен ему мир огромный,
Будто нет ни добра, ни покоя,
Будто все ему делают больно, —
Словно ветер, объятый тоскою. . .
Успокойтесь — довольно, довольно!

341

Как я жарко молю, чтобы кто-то проник
Сквозь затворы и ставни в мой вымерший дом!
— Кто-то должен прийти, словно тень, словно блик,
Прикоснуться ко мне и исчезнуть потом. . .
Как я жарко молю, чтобы, пав мне на грудь,

Кто-то сладким рыданием боль утолил!
— Кто-то должен прийти и прохладой дохнуть,
И застыть, как кресты у безмолвных могил. . .
Неужель ни одной не найдется души,
Ни одной неприкаянной тени людской,
Чтоб найти меня в этой бесцветной тиши
И помочь мне распутать мой сон колдовской? .

342

В мир моей черной маеты, о радость сердца моего,
Так просто потянулась ты, о радость сердца моего.
Ты так восторженна была, самоотверженна была,
С тобой пути у нас слиты, о радость сердца моего.
Ты мне решилась сострадать, о радость сердца моего.
В ответ не мог я радость дать, о радость сердца моего.
Но ты, войдя в мой дом пустой, мне стала любящей
сестрой,
Мне матерью сумела стать, о радость сердца моего.
Благословляю я тебя, тебе молюсь, пою, любя.
Мой свет душевный сохраня, ты стала жрицею огня,
Навек пленившего меня, о радость сердца моего.

343

Из поездки вернулись Вы дальней
Утомленной, бледной, печальной,
Я взглянул — сердце всё позабыло,
Позабыло всё — и простило.

Вижу, ниточки, серебристы,
В Вашей пышной блестят прическе,
И на лбу Вашем, гордом и чистом,
Пролегли две морщинки четко.

И Вы знаете это. . . Не это ль
Дарит привкус горечи зыбкой
Беззаботной когда-то и светлой,
А теперь уже грустной улыбке?

Словно Вам неловко порою,
И виновны Вы предо мною,
И пленительно так мгновенье —
Ваших милых черт озаренье. . .

344

О, сколько пыла, сколько роз
Остыло даром, сколько слез
Счастливых высохло и гроз
Вдали от нас прошло.
О, сколько нежных, как напев,
Желаний, сердцем овладев,
Чистейших лилий, не успев
Раскрыться, отцвело. . .

345

Не смотри на цветы с любовью.
Кровь на розах — пойми же ты!
Не земля ли питает цветы? . .
А земля вся пропитана кровью.

Запах боли и смерти роздан
Лепесткам на колючих кустах. . .
Крови нет лишь в небесных цветах,
В ясных звездах — люби же звезды.

346

Отныне я дом открываю свой,
Отныне свою открываю грудь
Для всех, кто забыл про сон и покой,
Для всех, кто ищет во мраке путь,
Кто страждет душой, обманут в былом,
Горячей печалью испепелен,
Кто так же, как я, бессилен пред злом,
Несчастен, унижен и оскорблен,
Слова мои вам маяком горят,

Хоть я, как и вы, не знаю дорог,
Я верный ваш брат, безоружный брат,
Я так же несчастен и одинок.
Всегда и везде я для вас открыт,
Безмерна любовь моя и сильна,
А только любовь одна охранит,
И даст исцеленье она одна. . .

347

Я выйду, а ветер ползет вдоль земли,
И темные тени на землю легли.
Во мраке огни золотые зажгли. . .
И сумрак на сердце, и сумрак — вдали.
Мерцают огни в золотистой пыли.

О сердце мое, ты окутано мглой,
И ветер рыдает всю ночь над тобой.
Огни золотые в пыли золотой
Привет посылают печальный, немой
Тебе, мое сердце, одетое мглой.

Никто в моем горе помочь бы не мог.
И горе глубоко, и сумрак глубок.
О сердце, больное дитя, мотылек,
Полет твой беспомощен и одинок,
А мир, словно пламя, горяч и жесток. . .

348

Улицы тихо дремота объяла.
Спят и дворец, и простая лачуга.
Только один всё брожу я устало,
Словно иду я по кругу. . .

Слышу, от боли страна моя стонет.
Сердце тебя призывает, о боже!
Кто это в сумраке уличном тонет,
Кто это плачет, о, кто же?

Это ведь сам я бреду среди ночи,
Сам над собою, отверженным, плачу.
И фонарей засыпающих очи
Взгляд мне свой дарят незрячий.

Женщина, тенью скользнув бледнолицей,
Взглядом меня поманила — и мимо. . .
Боль моя, как от тебя излечиться,
Если ты неизлечима?

349

Кричите вы, ликуя невпопад,
Но в тот восторг не верит сердце, нет!
Он грудь мою гнетет, как тайный яд,
И ваша радость — словно вестник бед.
Кто в дни невзгод отчизну защитит?
Кто нашу скорбь поймет и объяснит?

350

О муза горькая моя, с тех пор,
Как с песней ты к душе моей прильнула,
Безмолвно глядя в брезжущий простор,
Я прохожу среди людского гула.
Но вот сегодня вновь услышал я
Крик узников, летящий из темницы,
И дрогнула опять душа моя,
Подстреленною заметалась птицей. . .
Опять, опять они зовут меня.
Нет, я не пленник грустной непогоды. . .
Ужели песней, полною огня,
Я не отвечу жаждущим свободы?

351

День погас, день погас. . . Немота, тишина. . .
Где тебя отыщу я, родная?
Ни тебя, ни приюта, ни мирного сна.

Где найти их, не знаю, не знаю.
Далеко, далеко, в колосистых полях
Спишь ты, милая, спишь беспробудно.
Глубока там река, вся в густых камышах,
Нет тебя в той тиши изумрудной.
Темен свет, счастья нет. Не найти, не сыскать
Слез твоих, умиряющих ропот.
Только сердцем я слышу умершую мать,
Слышу, слышу твой ласковый шепот.

352

Только раз, но как сестра, сердечно руку протяни
В час безверья и тоски, в мой трудный час.
Только раз, но озари мои томящиеся дни,
Раздели мою печаль в последний раз.

Я измучен, приласкай, великодушна и нежна,
Трудный путь мечты моей благослови.
Дай мне руку, глянь в глаза — мне чистота
твоя нужна,
Иль хотя бы пожалей, коль нет любви.

Я хочу, чтобы светло ты вспоминала обо мне,
Чтобы я не изнемог на полпути,
Я хочу, чтобы и ты затрепетала в том огне,
От которого мне некуда уйти.

353

Пляшет май — пришла его пора,
День ликует, на листах блестя...
А темница наша так сыра,
Сердце — о, несчастное дитя... .

В небе — свет, и улица светла,
На дворе — сияние весны.
Наша радость — навсегда ушла... .
Наши думы — горечи полны... .

Сердце, мое бедное дитя,
Как убог, как холоден наш дом. . .
Мы живем, безвыходно грустя,
Наша боль — в грядущем и в былом. . .

354

Будь мне сестрой. . . Душа, поверь,
Покоя хочет одного.
Я молний не ищу теперь
Во вспышках взора твоего.

Сиротство умиротвори
Ты нежностью очей своих.
И мне волнений не дари,
О, я теперь чуждаюсь их. . .

Нужны мне лишь покой и мир,
И жаждет близости святой
Моя душа. . . Я слеп, я сир —
Веди меня. . . Будь мне сестрой. . .

355

Звезды в небе ночном
Так чисты и нарядны! . .
Смутно в сердце моем,
Мрак в душе непроглядный.

Я всегда одинок,
Путь мой крут и извилист. . .
Мы с душой без дорог
В темноте заблудились.

356

О ангел чистый, светлокрылый,
С небес спускайся к нам скорей
Ты сладкой песней, чтоб парила
Над нами нежностью своей,

242

Малютке моему, прошу я,
Что заблудился в мире злом,
Ты радость принеси живую
И осени его крылом.

Игрушки звезд — мешок немалый —
Из драгоценного венца
Неси ему, чтоб ликовал он,
Чтоб радовался без конца. . .

Иль унеси его мгновенно
В иные, в горние места,
Туда, где радость — неизменна,
И доброта, и красота. . .

. . . Подобно сорванному ветром
Цветку гонимому — дитя
Здесь, в городе недобром этом,
Дрожит, горя и грустя.

Он ходит, бродит непрестанно
По улицам, сквозь свет и тьму,
И всё так чуждо, всё так странно,
Так безразлично всё ему.

. . . Из сада, коего чудесней
Нет в целом мире ничего,
Неси цветы, огонь и песню,
И сказки дивной волшебство. . .

357

Звезды блещут и нежно и чисто,
И дрожат — но не ходят по кругу,
И, сверкая в дали серебристой,
Улыбаются мне и друг другу.

И душа, что распахнута настежь
И от века чужда суесловью,
Переполнена светом и счастьем,
Переполнена новой любовью. . .

243

И звенит колыбельною песней
Серебристый сверкающий воздух...
Мое сердце ль поет в поднебесье?
Или шепчутся дальние звезды?..

358

Склонилась ива к тихому ручью,
И загорелись звезды в поздний час.
Забудь же муку давнюю свою
И не раздумывай на этот раз.

Ведь льнут звезда к воде, к цветку роса,
И море призывает темноту...
Лобзает птица птицу на лету
И обнимают землю небеса... .

И ты, ты растворишься в такой ночи,
Не плачь и не ропщи, и будь нежна...
В священный этот час молчи, молчи,
Люби без слов — всецело и сполна... .

Она уйдет — таинственная ночь,
И сердце больно защемит в груди.
И ты напрасно крикнешь: «О, приди! ..»
Но поздно... И ничем нельзя помочь... .

359

О, если б кто-нибудь любил меня, как ты,
В те дни предчувствий и печали... .

Бальмонт

Еще в твоём письме твой голос и движенья,
Еще твои цветы живут — и шелест трав... .
Еще улыбку шлет твоё изображение,
Еще грустит твоя душа, к моей припав.
...Ты полюбила грусть души моей безумной,
Из-за меня свой край оставила родной,
Из-за меня забыв и сон и праздник шумный,
Весь свет мне отдала души своей святой... .

Никто, никто меня так не любил, наверно,
Так верно, чисто так, как ты, любовь моя. . .
Но нет тебя уже. . . Уж поздно. . . И безмерно
Отчаянье мое. . . И плачу, плачу я. . .
О горе! . . Завершен, сестра, твой путь земной:
Покоишься в земле — в той, не любимой мной. . .

360

Забуть не могу лиловый закат,
Подернутый мглой у самых краев,
Кайму золотую вокруг облаков,
Окрестные горы и замерший сад.
А в церкви у нас к вечерне звонят,
Тот звон до сих пор в ушах не затих, —
Так кличет журавль, отстав от своих:
Беспомощный плач, призыв наугад.
Знакомых крестьян забыть не могу,
Улыбку мне шлют, при встрече узнав.
Наивен и прост, но ласков их нрав. . .

361

Глубокая, как боль земли родной,
Печаль моя безмерна, беспредельна,
Сжигает душу, плачет надо мной
И дарит горечь песни колыбельной.
Я знаю, не придет свободы день.
И сон к себе зову я непрестанно,
Чтоб колдовала сновидений тень
Над бедным сердцем, исцеляя раны.
Шум этой жизни в самом сердце скрыт,
Он песней похоронною звучит
И песней той, что у истоков жизни
Мне пела мать, так сладостно дыша. . .
Давно моя покорная душа
К своей стремится горестной отчизне.

О, сколько сердцу моему осталось
Еще стонать от горя и обид!
И в песнь мою вливается усталость,
Печаль во мне и плачет, и дрожит. . .

Исполненная горечи и боли,
Душа смертельной грусти слышит зов.
О сердце безутешное, доколе
Тебе дрожать на грани двух миров?

ПРИМЕЧАНИЯ

Творческая лаборатория Терьяна все еще нуждается в тщательном и основательном исследовании. Ряд его поэтических циклов не систематизирован должным образом, не уточнены также годы написания многих произведений.

Опубликовав в 1912 году первый том своих стихотворений (Ваан Терьян, Стихотворения, т. 1, изд. «Пантеон», М., 1912, на армянском языке), Терьян сгруппировал произведения предшествующего периода в циклы, подчиненные определенной эстетической системе, и расположил их в последовательности, представляющей собой «внутреннюю тесную связь»: «Грезы сумерек», «Ночь и воспоминания», «Золотая сказка», «Возвращение». При составлении циклов поэт положил в основу не хронологический порядок, а логику внутреннего содержания. Более сложен и запутан вопрос систематизации произведений последующих лет. В архиве поэта осталось огромное количество стихотворений, не систематизированных в циклы, с неизвестными датами написания. В последние годы своей жизни Терьян предпринял подготовку второго тома стихотворений и начал группировку по циклам, однако это начинание так и осталось незавершенным. Целиком занятый государственно-общественной деятельностью, он не имел возможности заняться публикацией своих сочинений, и после его смерти остался обширный архив с ненапечатанными стихотворениями, черновыми вариантами, незавершенными страницами. В первые годы установления Советской власти правительство Армении уделяет особое внимание публикации литературного наследия Ваана Терьяна. С этой точки зрения представляет исключительную ценность четырехтомное издание сочинений поэта под редакцией, с предисловием и комментариями Погося Макинцяна: Ваан Терьян, Собрание сочинений, тт. 1—4, Армгосиздат, Ереван — Константинополь, 1923—1925. Это был первый и довольно удачный опыт академического издания сочинений Терьяна. Будучи близким другом и литературным единомышленником поэта, начиная с первого периода его творческой жизни до последних дней, и глубоко постигнув его поэтический мир, П. Макинцян произвел научную систематизацию поэзии Терьяна, придал целостность ряду циклов соответственно предполагаемым поэтом проектам, опубликовал множество ненапечатанных страниц, хранящихся в архиве. Конечно, изда-

ние Макинцяна, будучи первой попыткой, имеет некоторые неизбежные недостатки и нуждающиеся в уточнении моменты, однако в целом оно сохраняет научную ценность и сегодня. В последующие годы был издан ряд сборников: «100 стихотворений», Тифлис, 1930; «Стихотворения», Ереван, 1936 и другие, предназначенные для широкого читателя, которые отнюдь не выдвигали никаких существенных новаций в деле научной систематизации сочинений поэта. Среди научных изданий Терьяна особое место занимает «Полное собрание стихотворений» (Ереван, 1940) под редакцией Аветика Исаакяна. Сохраняя в систематизации циклов принципы Макинцяна, составители нового издания одновременно произвели ряд перестановок, а также дополнили количественный состав стихотворений вновь обнаруженными страницами. Этот принцип систематизации литературного наследия поэта нашел в целом отражение также в двух последующих изданиях — «Собрание сочинений в двух томах», т. 1, Ереван, 1950 (т. 2 не вышел в свет) и «Сочинения», Ереван, 1956. В 1960—1963 годах доктор филологических наук, профессор Ваце Партизуни издает «Собрание сочинений в 3-х тт.», выдвигая новую систематизацию литературного наследия поэта по принципу буквального воспроизведения циклов, помещенных автором в первом томе «Стихотворений» 1912 г. и в рукописном тексте неоконченного второго тома. Исключается не только возможность дополнения новыми произведениями, но также создание новых циклов («Октябрьские песни» «Последняя струна»). Стихотворения, опубликованные при жизни поэта, он помещает под общим заглавием «Стихотворения вне циклов», а сохранившиеся в архиве более чем 175 стихотворений — в разделы «Неизданные страницы» и «Черновики», хотя преобладающая часть этих стихотворений была до этого опубликована посмертно. Преимущество такого подхода заключается в том, что он позволяет избежать произвола, имевшего место в некоторых изданиях, и обязывает к научной точности.

Однако этот принцип несовершенен в том смысле, что сам по себе исключает любую попытку творческого подхода к систематизации поэзии Терьяна, а для такого рода систематизации дает основание авторская индивидуальность Терьяна, которому был присущ цикловой характер поэтического мышления. Вместе с тем составленное В. Партизуни трехтомное «Собрание сочинений» — новый шаг в области терьяноведения по тщательности подготовки текстов, обширным комментариям и толкованиям, где опытный литературовед (перу которого принадлежит содержательная монография о Ваане Терьяне) освещает многие неизвестные страницы творческой лаборатории Терьяна, уточняет факты, составляет «биографию» каждого стихотворения.

Библиографию русских переводов произведений Ваана Терьяна составила кандидат филологических наук Севил Меликян (см. «Ваан Терьян на русском языке», Ереван, 1965). Первое стихотворение Терьяна на русском языке — «Бродячего певца большая песня...» — вышло в свет в 1911 г. в «Нашем журнале» (№ 11, с. 22) в переводе Льва Зилова. С 1915 г. внимание передовой русской интеллигенции привлечено к культуре одного из древних народов мира. В эти годы получает широкий размах перевод армянской литературы на русский язык. Исключительную ценность в ряду этих начинаний пред-

ставляют вышедшие в 1916 г. «Сборник армянской литературы» под редакцией М. Горького и «Поэзия Армении» под редакцией и с обширным предисловием В. Брюсова. В этих сборниках выходят в свет стихотворения Терьяна в переводах В. Брюсова, Ф. Сологуба, К. Бальмонта, Е. Вставкиной, К. Липскерова, Ю. Балтрушайтиса и других поэтов. В 1917 году в Александрополе выходит в свет книга С. Пирвердиева «Армянский поэт Ваган Терьян», куда включены несколько десятков стихотворений Терьяна в русском переводе. В том же году в Тбилиси издается сборник «Армянские поэты» в переводе С. Шарти, где нашли место и некоторые стихотворения Терьяна. Список прижизненных переводов произведений Терьяна можно завершить несколькими стихотворениями, опубликованными на страницах журнала «Армянский вестник». Переводы стихотворений Терьяна получают новый размах начиная с 40-х годов. В 1940 году в Москве выходит в свет «Антология армянской поэзии» под редакцией С. Арутюняна и В. Кирпотина, где помещаются также стихотворения Терьяна. Хотя это были в основном уже публиковавшиеся переводы, тем не менее они явились первым опытом представления русскому советскому читателю образцов поэзии Терьяна. В 1957 году в Ереване выходит в свет «Антология армянской советской литературы», где Терьян представляется новыми русскими переводами более чем двух десятков стихотворений. Отдельные издания стихотворений Терьяна на русском языке выходили пять раз: Ваан Терьян, Избранное. Под редакцией Л. Успенского. Предисловие О. Ганалаяна, Ереван, 1941; Ваган Терьян, Стихи. Вступительная статья В. Партизани, М., 1950; Ваан Терьян, Избранное. Под редакцией Г. Боряна и Р. Вартазаряна. Предисловие О. Ганалаяна, Ереван, 1952; Ваан Терьян, Стихотворения. Составление, вступительная статья и примечания К. Н. Григорьяна. Редакция переводов Вс. Рождественского и К. Н. Григорьяна, М.—Л., 1960; Ваан Терьян, Стихотворения. Вступительная статья и примечания К. Н. Григорьяна, Л., 1973.

В изданиях 1941, 1950 и 1952 гг. составители не следовали циклическому расположению стихотворений, а, выбирая их из разных циклов, расположили в хронологическом порядке. Первая попытка циклизации поэзии Терьяна в русских изданиях сделана в издании 1960 года. К сожалению, этот принцип не был соблюден с должной последовательностью. Например, стихотворения цикла «Терновый венец», состав и датировка которого требовали еще уточнений, расположены раньше первого цикла поэта «Грезы сумерек». Эти недостатки первого опыта в должной мере исправляются в сборнике 1973 г., который по праву считается самым удачным из русских изданий творчества армянского поэта как по внутренней структуре, так и по количеству стихотворений. Составитель сборника К. Н. Григорьян, перу которого принадлежит первая на русском языке монография об армянском поэте (Ваан Терьян. Очерк жизни и творчества, М., 1957), в основном исходит из верного принципа научной систематизации стихотворений Терьяна, сохраняя дифференциацию циклов и хронологическую последовательность. Однако и в этом издании нашли место некоторые отклонения от авторской воли. Так, например, в состав цикла «Золотая сказка» включены два стихотворения под общим заглавием «Возвращение», которые сам автор выделял в самостоятельный цикл, завершивший первый том «Стихо-

творений». Таким же образом четыре стихотворения из цикла «Кошачий рай» в данном сборнике включены в состав цикла «Золотая цепь».

При составлении настоящего сборника учтен опыт предшествующих армянских и русских изданий, одновременно предлагаются новые уточнения в систематизации и полноте циклов. Сюда вошли циклы «Грезы сумерек», «Ночь и воспоминания», «Золотая сказка», «Возвращение», включенные Терьяном в первый том «Стихотворений»; «Терновый венец», «Кошачий рай» и «Страна Наири», не вошедшие в упомянутое издание, но озаглавленные самим автором; «Песни свободы», «Золотая цепь» — циклы, сформированные в посмертных изданиях на основании так или иначе выраженной воли автора. В тексте их заглавия даны в угловых скобках. В конце книги помещены стихотворения, принадлежность которых к тому или иному циклу установить затруднительно. Сборник охватывает почти все стихотворное творчество Терьяна. Впервые представляются в русском переводе 154 стихотворения.

При составлении примечаний использованы трехтомное «Собрание сочинений» Ваана Терьяна 1960—1963 гг. на армянском языке и книга «Стихотворения», 1973 на русском языке, составленная К. Григорьяном.

ГРЕЗЫ СУМЕРЕК

1903—1912

«Грезы сумерек» — первая книга стихотворений Терьяна, вышедшая в свет в 1908 году. Она включает 72 стихотворения. При публикации первого тома «Стихотворений» 1912 Терьян помещает туда «Грезы сумерек» отдельным циклом, сняв 6 стихотворений и одновременно добавив 11 новых. В русском переводе этот цикл до сих пор представлялся 53 стихотворениями. В настоящем сборнике цикл представлен в составе 81 стихотворения.

1. Данное стихотворение открывает поэтический мир «Грез сумерек». По единодушному мнению исследователей, оно является классическим выражением поэтического стиля Терьяна — его звукового и семантического строя, метафорической образности, музыкальности, эмоциональности.

2. В первой публикации стих. имело подзаг. «С эстонского». Однако оно не является ни переводом, ни подражанием какому-либо эстонскому источнику. Посвящено эстонской девушке Алине Ивановне Мугур.

4. *Ширак* — название одной из долин Армении.

11. Образ «Незнакомки» занимает особое место в системе поэтического мышления Терьяна. Эта девушка всегда и конкретна и одновременно далека. Эти «заочные объекты любви» были своего рода символами, и поэт обращался к их образам для выражения своих

размышлений и чувств. «Их было немало, и, возможно, будет немало, — признается поэт в одном из писем к О. Оганджяну, — потому что у меня есть тенденция вкладывать мои ожидания, мои идеалы, словом, желаемое, в тех женщин, которыми я увлекался».

15. *Оник Оганджян* (1885—1937) — революционно настроенный интеллигент после установления Советской власти занимался государственной и общественной деятельностью. Терьян сблизился с ним в годы учения в Московском Лазаревском институте.

37. Эпиграф — из стих. французского поэта Поля Верлена (1844—1896) «Il pleure dans ton cœur...» в цикле «Romances sans paroles» («Романсы без слов»). В переводе с французского, сделанном Брюсовым, эти строки звучат так: «Небо над городом плачет, Плачет и сердце мое». В «Стихотворениях» 1973 г. в русском переводе это стих. Терьяна озаглавлено «Осенняя песня», что не соответствует оригиналу. У Терьяна есть другой перевод «Осенней песни» Верлена.

47. *Александр Цатурян* (1865—1917) — армянский поэт, друг Терьяна.

56. Эпиграф — из стих. древнегреческой поэтессы Сафо (VI в. до н. э.) «Гимн Афродите» в переводе Вяч. Иванова (см. примеч. 278).

77. В замысле обнаруживаются точки соприкосновения со стих. Федора Сологуба (1863—1927) «В далекой и волшебной стране Ойле». Терьян перевел десять стихотворений Ф. Сологуба, в том числе и «В далекой и волшебной стране Ойле».

НОЧЬ И ВОСПОМИНАНИЯ

1908—1912

«Ночь и воспоминания» — второй цикл стихотворений Терьяна. Помещая их в первом томе «Стихотворений» 1912 после «Грез сумерек», поэт учитывал «ту внутреннюю тесную связь», которая была между двумя циклами. Цикл «Ночь и воспоминания» включает 41 стихотворение. В русском переводе представлены 15 стихотворений в «Стихотворениях» 1973. В настоящее издание цикл включен в полном составе. Эпиграф цикла из стихотворения Евгения Баратынского (1800—1844) «На что вы, дни! Юдольный мир явленья...».

104. Тема навеяна одноименным стих. Верлена (см. примеч. 37) из цикла «Mélancolie» («Меланхолия») в книге «Les poèmes saturniens» («Сатурновские стихотворения»).

110. *Медуза* (греч. миф.) — одна из сестер Горгон, чудовище, взгляд которого обращал в камень всех смотревших на нее.

119. Тема стих. — судьба искусства, которая постоянно волновала поэта. В 1907 г. в письме к редактору журнала «Геральд» («Искусство») Гарегину Левоняну Терьян писал, что «ни в одной стране, ни у одного народа искусство не обречено на такое грубое презрение и жертвенное равнодушие, как на нашей отсталой родине».

ЗОЛОТАЯ СКАЗКА

1908—1912

Цикл «Золотая сказка» в своем целостном виде был напечатан в первом томе «Стихотворений» 1912. Он состоит из 50 стихотворений. На русский язык до сих пор было переведено 30 стихотворений, которые полностью вошли в «Стихотворения» 1973. В настоящем издании цикл представлен полностью.

Эпиграф взят из стихотворения Ф. Тютчева «Сей день, я помню, для меня...». В рукописи Терьяна первоначально был и другой эпиграф — первые строки стихотворения Лермонтова «Русская мелодия»: «В уме своем я создал мир иной И образов иных существованье».

ВОЗВРАЩЕНИЕ

1910

Этим циклом Терьян завершил подготовленный им первый том «Стихотворений» 1912. Цикл имеет важное значение для понимания поэтической концепции Терьяна. После мотивов одиночества, отчуждения, скитаний он как бы утверждает возврат поэта к деятельности и общественной жизни.

ТЕРНОВЫЙ ВЕНЕЦ

1906—1908

В 1906—1908 гг. в полной мере начинает проявляться интерес Терьяна к гражданской тематике. «Сейчас уже, брат, — пишет он в 1907 г. — пишу большей частью гражданские стихотворения». Эти произведения, имеющие внутреннее единство настроения и общность содержания, были собраны под общим заглавием «Терновый венец», или «Песни города», однако в первый том «Стихотворений» не вошли. В Собрании сочинений 1923—1925 помещены 6 стих., на русском языке в «Стихотворениях» 1973 цикл представлен 8 стих.

184. *Цолак* Ханзадян (1886—1935) — литературный критик, преподаватель русской литературы в Ереванском государственном университете, друг и литературный единомышленник поэта.

(ЗОЛОТАЯ ЦЕПЬ)

1912—1919

Название цикла условно. Терьян сам не составлял подобного цикла, но, по свидетельству Макинцяна, в своих беседах постоянно говорил об этом, задумываясь над созданием книги, которая бы обобщила «золотую цепь его воспоминаний, ночей и шипов». В четырехтомном Собрании сочинений 1923—1925 включено в цикл 68 стихотворений, в трехтомном Собрании сочинений 1960—1963 — 21. В русском переводе в «Стихотворениях» 1973 помещено под этим загл. 41 стихотворение. В настоящем сборнике печатаются 68 стихотворений, имеющих тематическую и стилевую общность.

209. *Паоло* — Погос Макинцян (1887—1937), критик, впоследствии государственный деятель, друг и литературный единомышленник поэта. *Язон* (греч. миф.) — герой, предводитель аргонавтов, возглавил поход за золотым руном на корабле «Арго». *Асо* — известный в свое время в Ереване музыкант. *Норк* — название одного из пригородов Еревана.

224. *Паоло Макинцян* — см. примеч. 209.

227. Стих. было вписано в альбом *Перчануш* Симонян, дочери сестры поэта.

230—244. Терьян впервые в армянской поэзии обратился к форме триолета. Издатели сочинений Терьяна помещали триолеты в разных циклах и в разной последовательности. В настоящей книге собраны все 15 триолетов в виде целостного цикла.

12, 13, 14. Посвящены дочери великого армянского поэта Ованеса Туманяна (1869—1923), литературоведу Нвард Туманян (1892—1957). *Нвард* — царица армянского государства Урарту (IX—VI вв. до нашей эры), жена царя *Ара Прекрасного*. *Шамирам* — царица Ассирии, стремившаяся завоевать любовь Ара и убившая его после получения отказа.

245—248. Цикл создан в 1918 г. под впечатлением смерти первой дочери Терьяна.

250. *Лейла, Меджнун* — герои восточного сказания о преданных влюбленных.

255. В архиве Терьяна хранится блокнот с записью: «Бузулук (Самарская губ.), Слободная, д. 37, Ната». Возможно, что На — сокращенная форма имени Ната.

256—260. Эти стих. написаны в Тифлисе и адресованы одной из студенток Высших женских курсов, к которой поэт испытывал романтическое чувство.

КОШАЧИЙ РАЙ

1917

В рукописном варианте второго тома Стихотворений Терьян выделил этот цикл, предварительно поместив туда два стихотворения. В четырехтомном Собрании сочинений 1923—1925 он дополнен четырьмя другими стихотворениями, исходя из «общего созвучия содержания». На русском языке в «Стихотворениях» 1973 — четыре стихотворения из этого цикла перемещены в цикл «Золотая цепь». В настоящем сборнике мы представляем цикл семью стихотворениями, которые отражают в своем единстве необычную историю любви, имеющую свое начало, развитие и развязку, а также единую героиню, не встречающуюся в других произведениях.

СТРАНА НАИРИ

1912—1919

В рукописном варианте 2 т. «Стихотворений» Терьян поместил первоначально в «Страну Наири» 14 стихотворений. В четырехтомном Собрании сочинений 1923—1925 цикл пополнился несколькими другими стихотворениями. В трехтомном Собрании сочинений 1960—1963 сохранились предусмотренные Терьяном 14 стихотворений, а другие стихотворения, написанные в «наирийском духе», перемещены в разделы «Стихотворения вне циклов» и «Неизданные страницы». На русском языке в «Стихотворениях» 1973 цикл представлен 26 стихотворениями. В настоящей книге цикл «Страна Наири» представляется 31 стихотворением. Эпиграф к циклу — первая строка стихотворения Лермонтова «Родина». *Наири* — одно из собирательных наименований армянских племенных групп доурартийского периода, упоминаемое в ассирийских надписях (XIII век до нашей эры). Название античной Армении представляет для Терьяна поэтический символ родины. «Наири надо понимать не в историческом смысле, а в идейном» — так комментировал сам автор заглавие цикла.

269. *Одиссей* (греч. миф.) — сын властителя острова Итаки, участник похода на Троию. По возвращении на родину после долгих скитаний и приключений устранил врагов и восстановил разоренный очаг *Лазргов*. Образ Одиссея у Терьяна — олицетворение преданности родной земле.

278. Интерес Вячеслава Иванова (1866—1949) к этническим истокам и духовному наследию народов был вполне созвучен терьяновской концепции «Страны Наири». В рукописях Терьяна сохранился перевод стих. Вяч. Иванова «Роза Преображения», посвященного Армении.

283. *Арапат*, или Масис — гора, куда, по библейскому преданию, пристал Ноев ковчег после всемирного потопы.

297. Личная и творческая дружба Терьяна с *В. Я. Брюсовым* (1873—1924) сложилась в 1915—1916 гг. в период работы Брюсова над антологией «Поэзия Армении». В библиотеке Терьяна сохранился сборник Брюсова «Семь цветов радуги» с дарственной надписью: «Ваану Терьяну с любовью к его творчеству дружески Валерий Брюсов, 1916». Терьян перевел из *В. Я. Брюсова* 10 стихотворений.

(ПЕСНИ СВОБОДЫ)

1917—1919

Эти стихотворения впервые были напечатаны в разделе «Черновики» в четырехтомном Собрании сочинений 1923—1925, а затем вошли в раздел «Неизданные страницы» в Полном собрании стихотворений 1940. В «Сочинениях» 1956 эти стихотворения были помещены отдельным циклом под заголовком «Октябрьские песни». Это условное заглавие вошло и в русское издание — «Стихотворения» 1973. На наш взгляд, название это не оправдывается ни конкретно-исторической ситуацией, ни образно-художественной системой Терьяна. Октябрь как поэтический символ был постоянным спутником творческой биографии Терьяна, выступая в его эстетической системе как образ осени, грусти, сумерек, тоски. К тому же не ясно, писал ли Терьян все эти стихотворения под непосредственным воздействием Октябрьской революции или вообще под влиянием революционных событий 1917 года. Заглавие «Песни свободы» более точно отражает историческую обстановку, семантический строй, художественную образность и настроения поэта.

313, 314. Эти два стих. посвящены памяти *Степана Шаумяна* (1878—1918), выдающегося революционера, государственно-политического деятеля, соратника *В. И. Ленина*.

РАЗНЫЕ СТИХОТВОРЕНИЯ

1913—1919

В этот раздел вошли произведения разных лет, опубликованные при жизни в периодической печати, но в большинстве своем находившиеся в архиве и только впоследствии включенные в собрания сочинений поэта. Возможно, Терьян поместил бы многие из них в составленные им циклы или создал новые, если бы продолжал издавать свои произведения. Однако мы не располагаем достаточными документальными или идейно-художественными основаниями для включения их в уже имеющиеся циклы, поэтому выделяем их в самостоятельный раздел.

315. Текст стих. был помещен в письме к Цолаку Ханзадяну (см. примеч. 184) от 1 августа 1913 года. Терьян в тот период собирался поступать на отделение восточных языков Петербургского университета. *Вольф Христиан* (1679—1754) — немецкий философ-идеалист. *Бонн Франц* (1791—1867) — немецкий языковед. *Гумбольдт Виль-*

гельм (1767—1835) — немецкий эстетик и писатель, родоначальник философии языка в Германии.

320. В 1899—1906 гг. Терьян учился в *Лазаревском институте* в Москве. Воспоминания этих лет поэт пытался запечатлеть в эпической поэме, которая, однако, осталась неоконченной. Эпиграф — из гл. 8 «Евгения Онегина».

322. Посвящено отцу поэта Сукиасу Тер-Григоряну (см. о нем вступ. статью, с. 5).

324. *Аветик Исаакян* (1875—1957) — армянский поэт, до революции вел скитальческую жизнь. Мучительные раздумья о судьбах родины и своего народа отразились в его лирике и знаменитой поэме «Абул Ала Маари» (1909), герой которой, покинув ночью Багдад, собрал караван и ушел от людей в пустыню. *Дервиш* — странствующий монах; нищий скиталец.

325. Написано в альбом поэта Рафаэла Зардаряна.

328. Написано по поводу провозглашения «Декларации прав народов России».

335. Последнее стих. Терьяна, написано незадолго до смерти в Самаре по пути следования в Среднюю Азию.

336. Посвящено памяти матери поэта, смерть которой в 1903 г. он перенес очень тяжело. «Мне так хочется этой ласковой тишины, — писал он в письме к А. Мискарян в 1910 г., — уюта и далекости ото всего, и приветливости, и ласки! Вы поймете меня, если вспомните, что у меня нет уже матери, и я уже давно не знаю ее ласк. А впрочем, не знаю, понятно ли тем, у кого есть мать, чувство покинутости, которое так знакомо мне и, вероятно, всем тем, у кого была такая славная, ласковая мать, как у меня, которой уже нет, уже давно нет, вы понимаете это — уже нет и никогда не будет».

349. По свидетельству П. Макинцяна, стих. было написано в Петербурге в первые годы первой мировой войны и направлено против ложнопатриотических призывов армянской буржуазной интеллигенции.

354. Образ сестры и сестринской любви, часто встречающийся в поэтической системе Терьяна, имеет автобиографические истоки. Самый младший сын семьи, Ваан был окружен особо теплым и нежным отношением своих сестер. Сестринская любовь в поэтическом восприятии Терьяна выступает как высшее мерило человеческих ценностей — искренности, преданности и чистоты.

К ИЛЛЮСТРАЦИЯМ

1. *Фронтиспис*. Ваан Терьян. Портрет работы Мартироса Сарьяна. 1920 г.
2. С. 56. Автограф стих. «Сказкой забытой и незабвенной».
3. С. 96. Титульный лист первого тома «Стихотворений» 1912 г.
4. *Между с. 112 и 113*. Ваан Терьян в Москве в студенческие годы.
5. *На обороте*. Дом в Гандзе, где родился Ваан Терьян.
6. *Между с. 144 и 145*. Ваан Терьян.
7. *На обороте*. Ваан Терьян с женой Сусанной.

СТИХОТВОРЕНИЯ

Ваан Терьян. *Вступительная статья С. Сариняна* 5

ГРЕЗЫ СУМЕРЕК

1903 — 1912

1. Грусть. <i>Перевод В. Брюсова</i>	53
2. Эстонская песня. <i>Перевод Вс. Рождественского</i>	53
3. Осень. <i>Перевод Е. Нежинцева</i>	54
4. С полей Ширака. <i>Перевод Н. Поляковой</i>	54
5. «Умерло солнце за гнями гор. . .» <i>Перевод К. Липскерова</i>	55
6. «Сказкой забытой и незабвенной. . .» <i>Перевод А. Щербакова</i>	55
7. Fatum. <i>Перевод А. Щербакова</i>	57
8. Элегия. <i>Перевод Вс. Рождественского</i>	57
9. Осенняя песня. <i>Перевод С. Ботвинника</i>	58
10. «Сердце мое о прошлом грустит. . .» <i>Перевод Е. Полонской</i>	58
11. Незнакомой девушке. <i>Перевод Т. Спендиаровой</i>	59
12. Осенняя мелодия. <i>Перевод Е. Полонской</i>	59
13. «Хороните меня, лишь угаснет заря. . .» <i>Перевод Вс. Рождественского</i>	60
14. «В толпе несчетной. . .» <i>Перевод А. Щербакова</i>	60
15. Странник. <i>Перевод Вс. Рождественского</i>	61
16. Тоска. <i>Перевод В. Шошина</i>	61
17. Лунатик. <i>Перевод Вс. Рождественского</i>	62
18. Прощание. <i>Перевод И. Ивановского</i>	62
19. Вечерний час. <i>Перевод А. Щербакова</i>	63
20. Песнь расставания. <i>Перевод Т. Спендиаровой</i>	63
21. Мечта («Глаза у ней были, как небо, нежны. . .») <i>Перевод Вс. Рождественского</i>	64
* 22. «В неге чарующей меркнет закат. . .» <i>Перевод А. Щербакова</i>	64
23. На краю пропасти. <i>Перевод Т. Спендиаровой</i>	65
24. Грустная беседа. <i>Перевод А. Щербакова</i>	65
25. Чудо-дева. <i>Перевод А. Щербакова</i>	66

Звездочками отмечены переводы, публикуемые в настоящем издании впервые.

26.	«Как безропотно вянет цветок...»	Перевод А. Ахматовой	66
27.	«Перед взором твоим я стою, как слепой...»	Перевод Вс. Рождественского	67
* 28.	«Ты живешь еще в сердце больном...»	Перевод А. Кушнера	67
29.	«Оторван я от родимой земли...»	Перевод Вс. Рождественского	68
30.	«Грустно умер синеокий...»	Перевод А. Щербакова	68
* 31.	«Вновь в душу проникает сладкий яд...»	Перевод Е. Николаевской	69
32.	«Во тьме и печали ты будешь брести...»	Перевод А. Щербакова	69
* 33.	Желание.	Перевод Е. Николаевской	70
* 34.	«В бессловесной беседе твоих...»	Перевод А. Кушнера	70
35.	14 строк.	Перевод С. Ботвинника	71
* 36.	«Мое бедное сердце сжимает тоска...»	Перевод А. Кушнера	71
37.	Осенняя печаль.	Перевод А. Щербакова	72
* 38.	«Прохладную ночью ко мне ты придешь...»	Перевод Н. Габриэлян	73
39.	Из слов прощания.	Перевод Вс. Рождественского	73
40.	«На тризну мою не сзываю я вас...»	Перевод Т. Меншуткиной	74
41.	Больной.	Перевод Е. Полонской	74
* 42.	«Несказанные слова...»	Перевод А. Щербакова	75
43.	Сумерки.	Перевод Вс. Рождественского	75
* 44.	«День затих... Небеса возжигают золотые кадила...»	Перевод Н. Габриэлян	76
* 45.	«Будет ли жить тоска, что в сердце покорно дрожит?..»	Перевод А. Щербакова	76
* 46.	«Люблю глубину твоих грешных очей...»	Перевод А. Щербакова	76
47.	Родник.	Перевод К. Арсеновой	77
* 48.	«Как вечен ручей...»	Перевод А. Щербакова	77
* 49.	Вечер.	Перевод Н. Габриэлян	78
50.	«Заснула ты в теплой постели своей...»	Перевод Вс. Рождественского	78
51.	Сентиментальная песня.	Перевод Вс. Рождественского	79
* 52.	«Путей бесконечные ленты... Куда...»	Перевод Н. Габриэлян	79
* 53.	«Спустилась ты на путь неясный мой...»	Перевод Н. Габриэлян	80
54.	«Нисходит ночь с неведомого трона...»	Перевод С. Ботвинника	80
55.	«Вершины недоступные сверкают...»	Перевод С. Ботвинника	81
* 56.	Молитва («Я рухнул в тьму... Я растворился в бездне...»)	Перевод Е. Николаевской	81
* 57.	«Фонарям похоронным сродни...»	Перевод А. Кушнера	82
* 58.	Возвращение.	Перевод А. Щербакова	82
59.	Зимняя ночь.	Перевод С. Ботвинника	83
60.	«Позабыть, обо всем позабыть...»	Перевод А. Щербакова	83

* 61.	«Нищий странник под небом чужим...»	Перевод А. Кушнера	84
62.	«Ужели вновь блуждают сновиденья...»	Перевод С. Ботвинника	84
63.	«Обняла меня темная ночь, облекла, обступила вокруг...»	Перевод Л. Успенского	85
64.	«Сурово взирают угрюмые скалы...»	Перевод Е. Полонской	86
* 65.	«Струятся блещущие волосы твои...»	Перевод А. Щербакова	86
* 66.	«Хочу волос твоих волнистых колдовства...»	Перевод А. Щербакова	87
67.	В краю воспоминаний.	Перевод С. Ботвинника	87
68.	Весна.	Перевод С. Ботвинника	87
69.	«Восхищаться тобой, но любимым не быть...»	Перевод А. Щербакова	88
70.	«Ты зовешь, всё зовешь...»	Перевод Вс. Рождественского	88
71.	«Вот уже закат гасит блеск лучей...»	Перевод М. Касаткина	89
72.	«Где же ты, о дорогая... Где же ты?»	Перевод А. Кушнера	90
73.	Влюбленный.	Перевод Т. Спендиаровой	90
74.	Безымянная любовь.	Перевод А. Щербакова	91
* 75.	«Мирный вечер мой залит сейчас...»	Перевод Е. Николаевской	91
* 76.	«Далека и призрачна ты, как сон...»	Перевод А. Кушнера	92
77.	«Есть в мире светлая страна...»	Перевод Л. Успенского	92
78.	В старом саду.	Перевод С. Ботвинника	92
79.	«Хоть нету тебя, ты всегда предо мной...»	Перевод Вс. Рождественского	93
80.	«Приду к тебе, когда задумаешься ты...»	Перевод Вс. Рождественского	94
81.	Начало весны.	Перевод М. Касаткина	94

НОЧЬ И ВОСПОМИНАНИЯ

1908 — 1912

82.	На распутье.	Перевод Т. Менишуткиной	97
83.	Забывтая дорога.	Перевод М. Касаткина	97
* 84.	Осень.	Перевод А. Щербакова	98
85.	Песня улицы.	Перевод С. Ботвинника	99
* 86.	«Ночь темна, память зла, думаю нету числа...»	Перевод А. Щербакова	99
* 87.	«Пианино звучит за стеною...»	Перевод А. Кушнера	99
* 88.	Колыбельная сердцу.	Перевод А. Щербакова	100
* 89.	«Во мраке бесконечном и бездомном...»	Перевод Е. Николаевской	100
90.	Сумерки.	Перевод А. Ахматовой	101
* 91.	Одиночество.	Перевод А. Щербакова	101
92.	Усталость.	Перевод Вс. Рождественского	102
* 93.	«Эти песни тобою больны...»	Перевод А. Щербакова	102

* 94. Осенняя ночь. Перевод А. Кушнера	103
95. Желание быть слепым. Перевод Вс. Рождественского	103
* 96. «От шума людского уйти, убежать. . .» Перевод Е. Полонской	104
* 97. «Ночь, глухая ночь без звезд. . .» Перевод А. Щербакова	104
* 98. Смерть. Перевод Е. Николаевской	105
99. На родине. Перевод Вс. Рождественского	106
100. Мечта («Нет, не меня — другого ты ждешь. . .») Перевод А. Щербакова	107
* 101. Встреча. Перевод Е. Николаевской	107
102. Невозвратимое («Расстались мы, но пыль времен. . .») Перевод А. Ахматовой	108
* 103. Грустная песня. Перевод А. Щербакова	108
* 104. Résignation. Перевод А. Щербакова	109
* 105. «Безымянная боль. . .» Перевод Е. Николаевской	110
* 106. «Ты умерло, угасло навсегда. . .» Перевод Е. Николаевской	110
* 107. «В скрытом логове греха. . .» Перевод А. Щербакова	111
108. Ночь. Перевод Т. Меншуткиной	111
* 109. Измена воспоминаний. Перевод А. Щербакова	112
* 110. Медуза. Перевод А. Щербакова	112
* 111. Осенним утром. Перевод А. Щербакова	113
112. Нежность. Перевод С. Шервинского	113
* 113. Воспоминание. Перевод Е. Николаевской	113
114. Запоздалая любовь. Перевод Е. Полонской	114
115. К осени. Перевод С. Шервинского	115
* 116. «Рыданье. . .» Перевод Е. Николаевской	115
* 117. Невозвратимое («В старый сад я опять забреду. . .»). Перевод А. Кушнера	116
* 118. «Сгушается ночь, я жду в темноте. . .» Перевод А. Щербакова	116
119. Моим песням. Перевод Вс. Рождественского	117
* 120. «Скользя как бы нехотя, медленно тянутся дни. . .» Перевод Е. Николаевской	117
121. Тоска. Перевод Л. Успенского	118
122. «Словно туч гряда, как в реке вода, так текут года. . .» Перевод Л. Успенского	119

ЗОЛОТАЯ СКАЗКА

1908 — 1912

123. Отрывок. Перевод С. Ботвинника	120
* 124. «Расстелена здесь лучезарная ткань. . .» Перевод Е. Николаевской	123
125. «Мой тусклый мир и черноту ночей. . .» Перевод А. Щербакова	123
126. Перед ночью. Перевод Вс. Рождественского	124
127. «Прозрачна речь твоя и глубока. . .» Перевод А. Щербакова	124
128. Весенний вечер. Перевод С. Ботвинника	125

129.	«Я снова здесь, и снова, как всегда...»	Перевод А. Щербакова	125
* 130.	«Во взоре златоогненном твоём...»	Перевод Е. Николаевской	126
131.	«В мире печальном дам ли ответ...»	Перевод С. Ботвинника	126
132.	«Я люблю безнадежную скорбь твоих глаз...»	Перевод Е. Нежинцева	127
133.	«Не помню — где и когда...»	Перевод С. Ботвинника	127
134.	Безропотность.	Перевод С. Ботвинника	128
135.	«Ты пришла в одеждах белых...»	Перевод А. Щербакова	128
136.	Заря.	Перевод И. Поступальского	129
* 137.	Призрак.	Перевод А. Кушнера	130
138.	«Прозрачная мгла разлилась...»	Перевод Е. Полонской	130
139.	«Ты поняла души моей томленья...»	Перевод Е. Полонской	131
140.	«Ты светлым облаком весны...»	Перевод С. Ботвинника	131
141.	«Сладок звук речей твоих...»	Перевод В. Шефнера	132
142.	В весеннем городе.	Перевод В. Брюсова	132
* 143.	«Тебя уже нет...»	Перевод А. Щербакова	133
144.	«Брожу в толпе веселой среди речей пустых...»	Перевод С. Ботвинника	134
145.	Любовь к скитаниям.	Перевод Н. Чуковского	134
* 146.	На улице.	Перевод Е. Николаевской	135
* 147.	«Среди гложущих мучений горьких дней...»	Перевод Е. Николаевской	135
148.	Два призрака.	Перевод Л. Успенского	136
* 149.	«Тишина царит в ночи...»	Перевод А. Щербакова	136
* 150.	Черная лилия.	Перевод Е. Николаевской	137
* 151.	«Туман розоватый над жизнью прошедшей дрожит...»	Перевод Е. Николаевской	138
* 152.	Покорность.	Перевод Е. Николаевской	138
153.	«Нет, ничего не знаю я...»	Перевод М. Касаткина	139
* 154.	«Синий полог опустился вниз...»	Перевод Е. Николаевской	139
155.	«Вечерней порой, сквозь мрак в тишине...»	Перевод Е. Полонской	140
156.	Смерть-мечта.	Перевод Л. Успенского	140
157.	Зимняя ночь.	Перевод С. Ботвинника	141
* 158.	«Этой ночью опять под окном...»	Перевод А. Кушнера	141
159.	«Если будешь в далеком, далеком краю...»	Перевод С. Шервинского	142
* 160.	«Одинок я сажу, одинок...»	Перевод А. Кушнера	142
* 161.	Встреча.	Перевод Е. Николаевской	143
* 162.	В лугах.	Перевод Е. Николаевской	143
* 163.	Таинственная любовь.	Перевод А. Кушнера	144
* 164.	«Вьюга воеет, темня...»	Перевод А. Щербакова	144
* 165.	«Когда ужалил жизнь змеей...»	Перевод Е. Николаевской	145
166.	Моей грезе.	Перевод Т. Спендиаровой	146
167.	Откровение.	Перевод С. Шервинского	147
* 168.	Утро.	Перевод Е. Николаевской	147

169. Карусель. <i>Перевод Т. Спендиаровой</i>	148
170. Шепот и шелест. <i>Перевод Т. Спендиаровой</i>	149
171. «Ты придешь, околдуешь, как в сказке опять...» <i>Перевод Л. Успенского</i>	150
172. Восход солнца. <i>Перевод В. Звягинцевой</i>	151

ВОЗВРАЩЕНИЕ

1910

173. «Я вышел из темницы одиночества...» <i>Перевод В. Звягинцевой</i>	152
174. «Во власти все одних и тех же дум...» <i>Перевод В. Звягинцевой</i>	152

ТЕРНОВЫЙ ВЕНЕЦ

1906 — 1908

175. «С зарей на эшафот поднялся он...» <i>Перевод В. Звягинцевой</i>	154
* 176. Сироты жизни. <i>Перевод А. Щербакова</i>	154
177. «Привет тебе, бурный страдания восторг...» <i>Перевод В. Державина</i>	155
178. «Да, блаженны те, кто в тюрьме глухой...» <i>Перевод М. Касаткина</i>	155
179. «И денно и ночью, то вместе, то разное...» <i>Перевод А. Щербакова</i>	156
180. «Умолкли песни гордые слова...» <i>Перевод М. Павловой</i>	156
181. «Зовут меня ночь напролет, палат мне душу огнем...» <i>Перевод Е. Нежинцева</i>	157
* 182. Ночные кошмары. <i>Перевод А. Щербакова</i>	158
183. Октябрю. <i>Перевод М. Петровых</i>	158
* 184. Город. <i>Перевод А. Щербакова</i>	159
185. «Я принес вам весть побед...» <i>Перевод Н. Чуковского</i>	159
186. «Вой волчий, в ворота ветра стучат...» <i>Перевод Т. Спендиаровой</i>	160
* 187. «Муза, оплачь тех, кто без вести сгинул...» <i>Перевод А. Щербакова</i>	160
188. На каторге. <i>Перевод М. Петровых</i>	160
189. «Вот солнце проснулось. На что оно?...» <i>Перевод Н. Чуковского</i>	161
* 190. «Встречала меня не дружба, встречала злая вражда...» <i>Перевод А. Щербакова</i>	161
* 191. «Восток накинута алый плащ на плечи...» <i>Перевод Е. Николаевской</i>	162
* 192. Города. <i>Перевод А. Щербакова</i>	162
* 193. «Братья, братья...» <i>Перевод А. Щербакова</i>	162

(ЗОЛОТАЯ ЦЕПЬ)

1919 — 1919

- * 194. «Сад расцветает вновь...» Перевод А. Щербакова . . . 164
- * 195. «Опять я с тобой — и спокойно...» Перевод А. Кушнера 164
196. «Дитя мое, ты как птица...» Перевод В. Звягинцевой 165
197. «Я крепко спал. И вот...» Перевод В. Коковкина . . . 165
198. «Я не устал еще от песен и тревоги...» Перевод Е. Лонской . . . 165
199. «Осень, дни холодеют уже...» Перевод С. Ботвинника 166
200. «Люблю я безумных, пропащих людей...» Перевод Вс. Рождественского . . . 166
- * 201. «Вернулась ты. И в сердце — грусть...» Перевод Е. Николаевской . . . 167
202. Петербург. (Сонет). Перевод Вс. Рождественского . . . 167
203. «Я в мире счастья не ищу...» Перевод Л. Успенского . . . 168
- * 204. «Одно лишь спасение есть...» Перевод А. Кушнера . . . 168
- * 205. «Ты же песню поете, всё ту же...» Перевод Е. Николаевской . . . 168
206. «Я простился с родиной моей...» Перевод М. Павловой 169
207. «Глядишь, улыбки не тая...» Перевод Т. Спендиаровой 169
208. «Так грациозно, так легко, неслышно так шагаешь ты...» Перевод Т. Спендиаровой . . . 170
209. К Паоло. Перевод В. Шефнера . . . 170
- * 210. «Я сирота угрюмый...» Перевод А. Щербакова . . . 171
- * 211. «В мир чужой нас занесло...» Перевод А. Щербакова . . . 171
- * 212. «Всем нам здесь уготован...» Перевод А. Щербакова . . . 171
- * 213. «Мы двое бедных детей...» Перевод А. Щербакова . . . 172
- * 214. «Мое жаркое солнце темнеет в тумане...» Перевод Е. Николаевской . . . 172
- * 215. «Пропала радость сердца моего...» Перевод Е. Николаевской . . . 173
- * 216. «Грустен мой дом...» Перевод А. Щербакова . . . 173
217. «Приходят, как волны, дни...» Перевод Ю. Балтрушайтиса . . . 174
- * 218. «Дум междуособница...» Перевод А. Щербакова . . . 174
- * 219. «Из дальней страны своей...» Перевод А. Кушнера . . . 175
- * 220. «Сжигали тебя беспощадно...» Перевод Е. Николаевской 175
221. «В златогканой одежде явилась ты...» Перевод В. Шефнера . . . 176
222. «Видишь, как быстро проносятся дни...» Перевод А. Щербакова . . . 176
223. «Глазам твоим больше не верю я...» Перевод Н. Поляковой . . . 177
224. Газелла. Перевод В. Брюсова . . . 178
225. «Опять спустилась ночь, опять! И снова...» Перевод В. Брюсова . . . 178
- * 226. «И я вспомнил карету, что нас...» Перевод А. Кушнера 179
227. Экспромт. Перевод В. Звягинцевой . . . 179
228. «Если нет любви (о друг, внемли!)...» Перевод В. Брюсова . . . 180
229. «Пришла ты, нежная весна!...» Перевод В. Коковкина 180

230—244. Триолеты

- * 1. «Вся сотканная будто из огня...» *Перевод Е. Николаевской* 181
- * 2. «Ты выпускаешь золотые стрелы...» *Перевод Е. Николаевской* 181
- * 3. «Пламенем горит твой взгляд бездонный...» *Перевод Е. Николаевской* 181
4. «Легки и бесшумны твои шаги...» *Перевод Вс. Рождественского* 182
5. «Никогда тебя не назову...» *Перевод А. Ахматовой* 182
- * 6. «Мое сердце молодо опять...» *Перевод Е. Николаевской* 182
7. «Так же, как и мадам Бовари...» *Перевод Е. Николаевской* 182
8. «Не столь богат персидский шах...» *Перевод Вс. Рождественского* 183
- * 9. «Точит сердце мое непрерывно...» *Перевод Е. Николаевской* 183
- * 10. «Сегодня яр моя придет...» *Перевод Е. Николаевской* 183
- * 11. «Никогда не была еще нежность такой...» *Перевод Е. Николаевской* 184
- * 12. «Я вовек своей Нвард изменять не намерен...» *Перевод Е. Николаевской* 184
- * 13. «Воспоминанья сердца моего...» *Перевод Е. Николаевской* 184
14. «Ты звени, в твоём сердце — весна...» *Перевод С. Ботвинника* 184
15. «О, дни еще печальнее настанут...» *Перевод С. Ботвинника* 185
- 245—248. Моей малютке
1. «Нет, никогда не забуду я трепет...» *Перевод А. Щербакова* 185
2. «Настанет май, придет цветов обилье...» *Перевод А. Щербакова* 185
3. «Огонек... Ты его любила...» *Перевод А. Щербакова* 186
- * 4. «Благословенный херувим...» *Перевод А. Щербакова* 186
- * 249. Подражание. *Перевод Е. Николаевской* 187
250. «Ты Лейла, ты светлый сон, нежный утренний цветок...» *Перевод Т. Стрешневой* 187
251. «Разве вечера не жаль, Марго?...» *Перевод Н. Поляковой* 188
252. «Как вы изменились... Вы с грацией нежной...» *Перевод С. Ботвинника* 188
- * 253. «Ах, звучит еще музыка та...» *Перевод А. Кушнера* 189
254. «Всё тот же адрес у тебя...» *Перевод Вс. Рождественского* 189
- * 255. Принцесса На. *Перевод А. Кушнера* 190
- * 256. «Черным, черным хочу обволочь...» *Перевод Е. Николаевской* 191
- * 257. «Сновидений красными свечами...» *Перевод Е. Николаевской* 192

- * 258. «Знаю мир, знаю мир...» *Перевод Е. Николаевской* . . . 192
- * 259. «Сияющих, радостных дней огневые...» *Перевод Е. Николаевской* . . . 193
- * 260. «Звезды теплились на небосклоне...» *Перевод А. Кушнера* 193
- * 261. «Что осталось мне? Золотая сеть — больше ничего...» *Перевод Е. Николаевской* 194

КОШАЧИЙ РАЙ

1917

- 262. «Кто может Вас не полюбить...» *Перевод Т. Спендиаровой* 195
- 263. «Легкой поступью, тихая...» *Перевод Н. Поляковой* . . . 195
- 264. «Тихо светится тайная грусть...» *Перевод Н. Поляковой* 196
- * 265. «Вы листаете старый какой-то роман...» *Перевод А. Кушнера* 196
- 266. «Как тонки Ваши пальцы, милый друг...» *Перевод Т. Спендиаровой* 197
- * 267. «Ваших нежных рук лилейных...» *Перевод Е. Николаевской* 197
- * 268. «С лицом задумчивым, печально...» *Перевод Е. Николаевской* 198

СТРАНА НАИРИ

1912 — 1919

- 269. «Как сын Лаэрта, мудрый Одиссей...» *Перевод И. Поступальского* 199
- 270. «Песни Армении слышу опять...» *Перевод Н. Чуковского* 200
- 271. «Спускается безжалостная ночь...» *Перевод В. Звягинцевой* 200
- * 272. «Простерта родина моя в крови...» *Перевод А. Щербакова* 201
- 273. «Ты не горда, страна моя...» *Перевод Ф. Сологуба* . . . 201
- 274. «Из мглы восходит призрак, с явью споря...» *Перевод И. Поступальского* 202
- 275. «Я словно вернулся домой...» *Перевод Вс. Рождественского* 202
- 276. «Здесь мать склонялась надо мной...» *Перевод Т. Стрешневой* 203
- 277. «Не породнишься ты со странной...» *Перевод В. Шефнера* 203
- * 278. Вячеславу Иванову. *Перевод А. Щербакова* 203
- 279. «Ужель поэт последний я...» *Перевод В. Брюсова* 204
- 280. «Я помню, осень подошла...» *Перевод Е. Выставкиной* 205
- 281. «Как не любить тебя, родная, бедная...» *Перевод В. Брюсова* 205
- 282. Наирянка. *Перевод К. Бальмонта* 206
- * 283. Арарату. *Перевод А. Щербакова* 206
- 284. «Вот пас бы я стадо в глухой стороне...» *Перевод И. Ивановского* 207

285.	«Пастухи костер разожгли вдали...»	Перевод Л. Успенского	208
286.	«А там пастухи на свободных горах...»	Перевод А. Ахматовой	208
287.	«Хорошо тому, кто спокойно спит...»	Перевод В. Звягинцевой	208
288.	«Что осталось...»	Перевод В. Звягинцевой	209
* 289.	«Сердце замерло мое...»	Перевод А. Щербакова	209
* 290.	«Нынче там, в моей стране...»	Перевод А. Щербакова	210
291.	«Я устал от бесчисленных книг...»	Перевод А. Щербакова	210
292.	«Страна Наири, далекий мой сон...»	Перевод Т. Спендиаровой	211
* 293.	«Мы не орды дикарей из чащоб густых...»	Перевод А. Щербакова	211
* 294.	«Алеют розы мои...»	Перевод А. Щербакова	212
* 295.	«Словно ладан, на сожженье...»	Перевод А. Щербакова	212
296.	«Когда я устану, вы в Гандзу меня отнесите...»	Перевод В. Шефнера	213
297.	Валерию Брюсову.	Перевод Вс. Рождественского	213
298.	«Вот снова дорога моя влечет меня в новые дали...»	Перевод И. Поступальского	214
299.	«В моей душе тысячелетней...»	Перевод В. Звягинцевой	214

«ПЕСНИ СВОБОДЫ»

1917 — 1919

300.	Возрождение.	Перевод Н. Чуковского	216
301.	«Знамя свободы...»	Перевод Н. Чуковского	216
* 302.	«От сна, на смерть похожего, воскресла...»	Перевод Е. Николаевской	216
303.	«Железным шагом вошла...»	Перевод Л. Успенского	217
304.	«Восстань, демократия!...»	Перевод Н. Чуковского	217
305.	«Разрушайте безжалостно каждым ударом...»	Перевод И. Поступальского	217
306.	«Пусть танки враг ведет на нас...»	Перевод М. Павловой	218
307.	«Среди житейской суеты...»	Перевод Е. Полонской	218
* 308.	«Мое небо открыто...»	Перевод Е. Николаевской	219
* 309.	Пробуждение.	Перевод А. Щербакова	219
310.	Песня рабочих.	Перевод В. Звягинцевой	219
311.	«В пустыне одиночества когда-то...»	Перевод Т. Спендиаровой	220
* 312.	Ноктюрн.	Перевод Е. Николаевской	220
313.	Газелла ликования.	Перевод Е. Полонской	221
314.	«Века, века уйдут в небытие...»	Перевод В. Державина	221

РАЗНЫЕ СТИХОТВОРЕНИЯ

1913 — 1919

315.	«Над книгами старинными склоненный...»	Перевод В. Шефнера	222
* 316.	«В бездомную жизнь, в унылый мой день...»	Перевод А. Щербакова	222

- * 317. «К маю бежит речка недель...» *Перевод А. Щербакова* 223
- * 318. «Раскрываются в эту ночь...» *Перевод А. Щербакова* 223
- * 319. «Октябрь холодный стонет у порога...» *Перевод Н. Габриэлян* 224
320. Воспоминания о Лазаревском институте. *Перевод Т. Спендиаровой* 224
321. «В горах живу я не один!» *Перевод К. Арсеновой* 227
322. Молитва («Любви проповедник! Сегодня я вновь...») *Перевод В. Шефнера* 228
323. «Огненное солнце нив безбрежность...» *Перевод С. Ботвинника* 228
324. Аветику Исаакяну. *Перевод Т. Спендиаровой* 229
325. «Ты на страданье не ропщи, — тебе любовь несет оно...» *Перевод И. Ивановского* 229
326. «Спустился мрак, и черный и злоокий...» *Перевод В. Брюсова* 229
- * 327. «Песнями сердце полно...» *Перевод А. Щербакова* 230
328. «Для всех народов день уже сияет новый...» *Перевод И. Поступальского* 230
- * 329. «Ночью сядешь у огня...» *Перевод Н. Габриэлян* 231
330. Газелла прощания. *Перевод С. Ботвинника* 231
- * 331. «Снег прядет — за нитью нить...» *Перевод Е. Николаевской* 232
- * 332. «Не шут на потеху людям, не редких слов ювелир...» *Перевод А. Щербакова* 232
333. «Так было радостно, светло...» *Перевод Т. Спендиаровой* 233
- * 334. «О, почему я не угас...» *Перевод Н. Габриэлян* 233
335. «Пьян, пьян я, томит меня хмель...» *Перевод Т. Спендиаровой* 234
- * 336. «Тень матери моей явилась...» *Перевод А. Щербакова* 234
- * 337. «Солнце спускается в море...» *Перевод Е. Николаевской* 235
- * 338. «Моя душа — бродячая собака...» *Перевод Е. Николаевской* 235
- * 339. «Снова дождь, и в камерке моей...» *Перевод А. Кушнера* 236
- * 340. «Стонет сердце надсадно, надрывно...» *Перевод Е. Николаевской* 236
- * 341. «Как я жарко молю, чтобы кто-то проник...» *Перевод А. Щербакова* 236
- * 342. «В мир моей черной маеты, о радость сердца моего...» *Перевод А. Щербакова* 237
343. «Из поездки вернулись вы дальней...» *Перевод С. Ботвинника* 237
- * 344. «О, сколько пыла, сколько роз...» *Перевод А. Кушнера* 238
- * 345. «Не смотри на цветы с любовью...» *Перевод А. Щербакова* 238
346. «Отныне я дом открываю свой...» *Перевод А. Щербакова* 238
- * 347. «Я выйду, а ветер ползет вдоль земли...» *Перевод Н. Габриэлян* 239
- * 348. «Улицы тихо дремота обьяла...» *Перевод Н. Габриэлян* 239
349. «Кричите вы, лкюя невпопад...» *Перевод М. Павловой* 240
350. «О муза горькая моя, с тех пор...» *Перевод В. Звягинцевой* 240

351.	«День погас, день погас... Немота, тишича...»	Перевод В. Звягинцевой	240
352.	«Только раз, но как сестра, сердечно руку протяни...»	Перевод М. Петровых	241
* 353.	«Пляшет май — пришла его пора...»	Перевод Е. Николаевской	241
* 354.	«Будь мне сестрой... Душа, поверь...»	Перевод Е. Николаевской	242
* 355.	«Звезды в небе ночном...»	Перевод Е. Николаевской	242
* 356.	«О ангел чистый, светлокрылый...»	Перевод Е. Николаевской	242
* 357.	«Звезды блещут и нежно и чисто...»	Перевод Е. Николаевской	243
* 358.	«Склонилась ива к тихому ручью...»	Перевод Е. Николаевской	244
* 359.	«Еще в твоём письме твой голос и движенья...»	Перевод Е. Николаевской	244
* 360.	«Забыть не могу лиловый закат...»	Перевод А. Шербакова	245
* 361.	«Глубокая, как боль земли родной...»	Перевод Н. Габриэлян	245
* 362.	«О, сколько сердцу моему осталось...»	Перевод Н. Габриэлян	246
	Примечания		247
	К иллюстрациям		259

Ваан Терьян

СТИХОТВОРЕНИЯ

Л. О. изд-ва «Советский писатель»,
1980, 272 стр. План выпуска 1980 г.
№ 441.

Редактор *Д. М. Климова*
Художник *И. С. Серов*

Худож. редактор *А. Ф. Третьякова*
Техн. редактор *М. А. Ульянова*
Корректор *Ф. Н. Аврунина*

ИБ № 2271

Сдано в набор 19.03.80. Подписано
к печати 26.06.80. М 15171. Бумага
тип. № 1. Формат 84×108¹/₃₂. Лите-
ратурная гарнитура. Высокая пе-
чать. Усл. печ. л. 14,58. Уч.-изд.
л. 11,92. Тираж 40 000 экз. Заказ
№ 1584. Цена 1 р. 30 к. Изд-во
«Советский писатель». Ленинград-
ское отделение. 191186, Ленинград,
Невский пр., 28. Ордена Трудового
Красного Знамени Ленинградская
типография № 5 Союзполиграф-
прома при Государственном коми-
тете СССР по делам издательств,
полиграфии и книжной торговли.
190000, Ленинград, центр, Крас-
ная ул., 1/3.

